

Б 59-58
95

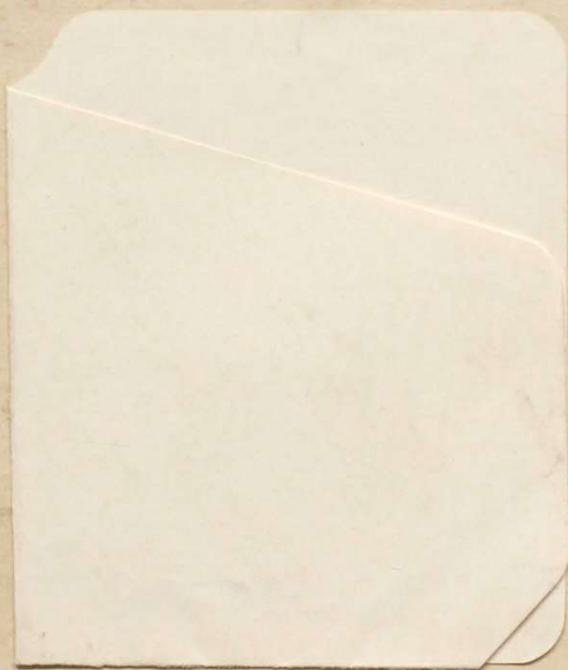
Э. И. СОЛОМОНИК

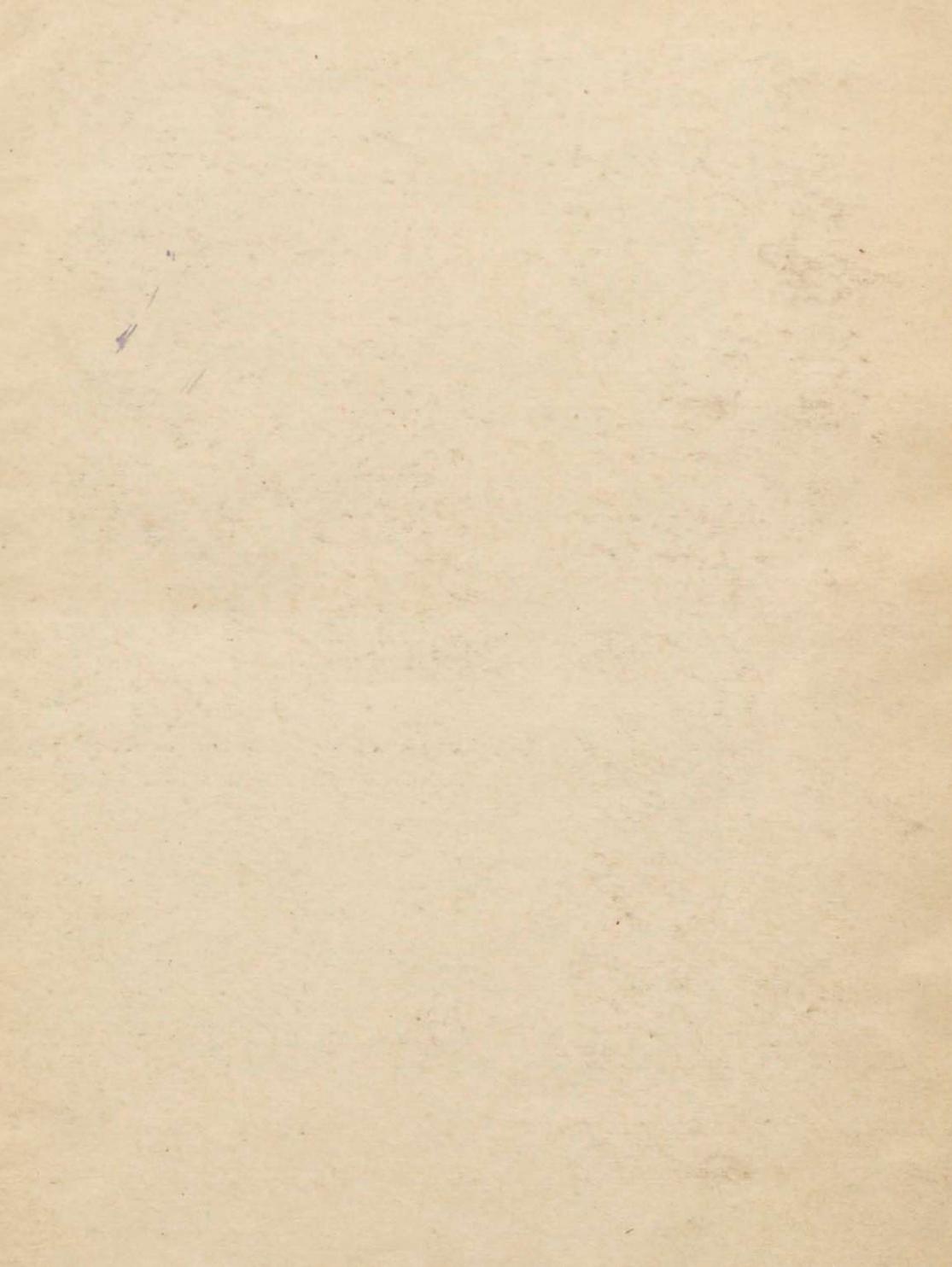
САРМАТСКИЕ
ЗНАКИ
СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

КИЕВ - 1959

59-58
95

1897

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Б 59-58
95

Э. И. СОЛОМОНИК

САРМАТСКИЕ ЗНАКИ
СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1959

*Печатается по постановлению ученого совета Института археологии
Академии наук Украинской ССР.*

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
П. Н. ШУЛЬЦ

59-93206-7

2011146962

ВВЕДЕНИЕ

На различных памятниках скифо-сарматской эпохи встречаются так называемые загадочные знаки. Эти своеобразные изображения могут пролить свет на важные явления экономической и культурной жизни древнего общества, раскрыть новые стороны взаимовлияний греческого и местного населения. Поэтому при всестороннем изучении истории Северного Причерноморья необходимо уделить больше внимания данной категории источников.

Археологические раскопки, проводившиеся в течение более ста лет, дали по этому вопросу обширный фактический материал, однако многие памятники остались неопубликованными, а многие изданы по примерным зарисовкам, без точных сведений о месте и времени их находки.

Неточные публикации приводят к тому, что многие авторы повторяют старые и допускают новые ошибки, делая неверные заключения и выводы. Так, например, при издании плиты с о знаком боспорского царя Савромата II (см. № 11) была неясно изображена нижняя часть знака. Ошибочное изображение было принято всеми издателями (которые не попытались сверить рисунок с подлинником) и вызвало различные толкования несуществующего знака. Внимательное рассмотрение плиты, хранящейся в Керченском историко-археологическом музее, показывает, что перед нами обычная симметричная форма нижней части знака неверно понятая из-за небольшого скола камня.

В высшей степени неточны воспроизведения знаков на плите из Кривого Рога и ольвийских львах, так же повторенные во многих работах, особенно при сопоставлении различных систем знаков и письма.

Следует отметить, что в ряде случаев плохая сохранность памятника или нагромождение знаков, перекрывающих друг друга, не позволяют с уверенностью воспроизвести их очертания.

Встречается и другая трудность. При выделении знаков среди множества других изображений мы не можем считать себя полностью гаран-

тированными от ошибок, которые будут выявляться по мере изучения отдельных памятников.

Некоторые знаки близки к рисункам и орнаментам, другие сходны с буквами и могут быть определены лишь благодаря общей характеристике памятника, хотя это не всегда удается.

Приведем один пример. В Ольвии была найдена плита с греческой надписью и двумя изображениями, которые издатели приняли за знаки. Детальное ознакомление с памятником в Херсонском музее (рисунки в изданиях оказались неточными) и поиски аналогий показали, что данные изображения не могут быть отнесены к знакам. Путем дальнейшего изучения мы пришли к выводу, что это сложные греческие монограммы, содержащие имена лиц, названных в надписи¹. Формы этих монограмм несколько напоминают причерноморские знаки (ср. знак на плите из Илурата, № 40) и потому легко могли получить ошибочное толкование.

Назрела необходимость в обобщающих работах по знакам, изучение которых дало бы возможность сделать серьезные исторические выводы, основанные на полном и доброкачественном фактическом материале, рассмотренном с правильных методологических позиций.

Первым шагом к осуществлению большой и сложной задачи изучения знаков должна явиться их научная публикация, подготовленная по примеру изданий археологических и эпиграфических памятников. Выполнению этой задачи и посвящена вторая часть данной работы.

Включенный в работу материал собран в музеях Крыма (Керченском, Херсонесском, Областном краеведческом и Бахчисарайском), Москвы (Историческом музее и Музее изобразительных искусств) и Ленинграда (Государственном Эрмитаже и Музее антропологии и этнографии), а также в Киевском, Одесском, Херсонском, Краснодарском и других музеях, в фондах и архивах ИИМК и Отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР². Часть материала уже издана, часть публикуется впервые.

В целях точной фиксации знаков мы делали фотографии, эстампажи, зарисовки и описания памятников, изучали соответствующий архивный и печатный материал.

Считая необходимым рассматривать знаки не изолированно, сами по себе, а в связи с историей общества, мы стремились по возможности уточнить вопросы хронологии, связав данные памятники с соответствующими археологическими комплексами.

¹ Подробнее см. нашу статью «О двух загадочных знаках на стеле из Ольвии», КСИА, в. 6, К., 1956. Пользуюсь случаем, чтобы добавить, что непонятные изображения над монограммами, вероятнее всего, представляют собой знаки аббревиатуры (сокращения слов), особенно часто применяемые в собственных именах. Ср. L a r f e l d, Griechische Epigraphik, München, 1914, стр. 278.

² Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность сотрудникам этих музеев за оказанную помощь в работе.

Точная фиксация знаков помогает выяснять центры и ареал их распространения. Уточнение же хронологических рамок их существования и датировки отдельных знаков важны и для археологии в целом, так как они должны помочь в будущем использовать знаки в качестве дополнительного, а в отдельных случаях и основного датирующего материала. Кроме того, знаки смогут сыграть существенную роль при выделении группы местных причерноморских изделий.

Издание причерноморских знаков уже дает некоторый материал для первичной классификации знаков и общей постановки вопроса об их происхождении, смысловом содержании, назначении, сферах распространения и связи с системами письма. Свои соображения по этому поводу мы попытались изложить в первой части работы.

На материале знаков ярко прослеживается еще одна область культурного взаимодействия древних греков с местным населением Северного Причерноморья. Местное население заимствовало греческую письменность (ср. плиты с греческими надписями из Неаполя скифского и городищ Фоти-Сала и Марьино) или формы отдельных букв для своих знаков, а в античных городах, наряду с греческой письменностью, использовались и местные знаки.

В конце работы помещена общая таблица знаков Северного Причерноморья.

Поскольку каждый знак может встретиться на ряде памятников, а, с другой стороны, на одном памятнике бывает по несколько знаков, мы составили также пояснение к общей таблице (*comparatio numerorum*), помогающее читателю быстрее ориентироваться в материале. По этой цифровой таблице можно сразу установить, на каких памятниках Северного Причерноморья встречается тот или иной знак.

Кроме того, к работе приложено два указателя: мест находок и мест хранения памятников со знаками, а также библиография¹.

¹ Фотографии выполнены С. К. Себекиным и фотолабораториями музеев, таблицы и рисунки — С. К. Себекиным и автором.

ЧАСТЬ I

О САРМАТСКИХ
ЗНАКАХ

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Древние писатели, оставившие нам многочисленные свидетельства о Северном Причерноморье, к сожалению, не сообщают никаких сведений по поводу сарматских знаков¹. Вероятно, это объясняется тем, что знаки получили широкое распространение в первые века н. э., то есть в период, от которого не осталось подробных описаний жизни племен и народов Северного Причерноморья. Сведения Геродота и других греческих писателей основаны в значительной мере на личных впечатлениях и свидетельствах современников; римские же авторы, как правило, пользовались устаревшими книжными данными, лишь частично дополненными новыми сведениями, да и то преимущественно из области военной и политической истории.

По мере накопления материала возрастал и интерес к этим важным и своеобразным историческим памятникам; издавна начали публиковать отдельные знаки, а также предпринимались попытки истолковать их значение и происхождение. Поскольку знаки встречались в археологическом и этнографическом материале самых различных стран мира, стали прибегать к их сравнительному изучению и попыткам обобщения всего материала.

В 1853 г. Н. Мурзакевич² опубликовал необычный памятник, найденный в Ольвии, — скульптурные изображения двух львов, сплошь испещренные непонятными знаками.

В 1870 г. в Ольвии была найдена греческая надпись с неизвестным «варварским» именем Ἀσφόροχος и непонятными знаками внизу, вскоре изданная Ф. Струве и В. Юргевичем³.

¹ Косвенный намек, возможно, имеется у Плиния (Plin., N. H., XXII, 2), когда он рассказывает об обычае сарматов наносить на тело различные начертания (сarroга sua inscribunt). Ср. Амм. Марс., XXXI, 14, и Herod., V, 6, о татуировке у агафирсов и фракийцев.

² Н. Мурзакевич, Ольвийские древности, 300, т. III, 1853, стр. 247 и табл. VI.

³ Th. Struve, Pontische Briefe, Rheinisches Museum für Philologie, . 25, 1870; В. Юргевич, Ольвийская надпись, 300, т. VIII, 1872.

Почти одновременно с этой находкой различные знаки были обнаружены в Крыму, на территории Боспорского царства. В 1871 г. в Керчи была случайно найдена плита с многочисленными знаками, на следующий год загадочные начертания были открыты на стенах погребальных склепов (см. № 51 и 52).

На основе этого небольшого материала А. И. Савельев и П. О. Бурачков попытались объяснить, что представляют собой указанные загадочные знаки и кому они принадлежат. Савельев¹ остановил свое внимание на двух памятниках со знаками — ольвийских львах и одном из керченских склепов — и правильно подметил некоторое сходство между ними. Однако без достаточного фактического материала он датировал их поздним временем и принял за тамги тюркских и монгольских племен, якобы принесенные в Причерноморье татарами.

В статье «О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России»² Бурачков писал: «Наши надписи находятся в ближайшем родственном отношении к руническим начертаниям Шлезвига и шведской провинции Скании». Далее он указывал, что Энгельгардт приписывает эти памятники готам и что «поэтому и мы, не колеблясь, можем признать наши надписи принадлежащими готам».

Исходя из предположения, что перед ним неизвестное, но сложившееся письмо, Бурачков попытался сравнивать отдельные знаки с различными системами письма. Поэтому наряду с сопоставлением знаков с германскими рунами мы находим у него следующее замечание: «...многие ольвийские рунические знаки, по-нашему, имеют поразительное сходство с буквами болгарской глаголицы»³.

Дальнейшие находки знаков в Крыму показали, что многие из них относятся к I—II вв. н. э. и потому не могут быть приписаны готам, однако это мнение повторяется в целом ряде работ⁴.

Еще на V Археологическом съезде Е. Т. Соловьев призывал к широкому изучению знаков и наметил методику их исследования⁵. Он правильно подчеркивал значение знаков как исторического источника, указывая, что они свидетельствуют об определенном уровне развития общества и,

¹ А. И. Савельев, Два лапидарных памятника, журн. «Древняя и новая Россия», 1875, № 4, стр. 373 сл.

² ЗОО, т. IX, 1875, стр. 194.

³ Там же, стр. 198. В статьях Савельева и Бурачкова нет взаимных ссылок, так как они написаны в одно время.

⁴ G. Kieseritzky und C. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, стр. 34, 41 и др.; K. Schuchhardt, Vorgeschichte von Deutschland, 1928, стр. 274; L. Kozłowski, Zarys Pradziejów Polski Południowo-wschodniej, Lwów, 1939, стр. 100.

⁵ Е. Т. Соловьев, О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и других племен, населяющих Россию, Труды. V АС, М., 1887.

вместе с другими данными, помогают более точно определить географическое распределение племен.

В 1889 г. в XV томе «Записок Одесского общества истории и древностей» было помещено три статьи о различных загадочных надписях и знаках — Е. Фелицына, В. Юргевича и В. Латышева.

Фелицын опубликовал целую серию таблиц кавказских тамг, использованных многими в качестве сравнительного материала при изучении знаков.

Юргевич¹ издал плиту из Кривого Рога. Сопоставляя изображения на ней с ранее известными и в особенности с кавказскими тамгами, он пришел к заключению, что причерноморские знаки носят также тамгообразный характер и являются родовыми знаками собственности.

В отличие от точки зрения Бурачкова о готском происхождении этих знаков Юргевич, последовательно развивая свою мысль, высказал предположение, что они попали в Причерноморье вместе с народом, пришедшим с Кавказа, вероятно с аланами.

Статья Латышева² была посвящена эпиграфическому памятнику несколько иного рода, который он, однако, также имел основание назвать загадочным. Текст, написанный греческими буквами, не мог быть прочитан по-гречески, за исключением отдельных слов, и, кроме того, дважды включал какой-то неизвестный знак.

Вновь найденные загадочные надписи из Ольвии были изданы Латышевым в *IosPE*; к их толкованию он возвращался и в отдельных статьях, высказывая по этому поводу различные предположения.

В *IosPE*, I¹, 166 и 167, Латышев высказал предположение, что загадочные ольвийские надписи представляют собой криптографию или письменность одного из местных племен (каллипидов, или эллиноскифов), усвоивших греческий алфавит с прибавлением особых знаков. Позже, на основе более обширного материала, Латышев пришел к заключению, что перед ним не прочно установившийся алфавит, а условное письмо, состоящее из букв и монограмм³.

При публикации надписей Северного Причерноморья Латышев обратил внимание и на знаки, которые особенно часто встречаются на Боспоре. В аннотации к одной строительной надписи из Танаиса (*IosPE*, IV, 447) он, например, пояснил, что посередине камня вырезана монограмма или знак, который можно сравнить с тамгами, употребляемыми кавказскими племенами.

¹ В. Юргевич, Камень с загадочными знаками, хранящийся в музее Одесского общества истории и древностей, ЗСО, т. XV, 1889.

² В. В. Латышев, Загадочные ольвийские надписи, ЗСО, т. XV, 1889.

³ В. В. Латышев, Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей, ЗРАО, т. IV, 1890, стр. 134 и 136.

В одной из первых обобщающих работ о скифах, где сведены с достаточной полнотой все имевшиеся тогда свидетельства письменных и археологических источников, — книге А. С. Лаппо-Данилевского «Скифские древности» — затронут вопрос об уровне культуры скифского общества. Лаппо-Данилевский отмечает, что скифы заимствовали греческую письменность, а своего самобытного письма, видимо, не имели. Однако здесь же он указывает, что в области Скифии встречаются камни с еще недостаточно изученными загадочными знаками, и перечисляет главнейшие из них. Подобные знаки, по мнению автора, встречаются на Кавказе, в Сибири, на берегах Томи, Енисея, в Пермской губернии, на Онежском озере, а также в Западной Европе¹.

Лаппо-Данилевский отвергает мнение Бурачкова о принадлежности причерноморских знаков готам и предположительно рассматривает их как упрощенное идеографическое письмо.

Для того чтобы связать знаки с историей общества и определить их характер, необходимо было добиться в первую очередь более точных датировок. За решение этой задачи успешно взялся известный исследователь боспорских древностей В. В. Шкорпил. На различных предметах, в частности на многочисленных поясных пряжках, наконечниках и украшениях конской сбруи, он обнаружил знаки, аналогичные тем, которые встречались на каменных плитах.

Путем классификации и датировки этого материала по сопутствующим находкам Шкорпил пришел к выводу, что хронологические рамки бытования боспорских знаков определяются периодом от I до III в. н. э.² Однако некоторые точно датированные памятники (см. № 30 и 37) показывают, что знаки существовали и в IV в. н. э., т. е. вплоть до гибели Боспора и многих античных городов.

Рассматривая наиболее распространенный на Боспоре знак , Шкорпил сделал заключение, что это был знак не одного какого-либо царя, а всего рода, царствовавшего на Боспоре в течение нескольких столетий³.

В работах Миннза, Эберта, Ростовцева и других в основном повторяются выводы Латышева и Шкорпила о характере и хронологии знаков⁴, но Эберт и Ростовцев в первую очередь подчеркивают их апотропический, магический характер⁵.

¹ А. С. Лаппо-Данилевский, Скифские древности, ЗРАО, т. IV, 1887, стр. 518 сл.

² В. В. Шкорпил, Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия, ИАК, в. 37, 1910, стр. 32.

³ Там же, стр. 34.

⁴ E. H. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 316—318; M. Ebert, PZ, I, 1909, стр. 69 сл.

⁵ M. Ebert, там же, стр. 71; АДЖ, стр. 298.

В 1933 г. появилось специальное исследование по интересующему нас вопросу — книга И. И. Мещанинова «Загадочные знаки Причерноморья»¹. Мещанинов впервые попытался обобщить большой материал по знакам Причерноморья и подверг критическому пересмотру ряд утверждений Бурачкова, Юргевича, Ростовцева и др., однако его собственные положения во многих случаях не подкреплены убедительным фактическим материалом.

Наиболее слабыми в книге оказались исторические построения автора, а при неверных посылах попытки связать знаки с историей общества, естественно, приводили к необоснованным выводам. Исходя из теории стадильности Н. Я. Марра, автохтонизма и отрицания миграций, Мещанинов без анализа фактического материала, на основе априорного умозаключения заявляет, что сарматы могли быть лишь носителями боспорских знаков, а их творцов надо искать у более древнего местного населения Боспора².

Рассмотрим, как Мещанинов обосновывает другой свой вывод, что знаки на Боспоре якобы ни в какой мере нельзя рассматривать как зачатки письменности. Низшие слои общества, пишет он, не ощущали еще потребности в письменности, а фонемное письмо, по его мнению, есть классовое письмо, письмо господствующего класса³.

Указанное положение Мещанинов применяет также к скифскому обществу. В. И. Равдоникас, а вслед за ним Мещанинов и другие признавали некую «скифскую стадию», которую считали доклассовой стадией развития местного населения Северного Причерноморья. Целиком солидаризируясь с мнением Равдоникаса, Мещанинов утверждает, что Скифия еще не была государством⁴, а скифы, будучи на доклассовой стадии, не нуждались в письме и потому не могли заимствовать его у греков⁵.

Эти выводы противоречат фактам. Как убедительно доказывают исследования последних десятилетий, скифское общество в своем развитии достигло разделения на классы и создало свое государство. Сравнительно высокий уровень развития скифского общества, широкие торговые связи с греческим миром и близкое соседство с греческими городами-государствами приводили к использованию скифами (особенно верхушкой) греческого языка и письма. Об этом говорят греческие надписи Неаполя скифского⁶.

В заключение следует сказать, что многие вопросы, поставленные,

¹ ИГАИМК, в. 62.

² Там же, стр. 16 и 21.

³ Там же, стр. 29.

⁴ В. И. Равдоникас, Пещерные города Крыма., ИГАИМК, т. XII, 1932, стр. 62 и 76; И. И. Мещанинов, ук. соч., стр. 68.

⁵ Там же, стр. 79.

⁶ IosPE, I², 668—673; Э. И. Соломоник, Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса, СА, XXVIII.

но неверно решенные в работе Мещанинова, до сих пор не нашли удовлетворительного ответа.

Большую путаницу в эту проблему внесли некоторые общие высказывания Марра о времени появления письма, не опирающиеся на какой-либо фактический материал и дезориентирующие своей категоричностью. Приведем одно из них: «...в неолите, да и на значительной глубине палеолита имеем уже письмо, а в неолитические эпохи обнаруживается совершенно разработанный алфавит»¹.

Специальных общих работ по причерноморским знакам больше не появлялось, однако в отдельных публикациях и статьях поднимается этот вопрос, особенно в связи с новыми находками послевоенных лет и изучением славянских, кавказских и других знаков. Так, в работах Б. А. Рыбакова² и С. П. Толстова³ рассматриваются знаки Киевской Руси и древнего Хорезма, дающие нам важный сравнительный материал; в них ставится также вопрос о возможной исторической взаимосвязи знаков Рюриковичей и Сиявудилов с причерноморскими знаками.

Общую характеристику боспорских знаков с привлечением новейших материалов мы находим в книге В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство». Автор справедливо подчеркивает характерную особенность некоторых боспорских памятников — сочетание греческих надписей со знаками, которое подтверждает своеобразие культуры Боспора римской эпохи, характеризовавшейся переплетением греческих и местных элементов⁴.

Знакам на некоторых херсонесских памятниках, носившим, видимо, магический характер, посвящена статья Е. М. Штаерман⁵.

Большой интерес советских исследователей привлекает проблема происхождения русской письменности. В этой связи возникает вопрос, играли ли какую-нибудь роль в данном процессе причерноморские знаки.

В ряде работ последних лет убедительно показано, что славянская письменность существовала задолго до 989 г., а следовательно, ее появление на Руси нельзя связывать с принятием христианства и объяснять заимствованием из Византии⁶. Дешифровка неразгаданных надписей на некоторых славянских памятниках является первоочередной задачей при окончательном решении этого вопроса.

¹ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. III, стр. 46.

² Б. А. Рыбаков, Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси, СА, VI, 1940; его же статья в книге «История культуры древней Руси», I, 1948, стр. 104 сл.; его же, Древние русы, СА, XVII, 1953.

³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 184 сл.; его же, Из пред- истории Руси, СЭ, VI-VII, 1947, стр. 46.

⁴ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 427 сл.

⁵ Е. М. Штаерман, О «загадочных знаках» Северного Причерноморья, ВДИ, 9150, № 1.

⁶ Е. М. Эпштейн, К вопросу о времени происхождения русской письменности, УЗЛГУ, серия ист. наук, в. 15, 1948; Д. А. Лихачев, Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, ВИ, 1951, № 12.

В статьях В. П. Пожидаева¹ и Н. А. Константинова² делаются попытки целikom вывести славянскую глаголицу из кавказских тамг или причерноморских знаков, что не находит достаточного подтверждения в фактическом материале и встречает серьезные возражения специалистов³.

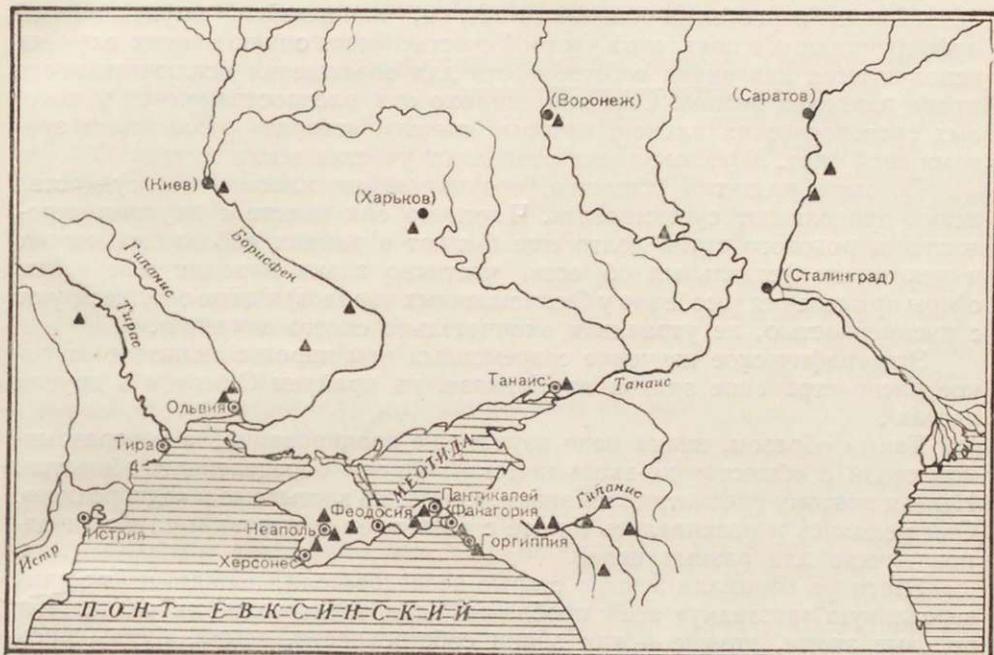

Рис. I. Схематическая карта распространения скифо-сарматских знаков.
▲ — места находок.

Собирая и изучая знаки, мы, конечно, не механически накапливали материал, а старались выявить характерные особенности каждого памятника. Группируя сходные знаки, мы подготовляем, таким образом,

¹ В. П. Пожидаев, Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент, УЗКНИИ, т. IV, 1948.

² Н. А. Константинов, Новые данные о происхождении русской письменности, газ. «Смена» (Ленинград) от 25 апреля 1951 г.; е го же, Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья (к вопросу о происхождении славянского письма), альманах «Крым», № 7, 1951.

³ См. тезисы доклада Б. А. Рыбакова на сессии по истории Крыма «Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований», Крымиздат, 1952, стр. 14 сл.

данные для их общей классификации с выявлением значения отдельных групп знаков и определением территориальных и хронологических границ их распространения.

Появление знаков относится еще ко времени родового строя. В период разложения первобытно-общинного строя, начавшейся имущественной дифференциации и появления частной собственности они во многих случаях используются как знаки собственности для ограждения исключительного права владения вещью. Особенно широко они распространяются у кочевых скотоводческих племен, которые «метят», «таврят» различными знаками свой скот. Межевые знаки разделяют участки земли и т. п.

По мере развития общества, возникновения классов и государства знаки продолжают существовать. Частично они вместе с другими пережитками родового строя долго еще бытуют в рамках рабовладельческих и некоторых феодальных обществ; частично знаки находят себе новые сферы применения (особенно у бесписьменных народов) и даже сосуществуют с письменностью, не утрачивая окончательно своего значения.

Этнографическое изучение современных нам народов показало широкое распространение знаков на Кавказе, на крайнем Севере и в других местах¹.

Таким образом, знаки надо изучать не изолированно, а в неразрывной связи с общественно-экономическим строем определенного общества. Нельзя поэтому рассматривать знаки, как нечто застывшее и «однородное». Они менялись и развивались вместе с развитием общества и служили одновременно для разных целей.

Этого не понимали многие старые исследователи, пытаясь найти универсальную «разгадку» всей проблемы; одни трактовали их только как родовые знаки, другие — как знаки собственности, тамги, буквы письма, монограммы, магические знаки и т. п., допуская, таким образом, методологическую ошибку при решении поставленной задачи.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗНАКОВ

Большой интерес представляет вопрос о происхождении причерноморских знаков, их связи с определенной этнической средой.

В заголовке работы мы назвали их сарматскими. Теперь следует разъяснить, насколько правомерно такое название и как его надо понимать.

¹ См. П. С. Ефименко, Юридические знаки, ЖМНП, 1874, ч. [CLXXV и CLXXVI]; В. Н. Майнов, Очерк юридического быта мордвы, ЗРГО, отд. этногр., т. XIV, в. 1, 1885; В. П. Пожидаев, Хозяйственный быт Кабарды, 1925; А. Н. Самойлович, К вопросу об этнографическом изучении Крыма, Зап. Крым. об-ва естеств. и люб. природы, т. VI, 1917, стр. 131; Г. К. Гейкель, Из финляндской археологической литературы, ИАК, в. 38, 1911, и др.

Возникли ли знаки в пределах Северного Причерноморья или они принесены извне? Были ли скифские и сарматские племена только носителями знаков, заимствованных в основном у других племен, или они появились в их среде?

Рассмотрев имеющийся материал, мы прежде всего пришли к выводу, что нельзя сколько-нибудь продвинуть вперед решение поставленных вопросов, не выходя за пределы памятников Северного Причерноморья. Знаки встречаются в Северном Причерноморье в основном с I в. н. э., т. е. в период усиленной сарматизации и появления среди местной правящей династии на Боспоре царей с именами Савромат и Аспург. Уже это заставляло предполагать, что они принесены в Северное Причерноморье сарматами. Сарматы двигались с востока, и знаки были больше всего распространены на Боспоре и почти совсем не встречаются в западном Крыму.

Для подтверждения гипотезы о сарматском происхождении причерноморских знаков мы обратились к более ранним, «чистым» памятникам сарматской культуры. Оказалось, что на ряде сарматских памятников имеются знаки, полностью совпадающие с причерноморскими. (Подробнее о каждой группе перечисляемых памятников см. ниже.)

Приведем несколько примеров.

По ряду признаков сарматские котлы отличаются от скифских. На скифских котлах, известных еще с VI в. до н. э., никаких знаков нет. Среди сарматских котлов, появившихся примерно с III в. до н. э., некоторые украшены знакомыми нам знаками (котлы, найденные на Кубани, судя по сопровождающим их вещам, относятся к I в. до н. э. — I в. н. э.).

В районе Поволжья в сарматских погребениях IV—II вв. до н. э. обнаружены лепные сосуды, украшенные такими же знаками (Калиновский могильник около с. Рахинки, курган № 2 у с. Верхнего Погромного, 2-й Бережновский могильник; см. № 145).

Большую и характерную группу сарматских памятников составляют маленькие зеркала-подвески с петлеобразной ручкой, входящие в погребальный инвентарь. Они встречаются одновременно (II—III вв. н. э.) на Кубани, Волге и Дону, а также по всему Северному Причерноморью и часто украшены знаками или близким к ним орнаментом.

Все эти факты позволяют со значительной долей уверенности предполагать, что рассматриваемые знаки существовали в сарматской среде и по мере продвижения этих племен с востока на запад проникли в Северное Причерноморье¹.

Нельзя думать, что под влиянием сарматской культуры в первые

¹ Для большей убедительности и полноты картины мы включаем во вторую часть работы указанные выше материалы, хотя они выходят за рамки Северного Причерноморья.

века н. э. совершенно растворилось и исчезло все скифское. Против этого говорит новый подъем скифского государства при Фарзое и Инисмее и археологические материалы скифских городищ и могильников. Так, например, Неаполь скифский, городище Кермен-Кыр у совхоза «Красный» и склеп около с. Красногорского (б. Нейзац), где встречаются знаки, относятся к позднескифским памятникам, хотя и сильно осложненным сарматскими влияниями. Вместе с другими элементами сарматской культуры скифы, видимо, частично заимствовали и знаки¹.

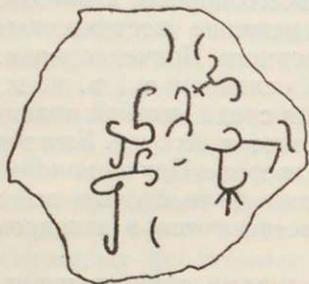

Рис. II. Знаки на скале
Калмак-Кырган.

Ввиду того, что во многих случаях невозможно отделить скифские элементы от сарматских (в Северном Причерноморье первых веков н. э. складывается смешанная культура), возникает термин «скифо-сарматская культура». В соответствии с этим иногда употребляют выражение «скифо-сарматские знаки», хотя сарматы сыграли в их истории несравненно большую роль.

Мы, конечно, не будем касаться вопроса о формировании самих сарматских знаков, так как это слишком далеко уведет нас в сторону, но отдельные моменты требуют объяснения.

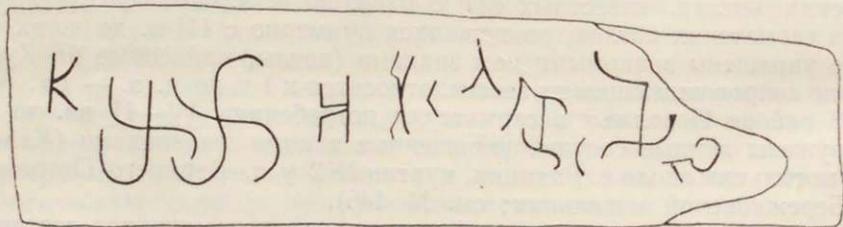

Рис. III. Знаки на плите из Алтайских курганов.

При формировании любой системы знаков на протяжении длительного периода времени некоторые изображения обычно заимствовались у соседних племен и народов. Отсюда и распространение сходных форм знаков

¹ Вероятно, какие-то знаки скифы применяли и раньше, но в весьма небольшом количестве и несколько иных форм. Об этом, например, свидетельствуют знаки, процарапанные на некоторых скифских стрелках. См. Д. Н. Анучин, О древнем луке и стрелах, Труды V АС, М., 1887, стр. 407, рис. 71 (стрелки из Харьковской губ.); Р. Рау, Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929, табл. XX, 1 D. Большое количество рельефных знаков на стрелках имеется в коллекции Киевского исторического музея (АС 24228, Б-39-2, Б-373, 375, 378 и др.). Ср. М. Максимович, Украинские стрелы древнейших времен, Древности. Арх. вестник, т. I, М., 1868; Р. Рау, ук. соч., табл. VIII, 3с, и др. Среди них мы нахо-

на широкой территории, особенно у родственных племен, стоявших примерно на одинаковой ступени развития (мы здесь не говорим о случайных совпадениях простых геометрических очертаний, которые нельзя принимать в расчет). Ярким примером может служить сходство основных тамг многочисленных монгольских и тюркских народов.

В результате таких же заимствований к сарматам могли попасть некоторые знаки из районов Сибири, Алтая и Средней Азии, проникшие затем в Северное Причерноморье.

С. П. Толстов¹ указывал на сходство ряда знаков древнего Хорезма с причерноморскими, в том числе на полное совпадение одной сравнительно сложной тамги Сиявушидов со знаком на плите из Кривого Рога (). Мы обнаружили близкие аналогии этому знаку еще на трех изданных памятниках: в пещере Ак-Кая (Крым) (см. № 57), на каменной плите из Ольвии (см. № 59), а также на скале Калмак-Кырган (Казахстан)².

Знаки, сходные с причерноморскими, имеются на каменной плите из Алтайских курганов³, на бронзовом котле из Сибири (см. № 139)⁴ и других памятниках. Некоторые китайские зеркала III—IV вв. н. э. по форме и орнаменту также близки сарматским⁵.

О ФОРМАХ ЗНАКОВ

Памятники с причерноморскими знаками показывают, что сочетание изображений и знаков, а также формы некоторых знаков восходят к значительно более ранней эпохе. Примером может служить мотив свастики, который встречается в Египте, Ассирии и Вавилоне⁶, на пряслицах из раскопок Трои⁷ (орнамент из подобных знаков известен позднее в античной вазовой живописи), на печатях-амулетах из древней Индии (культура Мохенджо-Даро)⁸, на сосудах эпохи бронзы степной полосы Вос-

дим прямые и косые кресты, зигзаги и др. Можно согласиться с Б. Н. Граковым (МИА, № 36, 1954, стр. 130), что многие рельефные изображения на ранних скифских стрелках, встречающиеся с V в. до н. э., вероятнее всего, представляют собой орнаментальные украшения.

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 184 сл.

² Архив А. А. Спицына в ИИМК (Ленинград), ф. 5, № 311, л. 180.

³ Каталог собрания гр. Уварова, М., 1887, стр. 27 сл., рис. 14.

⁴ Интересно, что сарматские котлы и типологически сближают с сибирскими. См. ниже ссылку на работы Б. А. Шрамко.

⁵ См. китайский журн. «Вэнь'у цанькао цзыляу» («Памятники материальной культуры»), 1955, № 11/63, стр. 45.

⁶ K. S t e i n e n, Prähistorische Zeichen und Ornamente, Berlin, 1896, стр. 253.

⁷ H. S c h l i e m a n n, Ilios, Leipzig, 1881, № 1851, 1946 и др.

⁸ Э. М а к к е й, Древнейшая культура долины Инда (1948), 1951, стр. 77.

точной Европы¹ и других памятниках². Везде объяснять появление свастики заимствованием нельзя: сходные формы могли возникнуть и независимо друг от друга.

Отличительной особенностью знаков по сравнению с любой системой письма является неограниченное их количество, которое все время возрастает путем варьирования старых и включения новых форм. Последние могут заимствоваться из знаков или письма других (чаще соседних) племен и народов, а также представлять собой упрощенные рисунки или простые геометрические фигуры³. При переходе знаков к другому народу обычно изменяются их значение и форма⁴. Поэтому установить происхождение, а тем более значение каждой формы представляет большие, порой непреодолимые трудности, и здесь мы часто остаемся на почве более или менее убедительных предположений. Исключение составляют системы тамг, близкие к рисункам и сохранившие соответствующие названия каждого знака, как, например, калмыцкие тамги, в которых легко распознать изображение предметов домашнего быта или религиозного культа (нагайка, молоток, удила, лук со стрелой, острога для ловли рыбы, молитвенная утварь и т. п.)⁵.

На скифо-сарматских памятниках мы также встречаем сочетание рисунков и знаков, простые геометрические очертания, формы, близкие к буквам греческого письма (Λ, Υ, Β, Κ и др.), а также схематизацию рисуночных форм и усложнение форм знаков до двух- и трехчленных.

Б. А. Рыбаков⁶ высказал предположение, что нижняя часть ряда боспорских знаков (ΠΠ) имеет сходство со стилизованным изображением двух коней, идущих в разные стороны, а верхние части напоминают человека с поднятыми руками (знак Савромата) или головы рогатых животных.

¹ А. А. Формозов, Сосуды срубной культуры с загадочными знаками, ВДИ, 1953, № 1, стр. 199.

² См. Б. В. Лукин, Фрагмент архаической керамики с Кизитиринского городища, орнаментированный свастическими знаками, ЗСҚОАИЭ, кн. 1, в. 1, 1927. Фрагмент сосуда со свастикой найден в 1952 г. на горе Уч-Баш (Крым) на поселении кизил-кобинской культуры, примерно IX—VIII вв. до н. э.

³ О происхождении некоторых марок из букв рунического письма см. С. Г. Ноттеуег, Die Haus- und Hofmarken, Berlin, 1870, стр. 141 сл.; Ч. Лоукотка (Развитие письма, М, 1950, стр. 90) указывает, что в Аравии у современных бедуинов в качестве знаков собственности использованы остатки самудского письма. Известно также, что часть своих знаков ненцы заимствовали из русского алфавита. См. А. Шифнер, Об этнографической важности знаков собственности, Уч. зап. Ак. наук, т. III, 1855, стр. 604.

⁴ Ср. К. Steinen, ук. соч., стр. 251.

⁵ П. Небольсин, Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, СПб, 1852, стр. 13 и табл. тамг.

⁶ Б. А. Рыбаков, Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв., стр. 234, сноска 1.

К сходным выводам, высказанным в еще более определенной форме, пришел и С. П. Толстов¹. Он указывает, что в нижней части тамги аспургианов читаются протомы двух коней или один конь, повернутый влево², верхняя часть тамги несомненно воспринимается как птица.

Форма знака на прорезной пряжке из Чернореченского могильника II—IV вв. н. э. (раскопки 1950 г.) может в некоторой степени подтвердить правильность гипотезы Рыбакова и Толстова, что в основе начертания нижней части Боспорских знаков лежит изображение двух коней (см. № 88). Здесь рисунок еще не перешел полностью в схему, и в утолщениях на концах можно предполагать изображения конских голов³.

Нам известен культ коня у скифских и сарматских племен⁴, в частности обычай убивать и хоронить коней вместе с хозяином. Возможно, с этим культом был первоначально связан знак TTT , который часто встречается на каменных надгробиях и золотых украшениях конской сбруи.

Можно предполагать, что форма U представляет собой стилизацию головы рогатого животного (отдельно она встречается на бляшках, сосудах и котлах), а форма N — изображение змей⁵, но убедительных доказательств у нас пока нет. Их, видимо, следует искать в схематических рисунках того времени⁶.

Многочленные знаки не характерны для времени родового строя, и поэтому мы вправе считать их наиболее поздними, сложившимися уже в Боспорском царстве путем усложнения и сочетания старых форм. Эти знаки могли носить в значительной мере условный характер, который почти невозможно раскрыть без дополнительных данных письменных источников, каковыми мы не располагаем⁷.

¹ С. П. Толстов, ук. соч., стр. 186.

² О неверной трактовке нижней части знака Савромата II сказано выше.

³ О широком распространении мотива геральдически расположенных конских голов см. статью П. Н. Шульца в сб. «История и археология древнего Крыма», К., 1957, стр. 92, рис. 16.

⁴ См. В. А. Городцов, Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве, Труды ГИМ, в. 1, 1926, стр. 22, рис. 18.

⁵ Ср. изображения змей на пряслицах из Трои, К. Steinen, ук. соч., стр. 254 сл.

⁶ Г. Спасский (ЗРГО, 1857, кн. 12, табл. V) показывает, что знак X на некоторых камнях из Сибири близок к схематическому изображению людей на тех же памятниках.

⁷ Ср. условные изображения, обнаруженные Шаргородским на Қолыме у племени юкагиров, понятные лишь узкому кругу посвященных лиц. Они имели довольно сложные сюжеты любовного характера. М. П. Шаргородский, Об юкагирских письменах, журн. «Землеведение», 1895, кн. II-III, стр. 135—146.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ СО ЗНАКАМИ

Первоначальная классификация собираемых знаков может быть проведена на основе различных признаков. Знаки можно расположить в хронологическом порядке, по местам их находок (географический принцип), по формам самих знаков и т. д.

Одной из отличительных особенностей дописанных знаков является их многозначность¹. Кроме того, одни и те же знаки могут иметь различное значение в зависимости от того, на чем они нанесены. Поэтому мы решили объединить в группы знаки на сходных по характеру памятниках, так как это поможет выяснить разнообразные сферы их применения в определенных конкретно-исторических условиях. Таким образом, мы выделили три большие группы (А, Б, В) памятников со знаками: знаки на каменных плитах, стенах склепов и пещер; знаки на различных ремесленных изделиях; знаки на монетах.

По количеству и расположению знаков первую группу можно, в свою очередь, разделить на следующие три подгруппы (I, II, III): единичные знаки, часто сопровождаемые греческими надписями; множество знаков, беспорядочно расположенных на камнях или стенах; ряд знаков с относительно упорядоченным расположением.

Знаки на ремесленных изделиях четко делятся на две основные подгруппы (I, II): знаки, выполненные при изготовлении вещи; знаки, нанесенные на готовые изделия.

Каждую подгруппу можно разбить на еще более мелкие деления, но практически, на данном уровне знаний, их не всегда удается четко разграничить. Поэтому во второй части работы мы этого не делаем.

А. ЗНАКИ НА КАМЕННЫХ ПЛИТАХ, СТЕНАХ СКЛЕПОВ И ПЕЩЕР

1. ЕДИНИЧНЫЕ ЗНАКИ

1. В этой подгруппе прежде всего выделяются памятники, имеющие много общих черт и характерные только для территории Боспорского царства.

Эти памятники отличаются хорошим исполнением и представляют собой мраморные или известняковые плиты, на которых значительную часть площади занимает знак, композиционно сочетающийся с греческой надписью или рельефом. Встречается и один знак.

¹ Б. Г. Кудрявцев, Письменность острова Пасхи, Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XI, 1949, стр. 193 — о многозначности знаков на скалах Оронго.

Греческие надписи на этих плитах носят не частный, а общегосударственный характер: в них говорится о победах Боспора над врагами, о восстановлении и строительстве оборонительных сооружений. Плиты, видимо, укрепляли на общественных зданиях, стенах и башнях.

Наиболее распространены варианты гармоничного трехчленного знака, тождественного в нижней части.

Надписи и даты дают возможность расположить эти памятники в хронологическом порядке. Одинаковые знаки приходится на одно и то же царствование, и потому давно уже высказывалось мнение об их принадлежности боспорским царям¹.

Большинство указанных плит найдено в Танаисе и на Кубани, т. е. на окраинах Боспорского царства, где был максимальный процент местного, в частности сарматского, населения. Жители Танаиса и других окраин принимали непосредственное участие в строительстве оборонительных сооружений, как указано в надписи № 38. Возможно, именно здесь, на границах государства, для упрочения своего господства боспорские цари стремились всячески подчеркнуть местный характер правящей династии. Кроме того, в длительной борьбе с Римом за свою независимость боспорские цари опирались на местное население и, быть может, подчеркивая этой эмблематикой своеобразие Боспора, противопоставляли последний Риму.

На некоторых плитах с надписями упоминается имя царя, на других оно отсутствует. В последнем случае возникает предположение: не заменял ли знак имя царя? Так, например, на плите 193 г. н. э. (см. № 12) говорится о крупных победах Боспора, и вполне естественно было бы ожидать начертание имени царя Савромата II.

Интересна в этом отношении и находка двух мраморных плит на Таманском полуострове с рельефным изображением Ник и знаками (см. № 3 и 4). Надписи отсутствуют, и мы не знаем, в честь какой важной победы были воздвигнуты эти барельефы. Ники, обычно венчающие голову победителя, простирают свои венки над знаком, известным по другим памятникам как знак Тиберия Юлия Евпатора. О том же времени говорит и характер изображений. Здесь вновь напрашивается мысль, что знак заменял имя царя.

Не случайно знаки занимают главное или, во всяком случае, весьма заметное место на плитах. Очевидно, эти знаки были понятны всем без пояснений, в том числе и простому народу, не знавшему греческого письма.

Из-за недостатка материала наши сведения о царских знаках далеко не полны; поэтому мы не можем последовательно проанализировать связи

¹ В. В. Л а т ы ш е в, Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889—1891 гг., МАР, 9, 1892, стр. 64; В. В. Ш к о р п и л, ИАК, в. 37, 1910, стр. 34; ср. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, стр. 428.

между отдельными знаками и характер их изменений. Между трехчленными знаками Тиберия Юлия Евпатора и Савромата II, тождественными в нижней части, имеются и различия: треугольник заменен кругом, а [верхняя часть — симметричным двурогим изображением.

Евпатор и Савромат были в родственных отношениях с правившим до них Римиталком (знак которого нам неизвестен), а следовательно, и

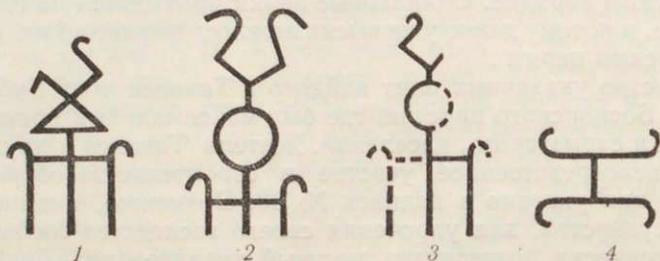

Рис. IV. Знаки боспорских царей на лапидарных памятниках:
1 — Тиберия Юлия Евпатора, 2 — Савромата II, 3 — Рискупорида III, 4 — Иинифимея.

между собою. Поэтому, видимо, и их знаки наряду с различиями имеют ряд общих черт.

После Савромата II в 210/11 г. боспорским царем стал его сын Рискупорид III. Мы убедились, что знак с именем этого царя на плите, состоящей из множества мелких фрагментов, был издан Латышевым неточно (IosPE, II, 431). Несмотря на значительную порчу памятника, знак поддается полной реконструкции (см. № 13). Он почти тождествен знаку Савромата II, отличаясь лишь отсутствием второго рога в верхней части. Таким образом, можно говорить о какой-то преемственности знаков, напоминающей нам знаки Рюриковичей, где этот принцип выдерживался более строго и, в отличие от нашего случая, происходило обычно усложнение знака путем введения дополнительных черточек¹.

Знак царя Иинифимея, видимо, принадлежавшего к другой династии, имеет совершенно иную форму, напоминая лежащее «Н». Этот знак известен на многих сарматских зеркалах и других памятниках.

Весь приведенный материал окончательно убеждает нас в том, что рассмотренная группа изображений представляла собой именные знаки боспорских царей. Применение наряду с греческим письмом заимствованных у местного населения знаков отражало смешанный характер Боспорского государства и его культуры.

¹ А. В. Орешников, «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам», ИАН, отд. гум. наук, 1930, № 2, стр. 111; Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 232.

Во всех эллинистических государствах, к которым приближалось по своему характеру и Боспорское царство, было введено обожествление и культ правителя с целью укрепления его единодержавной власти. Из отрывочных сведений по истории Боспора, например, известно, что боспорский царь IV в. до н. э. Перисад I был признан богом¹. В таком случае царский знак должен был также считаться божественным и мог, по преданиям древних, охранять стены города от вражеских нападений и разрушения.

2. Единичные знаки встречаются также на надгробных памятниках, часто вместе с греческими надписями. Знаки здесь не выделены, как на плитах общественного характера; они помещены под надписью и вырезаны обычно тонкой линией, иногда весьма небрежно.

На надгробиях могли ставить знак рода или семьи умершего. В средневековой Европе знаки-марки также часто помещали на надгробиях наряду с надписями и изображениями. В некоторых районах Швеции обычно ставить марки на надгробиях вместо надписей сохранился среди крестьян до конца XIX в.².

Среди знаков на боспорских надгробиях встречаются царские, рассмотренные нами выше. Вероятно, их имели право ставить преимущественно приближенные царя или представители знати. Царский знак мог играть и охранную роль, одновременно обозначая, при каком царе (а следовательно, и когда) умер данный житель Боспорского царства. Интересную аналогию дает Ибн-Фадлан³ (X в.), описывая обряд погребения на Волге одного знатного руса. Над его могилой написали на дереве имя погребенного и имя царя русов.

Как говорилось выше, знаки многих боспорских царей нам неизвестны. Некоторые из них мы можем восстановить по надгробиям, так как знаки на последних представляют собой варианты знакомых нам царских знаков. Так, например, на плитах № 7, 9 и др. имеется трехчленный знак с окружностью в средней части. Видимо, это был знак одного из боспорских царей, правивших во II в. н. э. до Тиберия Юлия Евпатора. К царским мог относиться и редкий знак на надгробии № 25, несколько напоминающий знак на монетах Фифорса. Из фрагментарного текста можно заключить, что погребенный был каким-то царским магистратом.

Некоторые надгробия со знаками поставлены членами религиозных фисов (см. № 27 и 28). Знаки на них близки между собой, но прямых аналогий на других памятниках не имеют. Поэтому мы склонны рассматривать их как отличительные знаки определенных фисов.

Надгробие № 19 принадлежит Атте, сыну Трифона. На плите № 35, где, видимо, упоминается то же лицо, указано, что он был членом ре-

¹ Strab., VII, 4, 4.

² C. G. Homeyer, Die Haus- und Hofmarken, Berlin, 1870, стр. 30 сл. и 207.

³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, М.—Л., 1939, стр. 83.

лигиозного фиаса; специальных знаков там нет, кроме знаков-тавро на коне, о которых говорится ниже. На плите № 19 было два рельефа: верхний почти не сохранился (видны лишь остатки изображения лошади), на нижнем помещены три юноши, а между их головами — небольшой знак, возможно, также символ объединявшего их религиозного фиаса. Форма знака простая, близкая одному из изображений на ольвийском льве¹.

Труднее определить надгробный характер памятника, если на нем имеется только знак без греческой надписи, но в отдельных случаях это удается, в частности по форме самого памятника. По этому принципу мы относим сюда каменные антропоморфные стелы со знаками.

Наконец, следует упомянуть об единичных знаках в погребальных склепах, где, несомненно, хоронили представителей знати. Знаки там играли такую же роль, как на надгробных плитах. В Сос орсском склепе Алкима (склон горы Митридат) на одной стене вырезана греческая надпись, а на другой — знак, близкий знаку на монетах Фофорса. Упомянутый выше склеп около с. Красногорского близок по архитектуре и инвентарю склепам Неаполя скифского и может быть охарактеризован как скифский памятник первых веков н. э., осложненный влиянием сарматских элементов. Два вырезанных на стене знака имеют много аналогий.

3. Небольшую, но особенно интересную, на наш взгляд, категорию единичных знаков на плитах составляют знаки на изображениях домашнего скота. Нам удалось выявить два таких памятника. Это — боспорское надгробие с рельефным изображением двух всадников на конях и большой надписью религиозного фиаса в честь своего сочлена (см. № 35) и известняковая стела из Малой Козырки близ Ольвии с изображением коня и других животных (см. № 36).

Здесь следует присоединить один памятник иного характера — глиняного бычка, найденного в Керчи в детской могиле вместе с повозкой, обломками другого бычка, астрагалами и бусами (см. № 143).

Все три памятника датируются первыми веками н. э. и относятся к изделиям местных мастеров.

В научной литературе не было попыток сопоставлять эти различные по своему характеру памятники, а тем более решать вопрос о значении нанесенных на них знаков. Попытка же П. Беньковского² усмотреть в знаке на бычке греческие буквы К и Σ и придавать терракоте значение амулета кажется нам совершенно неубедительной.

¹ У многих народов, пользовавшихся знаками, духовенство имело свои особые знаки. См. Д. Н. Соколов, О башкирских тамгах, стр. 17; С. Г. Нотеев, ук. соч., стр. 165.

² П. Беньковский, О терракотовых повозочках из Керчи, ИАК, в. 9, 1904, стр. 70.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что знаки нанесены именно на изображениях домашнего скота (лошадях и быках), помещены в определенных местах на крупе животных и имеют по своим очертаниям многочисленные аналогии на других памятниках Северного Причерноморья. Кроме того, они вырезаны мастером при изготовлении вещи.

Большой этнографический материал и свидетельства письменных источников говорят о широком и древнем распространении обычая клеймения или таврения скота у тюркских, славянских и финских племен, на Кавказе и в Крыму, в древней Греции и других местах путем надрезов, а чаще — выжигания изображений, знаков или букв. Нам кажется, что

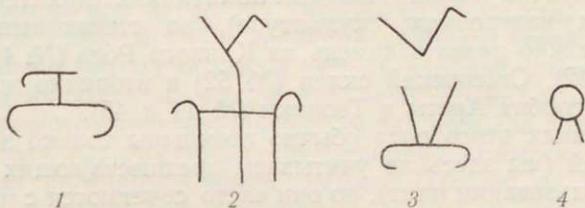

Рис. V. Знаки-тавро:

1, 2, 4 — на конях (№ 35 и 36); 3 — на бычке (№ 143).

рассматриваемая группа памятников позволяет сделать вывод, что в Северном Причерноморье был также распространен обычай таврения скота. В таком случае перед нами знаки собственности, которыми каждый хозяин метил свой скот.

На Боспоре и в других местах Северного Причерноморья греки, видимо, застали и сохранили знакомый им обычай, но вместо принятых на их родине клейм в виде букв или изображений использовали и местные знаки.

Может быть, в свете сделанных выводов получит объяснение и происхождение термина «тавро» в русском языке. Славяне употребляли слова «пятно», «мета», татаро-монголы принесли на Русь свое слово «тамга». В слове же «тавро» неверно искали тюркский корень.

Возможно, этот термин появился в Северном Причерноморье и был заимствован из греческого языка (от *ταύρος* — бык). Затем он прочно вошел в русский язык, о чем свидетельствует, например, его употребление в поговорках¹.

Непосредственная связь знаков-тавро с хозяйственной жизнью общества интересна для понимания сарматских знаков в целом и открывает одну из важных сфер применения их в качестве знаков собственности.

¹ Подробнее о знаках на домашних животных см. в нашей статье «О таврении скота в Северном Причерноморье», сб. «История и археология древнего Крыма», К., 1957. §

Заканчивая рассмотрение единичных знаков, отметим несколько плит с греческими надписями, на которых знаки помещены на боковых сторонах (см. № 38 и 62). Эти знаки, очевидно, не связаны с надписями и должны рассматриваться независимо от них.

II. МНОЖЕСТВО БЕСПОРЯДОЧНО РАСПОЛОЖЕННЫХ ЗНАКОВ

Памятники со множеством беспорядочно расположенных знаков встречаются во всем Северном Причерноморье в отличие от памятников со сложными единичными знаками, известных преимущественно на Боспоре. Такие скопления знаков встречаются на больших грубо обработанных плитах, на вторично использованных памятниках (архитектурных деталях, греческих надгробиях, скульптуре), на стенах пещер и склепов. Для примера можно назвать камень из Кривого Рога (№ 43), ольвийских львов (№ 41, 42), Стасовский склеп (№ 52) и вторично использованные боспорские надгробия Ареты и Теоники (№ 44 и 45).

На памятниках этого рода обычно помещены только знаки без греческих надписей (мы здесь не учитываем предшествующих надписей при вторичном использовании плит), но они часто сочетаются с изображениями животных и растений. Знаки разбросаны в разных направлениях, выполнены разными лицами и, возможно, в разное время.

Среди этих знаков на Боспоре встречаются и сложные царские знаки, иногда повторенные несколько раз (см. № 45 и 48). Как и на некоторых надгробиях, они могли служить для общей датировки памятника.

Судя по всему, памятники со множеством знаков были распространены среди широких масс местного населения Северного Причерноморья и носили коллективный характер. По своему значению эти изображения, вероятно, ближе всего подходят к родовым знакам, находя многочисленные аналогии в пиктографических начертаниях первобытной эпохи.

Разграничить данные памятники значительно труднее, чем памятники с единичными знаками, где задачу облегчают греческие надписи. Некоторые из них служили надгробиями.

Мы упоминали выше антропоморфные стелы со знаками. На одной из них, кроме основного знака, глубоко врезанного в центре и повторенного на обратной стороне камня, имеется еще несколько знаков, тонко нацарапанных и беспорядочно разбросанных по плите. Они, возможно, говорят о коллективном погребении, одновременном или повторных (№ 21).

Скотоводы, метившие свой скот, часто высекали знаки-тавро также на камнях или скалах для обозначения своих пастбищ и водопоев¹. Та-

¹ В. П. Пожидаев, Хозяйственный быт Кабарды, 1925, стр. 21 сл.; Известия Крымпединститута, кн. I, Симферополь, 1927, стр. 33; Wetstein, Ueber das Eigenthumszeichen nomadischer Völker, «Globus», т. XXXII, № 16, Braunsch., 1877, стр. 256.

кой же характер могли иметь некоторые памятники Северного Причерноморья, на которых каждый хозяин наносил тавро своего табуна, например, камень из Кривого Рога с изображением головы лошади (?) в центре и множеством разбросанных вокруг знаков. Не исключено, что данный памятник, как и ряд других, был также связан с определенными магическими и религиозно-культурными представлениями и обрядами, в частности с распространением у скифов и сарматов культа коня. Так, изображение коней мы встречаем еще на одной плите со множеством знаков (см. № 44).

Сочетание знаков с рисунками (ср. № 48, 52, 53) скорее всего говорит о культовом характере подобных памятников. Об этом свидетельствует повторение на одной плите одинаковых форм знаков (см. № 45, 48 и др.), не имеющее смысла при нанесении знаков собственности.

Религиозные представления являются наиболее устойчивыми и древними и часто имеют черты сходства у разных народов, стоящих на ранних ступенях развития общества. Так, в различных странах обнаружены камни и пещеры культового характера. Приведем для примера Каменную Могилу около Мелитополя, где изображения сочетаются с примитивными знаками¹, многочисленные писаницы Сибири, пещеру Пасиега в Испании, также с рисунками и знаками², и многие другие.

Многочисленные знаки на двух мраморных львах из Ольвии, видимо, также имели религиозно-культовое значение. В пользу этого говорят следующие наблюдения. При вторичном использовании этих скульптур на них были высечены не только знаки, но и небольшие чашеобразные углубления, которые могли служить в качестве жертвенников. На головах львов знаки расположены вокруг этих углублений, следовательно, они, видимо, связаны между собой по своему назначению. Как и на других памятниках рассматриваемой подгруппы, знаки наносились разными лицами на протяжении длительного периода времени: возможно, они были связаны с определенными событиями или празднествами, сопровождавшимися жертвоприношениями и возлияниями.

Религиозно-магическое применение различных знаков хорошо прослеживается в Западной Европе, где оно сохранилось даже при сложении рунического письма (о связи рун со знаками см. выше), и явствует из читаемых текстов рунических надписей³. О гаданиях по знакам у древних

¹ О. Н. Бадер, Древние изображения на потолках гротов в Приазовье, МИА, № 2, 1941, стр. 130; В. М. Даниленко, Про наскельні зображення Кам'яної Могили, «Археологія», т. IV, К., 1950; М. Я. Рудинский, Каменная Могила, КСИА, в. I, 1952.

² K. Weule, Vom Kerbstock zum Alphabet, Stuttgart, 1921, стр. 36.

³ См. W. Krause, Runeninschriften im älteren Futhark, Halle, 1937, стр. 504 сл.

германцев (в вопросах общественных — жрецами, в делах частных — отцами семейств) рассказывал еще римский историк I в. н. э. Тацит¹.

На некоторых плитах со множеством знаков они нанесены так густо, что образуют почти сплошную сетку из переплетающихся и находящихся друг на друга очертаний, в которой едва можно различить отдельные формы знаков (ср. № 47). Такие памятники производят впечатление лишенных смысла, их трудно объяснить. Нагромождение линий можно наблюдать и на многих палеолитических рисунках. Остроумное объяснение этого факта подкреплено одним из исследователей опытным путем². Автор предполагает, что одна и та же плита неоднократно использовалась для нанесения рисунков, причем старые изображения закрывались естественными красками, а на чистой поверхности наносились новые; лишь со временем, когда вся краска стерлась, выступили наружу нагроможденные друг на друга линии.

Если такая традиция действительно существовала, то она могла сохраниться на большой территории и в последующие века. Быть может, центральные рисунки на наших плитах и отдельные знаки выделены более глубокой линией потому, что они связаны с определенными представлениями и должны были оставаться заметными при последующем нанесении знаков. При находках подобных памятников в будущем следует сразу попытаться обнаружить хоть небольшие следы краски, пока она не будет смыта или стерта при переноске и хранении.

Предполагая, что знаки иногда служили магическим целям, мы отнюдь не склонны преувеличивать значение магии и считать ее источником происхождения языка и письма. Появление всякого письма вызвано в первую очередь практическими потребностями общества, и потому нельзя согласиться с мнением Ч. Лоукотка и других, когда они утверждают, что европейские руны, древнее китайское письмо и т. п. служили «исключительно магическим целям»³. Теорию магического происхождения языка и письма разделял, как известно, и Н. Я. Марр⁴.

III. РЯД ЗНАКОВ С ОТНОСИТЕЛЬНО УПОРЯДОЧЕННЫМ РАСПОЛОЖЕНИЕМ

Эта подгруппа представлена пока незначительным числом памятников, однако она имеет большое научное значение, проливая в какой-то мере свет на пути развития сарматских знаков.

Такие знаки встречены в пещерах Ак-Кая под Белогорском и на трех плитах из Ольвии (см. № 57—61). В большинстве случаев они вы-

¹ Tacitus, *Germania*, гл. 10.

² См. K. Weule, ук. соч., стр. 33.

³ Ч. Лоукотка, Развитие письма, стр. 181 и 239.

⁴ П. С. Кузнецов, Предисловие к ук. соч. Лоукотки, стр. 8.

полнены различными резцами, как и на памятниках со множеством знаков, но не нагромождены беспорядочно друг на друга, а расположены отдельными небольшими группами или вытянуты в почти правильный ряд. Их очертания более простые: сложных трехчленных форм типа боспорских совсем не встречается.

Некоторое исключение (быть может, вследствие небольшого числа сохранившихся памятников) составляет плита, найденная в Ольвии в 1946 г., на которой почти все знаки выполнены одним резцом и расположены в ряд (однако следует оговорить, что на широкой стороне данной плиты разбросаны единичные знаки).

Пещера Ак-Кая № 1, расположенная в труднодоступном месте, с резко покатым полом и знаками на большой высоте, скорее всего напоминает древние святилища, известные на Кавказе и в других местах. В таком случае и знаки могли иметь здесь определенное религиозно-культурное значение. То же можно сказать о древнейшей группе знаков в пещере Ак-Кая № 2.

Определить назначение небольших фрагментов плит со знаками из Ольвии еще не представляется возможным.

В отдельных докладах и выступлениях послевоенных лет высказывались мнения, что причерноморские знаки являются знаками уже сложившейся письменности, которую затем заимствовали славяне при создании глаголицы (см. выше). Основываясь на сопоставлении отдельных форм знаков и их строчном расположении, некоторые исследователи пытались даже читать данные надписи, но эти попытки нельзя считать сколько-нибудь серьезными и убедительными. Сходство некоторых изображений не позволяет еще сопоставлять системы знаков или письма в целом; здесь могут быть случайные совпадения простых геометрических фигур, как это неоднократно наблюдалось у самых различных народов, или частичное заимствование форм знаков. Возможно, последнее имело место при сложении глаголицы, но это ни в коей мере не позволяет считать глаголицу ключом к раскрытию смыслового значения сарматских знаков, тем более, что посредствующим звеном между ними, вероятно, были дописьменные знаки славян².

¹ Против этого выступал еще Ю. Костржевский (J. K o s t r z e w s k i, Pismo obrazkowe, znaki własności, czy symbole religijne?, PA, t. II-III, zosz. 3-4, Poznań, 1921).

² В статье Н. А. Константинова «Черноморские загадочные знаки и глаголица», УЗЛГУ, серия филол. наук, в. 23, 1957, на основе сопоставления глаголицы с причерноморскими знаками делается вывод, что последние — тоже сложившееся письмо; взгляды же всех инакомыслящих автор объявляет заранее обреченными на неудачу. С этим трудно согласиться. Попутно считаем необходимым отметить, что на табл. 3 Константинов неверно воспринял формы некоторых знаков: № 3 (на стеле Сосия), № 8 и 25 (из Белогорской пещеры и Кривого Рога), № 11 (из Керчи), № 29 (из Неаполя скифского), № 34 (из Керчи), знаки на львах и др. Имеются неточности и в тек-

Не менее осторожно следует относиться и ко второму аргументу — строчному расположению знаков; без других убедительных данных он не может служить доказательством сложившейся системы письма. Так, например, в статье Вецштейна¹ указано, что на некоторых памятниках родовые знаки расположены в строку один подле другого. По мнению автора, это делалось для доказательства равноправия их владельцев и не раз вводило в заблуждение путешественников-европейцев, принимавших знаки за неизвестное письмо.

Хотя мы не видим убедительных фактов, доказывающих, что сарматские знаки представляли собой сложившуюся систему письма, однако считаем, что они развивались в этом направлении. Но прежде чем коснуться этого вопроса, следует для избежания недоразумений оговорить, что мы в данном случае будем понимать под термином «письмо», или «письменность», так как многие исследователи справедливо отмечали, что трудно установить точную границу между примитивным искусством и примитивным письмом².

Термин «письменность» употребляют двояко: в широком и в узком смысле. В широком смысле слова письменностью можно считать любые изображения, отражающие в графической форме мысли человека, начиная с первобытных рисунков. Сюда же следует отнести и различные знаки (независимо от их происхождения) из упрощенных рисунков или простых геометрических фигур и линий: родовые знаки, знаки собственности, магические и т. д. Дальнейшее развитие общества и сложение государства с широкими потребностями в фиксации событий, записи различных торговых и других дел приводят к появлению письма в современном (узком) смысле слова, которое всегда связано с определенным языком. В одной из последних работ на эту тему дано следующее определение письменности: «Письменность — это система закрепления на материале (камне, папирусе, бумаге и т. д.) звуков речи и слов языка при помощи условных знаков с целью передачи их содержания от одного человека другому»³.

Говоря в дальнейшем о письме, мы будем употреблять этот термин именно в таком узком смысле слова.

Письмо Египта, Китая и другие иероглифические системы сложились из пиктограмм, но нельзя считать этот путь единственным и обязательным для всех народов⁴. Можно назвать много примеров, когда письмо

сте. На стр. 113 указано, что «южный берег Крыма изобилует загадочными знаками». В действительности в этом районе Крыма имеются лишь единичные находки. На стр. 115 неверно изложена классификация знаков в наших работах, без ссылок на конкретные статьи.

¹ Wetzstein, ук. соч., стр. 256.

² K. Weule, ук. соч., стр. 13; Лоукотка, ук. соч., стр. 14.

³ Е. И. Кацпржак, История письменности и книги, 1955, стр. 7.

⁴ Ср. K. Weule, ук. соч., стр. 24.

восходит к бытовавшим у данного народа знакам или включает часть из них наряду с формами, заимствованными из других систем письма. Этот вопрос требует специального изучения, но для наших целей достаточно ограничиться несколькими фактами.

Примером сложения письма из предшествующих знаков может служить орхоно-енисейское письмо, весьма близкое к тюркским тамгам¹.

Западноевропейские руны складывались в иных исторических условиях, под непосредственным влиянием высокой греко-римской культуры. Поэтому их справедливо возводят к южноевропейскому письму (греческому или италийскому). Однако формы некоторых рун нельзя вывести из этого источника; их сходство с доруническими знаками позволяет предполагать, что последние также участвовали в сложении рунического письма².

Излишне раздутая теория культурных заимствований еще до сих пор мешает установить местные корни многих систем письма, которые путем искусственных сопоставлений стремятся полностью приписать влиянию извне. Так, например, южноарабское письмо сопоставляли с финкийским. Оригинальные и в то же время простые очертания букв этого письма представляют собой варианты нескольких форм, возможно, восходящих к знакам. Ср. $\overline{\text{П}}$, $\overline{\text{П}}$, $\overline{\text{П}}$, $\overline{\text{П}}$ или $\overline{\text{P}}$ $\overline{\text{P}}$ и др.³

Аналогичное впечатление производит загадочный алфавит из Кадикса (Испания), который некоторые считают в основном местным тартесским письмом, вытесненным позже иберийским⁴.

В дальнейшем необходимо более тщательное изучение не только сложившихся систем письма, но и предшествующих им знаков, которым часто не уделяется должного внимания. Сопоставление их поможет решить вопрос о генезисе той или иной системы письма или одного из важных ее компонентов.

Вернемся к сарматским знакам. Упрощение форм и упорядоченность расположения (приближение к строке) могут косвенно свидетельствовать

¹ См. Н. А. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов большой орды и каракиргизов., журн. «Живая Старина», 1894, стр. 418 сл.; Н. Г. Маллицкий, О связи тюркских тамг с орхонскими письменами, Протоколы засед. Туркест. кружка любителей археологии, год III, 1897—1898 г.; Д. Н. Соколов, О башкирских тамгах, Труды ОУАК, т. XIII, 1904, стр. 84 сл.; С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М., 1951, стр. 12 сл., табл. на стр. 18; Эпиграфика Востока, II, М., 1948, стр. 108 сл. (о находке в Казахстане зеркала с орхонскими письменами).

² W. Krause, ук. соч., 1937, стр. 425 сл.; H. Arntz, Die Runenschrift, ihre Geschichte und ihre Denkmäler, Halle, 1938, стр. 25; K. Faulmann, Illustrierte Geschichte der Schrift, 1880, стр. 40.

³ См. Ч. Лоукотка, ук. соч., стр. 88 сл., табл. 14.

⁴ A. Schulten, Ein unbekanntes Alphabet aus Spanien, Zeitschrift der Deutschen Morgenländ. Gesellsch., т. 78, 1924.

о тенденции развития их в стройную систему письма. Этот процесс был замедлен благодаря заимствованию верхушкой местного населения греческой письменности и не успел завершиться, так как к IV в. н. э. в Северное Причерноморье хлынула новая миграционная волна и произошли крупные изменения во всей социально-экономической и культурной жизни местных племен.

Трудно сказать, удастся ли в дальнейшем дешифровка знаков на этих памятниках; быть может, новые находки дадут для этого необходимый дополнительный материал. Однако не надо забывать, что группа ранних славянских знаков, значительно более близкая к письму (сосуд из Алеханова и др.)¹, до сих пор остается нерасшифрованной, хотя здесь имеются такие благоприятные факторы, как знание языка, последующие сложившиеся системы читаемого славянского письма и сравнительное обилие материала.

Б. ЗНАКИ НА РЕМЕСЛЕННЫХ ИЗДЕЛИЯХ

В этой обширной группе мы рассмотрим весьма разнообразные памятники: котлы, зеркала, украшения, керамику и т. п. На большинстве из них знаки нанесены при изготовлении вещи и лишь в сравнительно немногих случаях — на готовом изделии. Это, видимо, не соответствует действительному соотношению, а говорит лишь о лучшей сохранности памятников первого рода, часто связанных с религиозно-культурными представлениями и сохранившихся во многих погребениях.

1. ЗНАКИ, ВЫПОЛНЕННЫЕ ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ ВЕЩИ

1. Начнем с ювелирных изделий со знаками, изготовленных из бронзы, золота и серебра. Среди них имеются золотая гривна, браслет и флаконы, серебряное блюдо, фибула и покрытый золотом наконечник копья, но особенно большое количество прорезных пряжек, наконечников и украшений конской сбруи.

Все эти изделия (под вопросом остаются лишь случайные находки) обнаружены в могилах, причем некоторые из них, например пряжки из тонкого листового золота, могли служить только в качестве погребальных украшений².

На многих боспорских изделиях изображен царский знак, часто встречающийся на каменных плитах. Видимо, он здесь играл такую же роль, как на надгробиях, указывая на знатность рода (не случайно почти все

¹ В. А. Городцов, Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками, АИЗ, в. V, № 12, 1897; Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 227.

² ДБК, т. I, стр. 220; B è l a P ó s t a, Archäologische Studien auf russischem Boden, Budapest—Leipzig, 1905, стр. 487.

эти погребения содержат богатый инвентарь, а некоторые относятся к царским), время жизни покойного и охраняя могилу от разграбления¹. Такие пряжки, как знаки царского достоинства, видимо, носили и при жизни, а затем заботливо клали в могилу вместе с золотыми венками, бляхами и другим богатым погребальным инвентарем².

Можно предположить, что на Боспоре (скорее всего в Пантикапее) существовала специальная мастерская для изготовления этих изделий.

Боспорские цари были крупнейшими рабовладельцами в государстве и наряду с участием в прибыльной торговле хлебом и другими товарами, видимо, имели свои мастерские, где применялся труд рабов. Известна боспорская черепица с клеймом βασιλική (царская) или именами царей, несомненно изготовленная в царских керамических эргастериях³. Подобно этому могла существовать и царская мастерская по изготовлению металлических изделий, хотя убедительных доказательств у нас нет. Об обработке металла на Боспоре и чеканке различных украшений свидетельствуют многочисленные вещи и находка в Тиритаке специально бронзового штампа⁴.

Если мастерская была действительно царской, то знак на изделиях имел также значение знака мастерской. В таком случае он заменял слово «царская», которое, например, ставилось на боспорской черепице.

Следует отметить, что ремесленник, изготавливавший изделие, обычно ставил на нем свое клеймо. В царских мастерских преимущественно работали не свободные ремесленники, а рабы, и наносимый знак обозначал в таком случае не клеймо мастера, а принадлежность всей данной мастерской, а следовательно, и изготовленных в ней изделий царю.

При находках ремесленных изделий всегда важно решить вопрос: изготовлены ли они в Причерноморье или являются привозными. Знаки на изделиях часто определяют их местное происхождение, и такие вещи могут, в свою очередь, служить важным сравнительным материалом.

Все пряжки очень близки по своим формам, деталям отделки и технике исполнения, а некоторые из них совершенно тождественны и, следовательно, изготовлены не только в одной мастерской, но и при помощи одной формы (по аналогии с монетными сериями, чеканенными одним штампом).

¹ Об охранной роли рун в могилах см. Н. А г п z t, ук. соч., стр. 6.

² Ср. бляхи со знаками Рюриковичей, татарские знаки с именем хана и др. Б. А. Рыбаков, ук. соч., стр. 239 сл.

³ См. В. Ф. Гайдукевич, Строительные керамические материалы Боспора; Б. Н. Граков, Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее, ИГАИМК, в. 104, 1935; Д. Б. Шелов, К истории керамического производства на Боспоре, СА, XXI, 1954, стр. 127. Д. Б. Шелов указывает, что в 1945—1949 гг. было найдено более 150 таких клейм.

⁴ Штамп хранится в Керченском музее, издан В. Ф. Гайдукевичем (СА, VI, 1940).

2. Знаки на зеркалах. Знаки известны лишь на маленьких зеркалах-подвесках с петлеобразной ручкой, которые встречаются в сарматских комплексах первых веков н. э. на Волге, Дону, Кубани, Днепре, Буге и в Крыму. Зеркала эти литые из бронзы или белого металла; на оборотной стороне их часто помещены рельефные знаки, изображающие свастику, известный на боспорских плитах знак Иниффимея и др.

Многие зеркала украшены рельефным орнаментом из лучей, треугольников, концентрических кругов, волнообразных линий и сочетания более сложных орнаментальных мотивов.

В отдельных случаях орнамент весьма трудно отделить от знаков и можно предполагать, что в качестве повторяющихся и симметрично расположенных элементов орнамента на многих зеркалах использованы знаки¹. Так, например, один из орнаментов исходит, по нашему мнению, из формы свастики с округлыми концами, другой представляет собою варианты знака Иниффимея.

Необходимость рассматривать все эти зеркала вместе вызвана также тем, что они встречаются в одних комплексах и даже в пределах одного могильника, а следовательно, здесь речь идет не только о простом последующем заимствовании форм знаков для орнамента с целью украшения вещи, а о сохранении смыслового значения знака. Поэтому мы включили эти зеркала в нашу работу и составили для наглядности схематическую таблицу форм знаков и близких к ним орнаментов, отнюдь не настаивая на какой-то определенной последовательности их развития.

Судя по хронологии, рассматриваемые сарматские зеркала существовали в течение сравнительно небольшого отрезка времени, примерно во II—III вв. н. э. Самую обширную и, быть может, более раннюю группу (II в. н. э.) составляют кубанские зеркала. На Волге зеркала этого типа встречаются значительно реже. Поэтому можно согласиться с мнением К. Ф. Смирнова², что они проникли в Поволжье с Кубани.

Группа зеркал с H-образным знаком была характерна главным образом для Боспора. Вместе с продвижением сарматов в глубь Крыма, а также в районы Днепра и Буга туда проникали и указанные типы зеркал³.

¹ Некоторую аналогию «знаковому орнаменту», встречающемуся в Северном Причерноморье, составляет «эпиграфический орнамент» в Средней Азии и арабских странах в эпоху средневековья. См. А. В. Арциховский, Основы археологии, М., 1954, стр. 181, рис. 78.

² К. Ф. Смирнов, Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья I в. до н. э. — IV в. н. э. (диссертация), 1945, стр. 337.

³ Близкие орнаментальные мотивы встречаются на маленьких зеркалах с петелькой в центре, найденных на территории Венгрии в погребениях примерно IV в. н. э. См. J. Hampré I, Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, Braunschweig, 1905, т. III, табл. 11, 3; 13; 19 и 44, 4; пояснительный текст т. II, стр. 11, 14 сл. и 52.

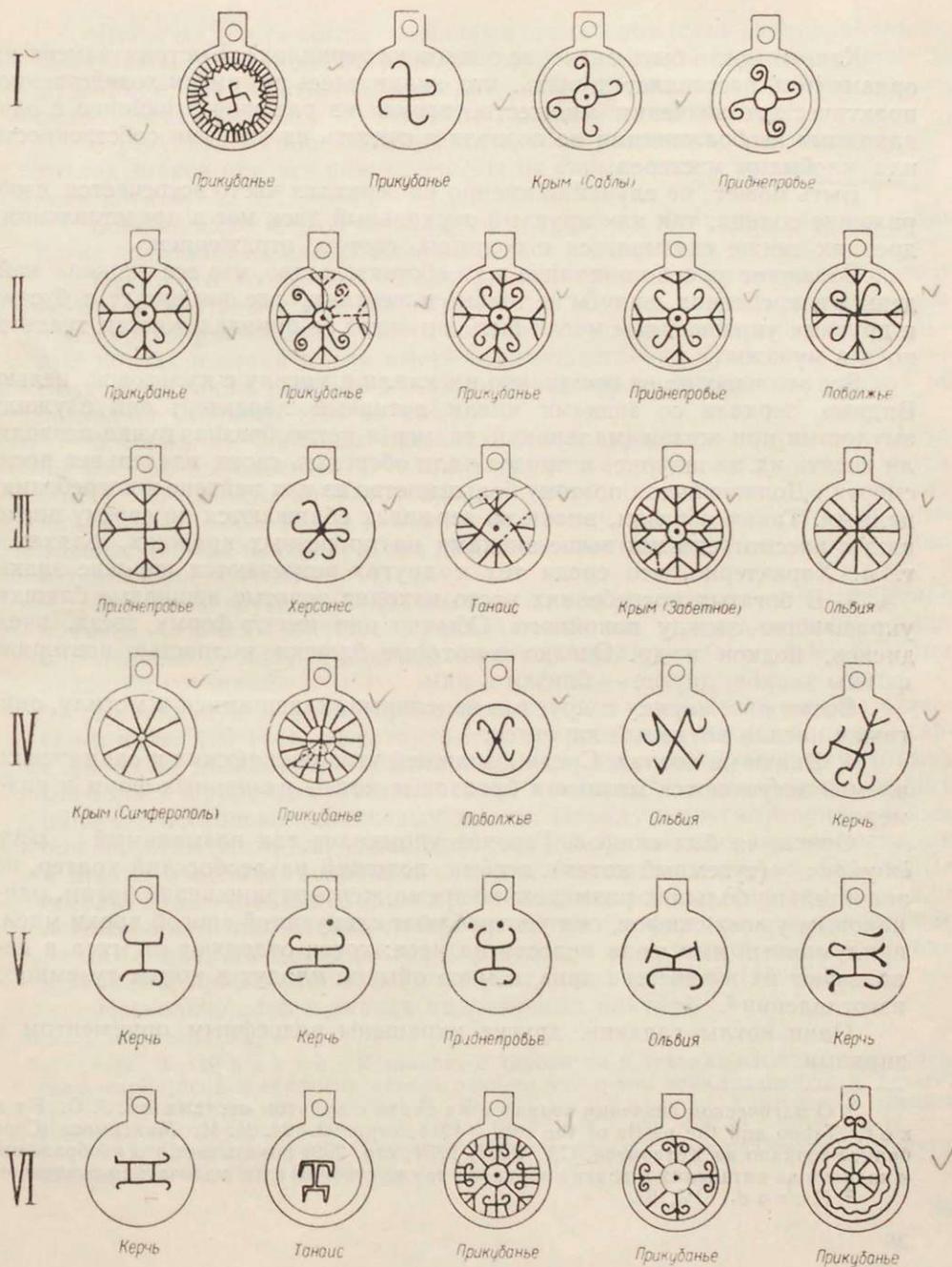

Рис. VI. Схематическая таблица сарматских зеркал со знаками и орнаментом.

Каково могло быть значение знаков на зеркалах? Быстрая замена их орнаментом заставляет думать, что знаки здесь не имели хозяйственно-практического значения; множество зеркал из различных районов с одинаковыми изображениями не позволяет считать их знаками собственности или клеймами мастеров.

Быть может, не случайно именно на зеркалах часто встречается изображение солнца, так как круглый зеркальный диск мог в представлениях древних также связываться с солнцем, светом, отражением.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что все зеркала найдены в погребениях, причем не только в женских, где они вместе с бусами и другими украшениями могли быть приняты за принадлежности туалета, но и в мужских.

Все это наводит на мысль, что их клали в могилу с культовой целью. Видимо, зеркала со знаками имели тотемный характер; они служили амулетами при жизни (маленький размер и петлеобразная ручка позволяли носить их на шнурке) и продолжали оберегать своих владельцев после смерти¹. Должно быть, поэтому большинство из них найдено в погребениях целыми. Таким образом, знаки на зеркалах сближаются по своему значению с рассмотренными выше знаками на прорезных пряжках, бляхах и т. п. Характерно, что среди тех и других встречаются царские знаки.)

3. В богатых погребениях часто находят золотые нашивные бляшки, украшавшие одежду покойного. Обычно они имеют форму звезд, пчел, дисков, подков и др. Однако некоторые бляшки полностью повторяют формы знаков, другие — близки к ним.

Возможно, наряду с другими изделиями, клавшимися в могилу, они также носили тотемный характер.

4. Знаки на котлах. Среди домашней утвари скифских и сарматских племен встречаются медные и бронзовые котлы различных форм и размеров.

Описывая быт скифов, Геродот упоминает так называемый *λέβης ἐπιχύριος* (туземный котел), весьма похожий на лавосский кратер, но значительно больших размеров; во время жертвоприношений богам, одинаковым у всех скифов, они употребляют следующий способ варки мяса, придуманный ими из-за недостатка леса: кости отделяют от мяса и используют их в качестве дров, а мясо обычно кладут в котлы туземного изготовления².

Одни котлы гладкие, другие украшены рельефным орнаментом и знаками.

¹ О магическом значении зеркал и их связи с культом мертвых см. J. G. Frazer, *Taboo and the perils of the soul*, 1914, стр. 92—94. М. И. Максимова (Серебряное зеркало из Келермеса, СА, XXI, 1954, стр. 299) показывает, что изображения и надписи на китайских и других зеркалах также связаны с их магическим значением.

² Herod., IV, 51.

Чтобы выделить котлы со знаками среди множества разновременных памятников этого рода, встречающихся на огромной территории вплоть до Сибири, мы обратились к специальной работе, в которой на основе целого ряда признаков предложена типология этих котлов¹.

В результате сопоставления материала оказалось, что на скифских котлах знаков нет, все они помещены на сарматских и иногда на сибирских котлах.

Большинство котлов со знаками найдено на Кубани и там, где комплекс позволяет их датировать, относится к I в. до н. э.—I в. н. э.

Некоторые из котлов рассматриваемого типа настолько малы, что не могли употребляться для варки пищи. В них, видимо, варили мясо при жертвоприношении, как это описано у Геродота. На таких специальных котлах и знаки могли иметь преимущественно культовое значение. Возможны также родовые и другие знаки, но недостаток материала не позволяет уточнить этот вопрос.

5. Знаки на глиняных изделиях. Знаки, нанесенные по сырой глине на посуде, рыболовных и ткацких грузилах и пряслицах, отличаются обычно простотой, но разнообразием форм (окружности, пересечение линий, углубления и т. д.). Это, по-видимому, клейма мастеров, изготовлявших данные изделия, а при домашнем производстве — одновременно и знаки собственности².

На одном грузиле II—III вв. н. э. по сырой глине сделана греческая надпись — *ῥωμαϊκὸς Μάρτυς*³, указывающая на принадлежность вещи определенному лицу. Такой же характер могли иметь и разнообразные знаки на грузилах.

Уникальную находку представляет собой глиняная фляга из Одесского музея (№ 144), на которой глубоко врезан до обжига большой царский знак, неоднократно повторяющийся на лапидарных памятниках Боспора и прорезных металлических пряжках. На некоторых сосудах нанесено несколько одинаковых знаков. Наряду с другими орнаментами они могли служить для украшения сосудов, но, видимо, как на зеркалах и других изделиях, сохраняли и свое смысловое значение. Некоторые сосуды, найденные целыми в погребениях, специально изготавливались для погребального инвентаря; с этим же могли быть связаны и нанесенные на них знаки. На одном из таких сосудов, в виде исключения, орнамент и знаки не процарапаны, а выполнены белой краской (№ 150).

Несколько слов о знаках на глиняных плитках.

¹ Б. А. Шрамко, К вопросу о типологии и технике изготовления сибирских, сарматских и скифских котлов раннего железного века (находится в печати).

² О знаках на грузилах см. В. Ф. Гайдукевич, К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях, МИА, № 25, 1952, стр. 408 сл., табл. I и II.

³ И. И. Толстой, Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М.—Л., 1953, № 250.

Мы не можем подробно останавливаться на этой интересной группе памятников, обнаруженных в Прикубанье, так как изображения на подавляющем большинстве плиток состоят из различных сочетаний параллельных и перекрещивающихся линий, окружностей, углублений, схематических рисунков и видоизмененных греческих букв и лишь немногие из них близки рассматриваемым нами сарматским знакам. С другой стороны, без изучения всего материала в целом (найдено более 300 плиток) нельзя даже предположительно решать вопрос об их назначении. Поэтому мы отсылаем к специальной статье на эту тему¹, а здесь ограничимся лишь кратким резюме.

Керамические плитки, найденные на ряде кубанских городищ, представляют собой особую локальную группу памятников, датируемых временем с III в. до н. э. по II—III вв. н. э. (наибольшее количество приходится на первые века н. э.). Плитки слабо обожжены, до обжига на многие из них нанесены различные изображения; есть также гладкие плитки, без изображений. Некоторые плитки стоячие, с более широким нижним основанием, некоторые имеют сквозные отверстия, видимо, для подвешивания; есть также плитки с двусторонними изображениями по верхнему и боковому краям.

Греческие буквы могли заимствоваться в соседних боспорских городах, а появление на плитках указанных знаков скорее всего связано с сарматскими влияниями, которые прослеживаются на Кубани примерно с III—II вв. до н. э.

Находки сотен специально изготовленных и обожженных плиток говорят о какой-то важной области их применения, однако вряд ли они могли иметь хозяйственно-практическое значение. С другой стороны, плитки найдены только на территории городищ и совершенно не встречаются в могильниках, а следовательно, не могут относиться к погребальному инвентарю. Наконец, характер изображений и многократное повторение одинаковых изображений на плитках с разных городищ не позволяют толковать их как родовые или семейные знаки.

Подобные плитки встречаются только на меотских городищах, и потому мы склонны предполагать, что они связаны с какими-то обычаями и верованиями меотских племен и, вероятнее всего, носили тотемный характер. Об этом говорят изображения спирали, волны, дуг, подковы, креста, свастики с округлыми концами и т. д., а также сочетание различного числа черточек, ямок и кружков.

В пользу такого предположения свидетельствуют и некоторые аналогичные памятники, правда, весьма отдаленные по времени и месту на-

¹ Э. И. Соломонок, Кубанские керамические плитки (там же дана литература по данному вопросу) (находится в печати).

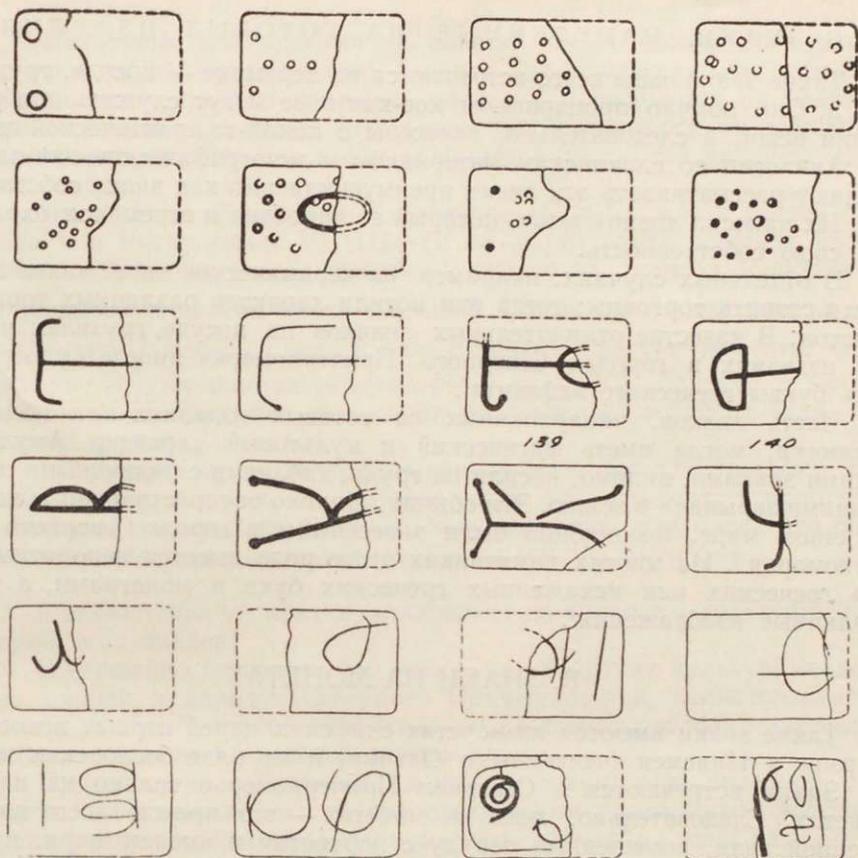

Рис. VII. Кубанские керамические плитки.

ходок, как например, коринфские глиняные таблички с изображениями¹ и особенно керамические плитки из раскопок в Сиалке (Иран)². Последние совпадают с кубанскими не только по общему виду, но и по характеру некоторых изображений; есть среди них двусторонние и со сквозными отверстиями.

¹ S. Weinberg, Corinthian relief ware, «Hesperia», т. XXIII, № 2, 1954, стр. 112 сл., табл. 25.

² R. Ghirshman, Fouilles de Sialk, т. I, 1938, стр. 65 сл., табл. XXXI, XCII, XCIII.

II. ЗНАКИ, НАНЕСЕННЫЕ НА ГОТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Такие знаки чаще всего встречаются на керамике — посуде, грузилах и т. д. Они обычно процарапаны кое-как и не могут служить для украшения вещи, а следовательно, нанесены с какой-то практической целью.

Аналогии со славянским материалом и этнографические данные позволяют рассматривать эти знаки преимущественно как знаки собственности. Их наносил хозяин вещи, который ее приобрел и стремился охранить как свою собственность.

В отдельных случаях, например на керамической таре, такие знаки могли ставить торговцы; тогда они носили характер различных торговых пометок. В качестве отличительных значков на посуде, грузилах и других изделиях в городах Северного Причерноморья иногда употреблялись буквы греческого алфавита¹.

Часть знаков, нацарапанных на готовых изделиях или обломках керамики, могла иметь магический и культовый характер. Амулеты с такими знаками, видимо, носили на груди, таблички с различными заклинаниями зарывали в землю. Эти обычаи, широко распространенные во всем античном мире, несомненно были занесены и в города Северного Причерноморья². На многих памятниках этого рода имеется непонятный набор греческих или искаженных греческих букв и монограмм, а также различные изображения³.

V. ЗНАКИ НА МОНЕТАХ

Такие знаки имеются на монетах скифских царей первых веков н. э. Фарзоя и Инисмея (чеканены в Ольвии) и на ряде боспорских монет⁴.

Знаки встречаются в Северном Причерноморье только на царских монетах. Следовательно, знак на монетах — это прежде всего царский именной знак, помещенный наряду с портретом и именем царя, и одновременно знак собственности, показывающий исключительное право царя на чеканку монеты⁵. Такой характер, видимо, имели знаки на монетах боспорского царя Фифорса (279—309 гг. н. э.).

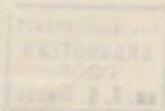
¹ Э. Р. Штерн, «Graffiti» на античных южнорусских сосудах, ЗОО, т. XX, 1897, стр. 193 сл.; И. И. Толстой, ук. соч., passim.

² Е. М. Придик, Греческие заклятия и амулеты из южной России, ЖМНП 1899, ч. 326, стр. 115 сл.

³ В. В. Латышев, ЗРАО, т. IV, 1890; Е. М. Штаерман, О «загадочных знаках» Северного Причерноморья, ВДИ, 1950, № 1.

⁴ Изображение на монете Фарзоя спорно; возможно, это кадуцей.

⁵ Ср. суждения А. В. Орешникова о знаках на древнерусских монетах в следующих работах: Классификация древнейших русских монет по родовым знакам, ИАН, отд. гуман. наук, № 2, 1930, стр. 110 сл.; Денежные знаки домонгольской Руси, 1936, стр. 37.

Некоторые изображения на монетах мы не можем считать именными знаками боспорских царей, так как они совершенно не соответствуют знакам этих царей на каменных плитах и повторяются на монетах различных царей. По своим очертаниям они отличаются от известных нам причерноморских знаков и скорее представляют собой какие-то специальные значки.

На монетах Римиталка и Евпатора (II в. н. э.), а также Рискупорида V и Рискупорида VI (III—IV вв. н. э.) около портрета изображен небольшой значок в виде трезубца¹, однако на монетах Рискупорида VI встречается и другой знак, имеющий форму Ψ ². Наконец, на монетах Савромата II помещен знак в виде стрелки³. Следует отметить, что изображение \times на ранних монетах (8—9 гг. н. э.), близкое к знакам, по мнению А. Н. Зографа⁴, возможно, представляет собой не знак, а монограмму царицы Динамии⁵.

На реверсе одной из монет Савмака (II в. до н. э.) рядом с головой быка имеется изображение, которое также принято считать монограммой⁶. Возможно, его следует рассматривать как знак, тем более что он имеет близкую аналогию на плите из Анапы (см. № 31)⁷.

В заключение мы кратко остановимся на вопросе о дальнейшей судьбе сарматских знаков.

Совершенно очевидно, что знаки, как и другие культурные достижения племен и народов Северного Причерноморья, заимствовались соседями и не погибли полностью в период крушения рабовладельческой формации и нашествия гуннов и других племен.

Продвижение сарматских племен на территорию Западной Европы, хорошо прослеживаемое по археологическим памятникам, расширило и ареал распространения причерноморских знаков⁸. Кроме каменных плит

¹ См. А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА, № 16, 1951, табл. XLVII, 18; XLVIII, 3; L, 3, 6, 8, 23 и 25.

² См. Л. П. Харко, *Тиритакский монетный клад 1946 г.*, ВДИ, 1949, № 2, стр. 80 сл.

³ А. Н. Зограф, *ук. соч.*, табл. XLVIII, 7 и 10.

⁴ Там же, стр. 191 и табл. XLIV, 15.

⁵ Ср. монограмму имени *Διναμίας* \times на клейме из Керчи, Е. М. Придик, *Инвентарный каталог клейм*, 1917, № 843. Ср. также знак на плите из Илурата (№ 40).

⁶ К. В. Голенко, *О монетах, приписываемых Савмаку*, ВДИ, 1951, стр. 200 и табл. I, 2.

⁷ Интересно отметить, что монеты Савмака, как и данная плита, найдены на восточном берегу Черного моря.

⁸ См. N. Mogoșan, *Semn ieroglific dintr'un kurgan din Basarabia, Chisinau*, 1938, табл. 2.

(главным образом надгробий), они встречаются на наконечниках копий III—IV вв. н. э.¹, которые по своим формам и орнаменту совершенно отличаются от сарматских; на некоторых из них имеются рунические надписи.

В качестве примеров назовем наконечник копья из Мюнхенберга с именем Ran(i)nga², два наконечника из Каменицы (около г. Ярослава в

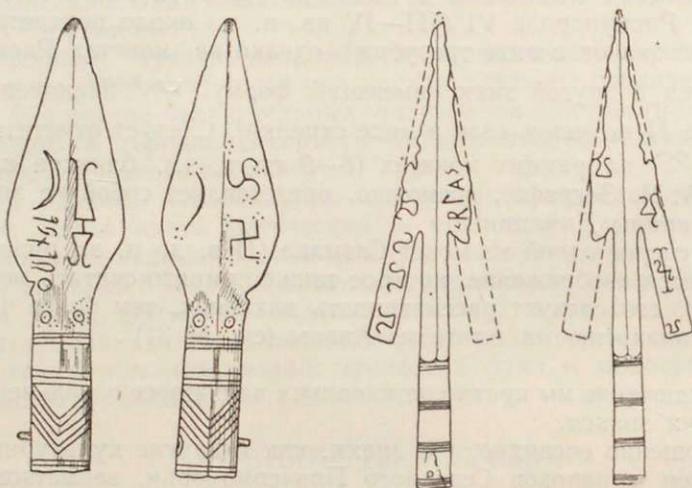

Рис. VIII. Наконечники копий из Мюнхенберга и Розадова на Сане.

Польше)³ и сильно поврежденный наконечник из погребения, открытого в 1932 г. около Розадова на Сане (Польша), также с остатком надписи⁴.

Характер указанных памятников, в которых западноевропейский тип оружия сочетается с причерноморскими знаками, нанесенными, как и надписи, при их изготовлении, скорее всего свидетельствует о заимствовании и широком использовании сарматских знаков наряду с руническим письмом и знаками, бытовавшими среди племен Западной Европы.

¹ W. Antoniewicz, *Zelazne oszczepy inkrustowane z Kamienicy, PA, t. I, zosz. 3-4, 1920.*

² K. Schuchhardt, *Vorgeschichte von Deutschland, 1928, стр. 275, рис. 233.*

³ W. Antoniewicz, укр. соч.; L. Kozłowski, *Zarys Pradziejów Polski Południowo-wschodniej, Lwów, 1939, стр. 100, табл. XXVII, 34.*

⁴ M. Smieszko, *Grót dzifytu z runicznym napisem z Rozadowa nad Sanem, Wiadomości Archeologiczne, t. XIV, Warszawa, 1936, табл. XX; М. А. Тиханова, Культура западных областей Украины в первые века н. э., МИА, № 6, 1941, стр. 274 сл.*

Знаки Северного Причерноморья эпохи средневековья собраны и изучены еще меньше, чем сарматские, хотя ряд материалов, особенно по Крыму, уже накоплен. Это знаки на поливной посуде из фондов Феодосийского музея (не изданы), на черепице из городища Эски-Кермен¹, на обломках посуды с Таманского городища² и городища Тепсень³, на каменных надгробиях, стенах пещер и других памятниках. Многие из указанных знаков близки по своим очертаниям к сарматским. Например, на керамике Таманского полуострова мы видим аналогии боспорским знакам на плитах Ининфимея и на плите из Илурата. Сходны с сарматскими и знаки на некоторых кирпичях и камнях со средневековых городищ на нижнем Дону⁴.

Наконец, наибольшее сходство наблюдается со знаками на славянских памятниках, рассмотренных в указанных выше работах Б. А. Рыбакова⁵. В одном месте автор пишет: «Археологические находки IV—V вв. в юго-восточной части области полей погребений свидетельствуют о походах ругов и северян на юг, в Причерноморье, откуда были вывезены вещи боспорского и византийского изготовления...»⁶.

Известно широкое распространение тамг у кавказских племен. Среди кабардинских тамг много форм, также близких сарматским знакам, к которым они, возможно, восходят. Интересные примеры можно видеть в материале, собранном В. П. Пожидаевым⁷. Об одной новой тамге нам недавно сообщил сотрудник Музея антропологии и этнографии Л. И. Лавров. Это кабардинская тамга Соховых, полностью совпадающая со знаком на многих сарматских зеркалах ().

Во всех указанных случаях речь шла о применении заимствованных знаков также в качестве знаков — будь то знаки собственности, знаки мастеров и др.

¹ См. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., 1941, стр. 278, рис. 78.

² Подъемный материал 1952 г. из фондов ОАСА ИА (инв. № Э-ТГ-52).

³ Находка 1950 г., фонды ОАСА ИА (инв. № Г-66). Ср. также обломок амфоры со знаком, найденный в районе мыса Мальчин (1,5 км от Тепсени) во время разведок 1953 г. Хранится там же (инв. № ММ-1).

⁴ М. И. Артамонов, Средневековые поселения на нижнем Дону, Л., 1935.

⁵ Б. А. Рыбаков, ук. соч.; его же, Древние русы. Ср. В. А. Гордцов, Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, Труды ГИМ, в. 1, 1926. Некоторые мотивы славянского искусства автор сопоставляет с искусством более древних племен и народов, в том числе и сарматов, устанавливая преемственную связь между ними.

⁶ Б. А. Рыбаков, Древние русы, стр. 99. Ср. его же, Проблема образования древнерусской народности..., ВИ, № 9, 1952, стр. 59.

⁷ В. П. Пожидаев, Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент, УЗКНИИ, т. IV, Нальчик, 1948. О кавказских средневековых знаках из Армении см. Р. М. Джанполадян, СА, 1958, № 1, стр. 212, рис. 9.

Но существовали и другие пути дальнейшей жизни сарматских знаков: их очертания могли использовать для различных орнаментов (см. выше об орнаментах на зеркалах и бляшках) и складывающихся систем письма.

Выше мы говорили, что, несмотря на сходство некоторых сарматских знаков с буквами славянской глаголицы, нельзя предполагать прямое заимствование уже в силу большого хронологического разрыва. П. Н. Третьяков¹ указывает, что «промежуток в семь столетий, отделяющий бесспорские знаки от знаков киевских князей, заполняется многочисленными тамгами IV—VIII вв. той же орнаментальной схемы, происходящими из Восточного Поднепровья».

Происхождение глаголицы во многом еще остается спорным, но «в последнее время все чаще и чаще раздаются голоса в пользу ее самобытного и к тому же более раннего, чем обычно считают, происхождения»².

При сложении глаголицы могли черпать ряд форм из многочисленных славянских знаков, часть которых, в свою очередь, заимствовали у скифо-сарматских племен. Однако этот интересный вопрос, выходящий за рамки нашей темы, требует специального исследования³.

¹ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 216.

² П. С. Кузнецов, Предисловие к книге: Ч. Локотка, Развитие письма, стр. 9. Ср. Д. А. Лихачев, Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, ВИ, 1951, № 12, стр. 34.

³ Когда данная работа уже находилась в печати, нам стала известна книга Н. Янichen, Bildzeichen der königlichen Mäheite bei den iranischen Völkern, Випп, 1955. Автор рассматривает знаки, встречающиеся у иранских народов и их соседей, и трактует их, в основном, как символы власти, одновременно связанные с заупокойным культом. Особое внимание он уделяет сарматским знакам, которые делит на несколько групп.

ЧАСТЬ II

ОПИСАНИЕ
ПАМЯТНИКОВ
СО ЗНАКАМИ

ЕДИНИЧНЫЕ ЗНАКИ НА КАМНЯХ

№ 1

Известняковая плита из Танаиса. Опубликовано В. В. Латышевым (МАР, 9, 1892), затем переиздана им же вместе с фотографией (IosPE, IV, 447). Хранится в Новочеркасском музее (инв. № 3853)¹.

Размеры плиты: высота 69, ширина 59, толщина 15 см.

Большую часть плиты занимает хорошо вырезанный знак, который мы встречаем на многих боспорских памятниках. Верхняя часть знака повреждена, но может быть легко восстановлена по аналогии.

Под знаком — семистрочная греческая надпись, в которой говорится, что во время царствования Тиберия Юлия Евпатора, в 163 г. н. э., неким Трифоном была отстроена стена. Дата соответствует периоду царствования на Боспоре Тиберия Юлия Евпатора (155—171 гг. н. э.) и позволяет наряду с другими данными считать помещенный здесь знак именным знаком этого царя. Латышев указывает, что эту монограмму или знак можно сравнить с так называемыми тамгами, употребляемыми кавказскими племенами, и ссылается на работу Фелицына в ЗОО, т. XV. Надо сказать, что сходство это самое общее; прямых аналогий начертанию данного знака в таблицах кавказских тамг не имеется.

№ 2

Известняковая плита. Найдена в окрестностях Керчи в 20-х годах XIX в. Описана Келером, который совсем не обратил внимания на знак, вырезанный на оборотной стороне камня.

Латышев издал надпись в IosPE, II, 84 с указанием, что местонахождение памятника не известно. Основываясь целиком на материале Келера, Латышев также не упоминает о знаке. Затем, уже с описанием обеих сторон, памятник был издан В. В. Шкорпиллом (Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия, ИАК, в. 37, 1910, стр. 29) и в

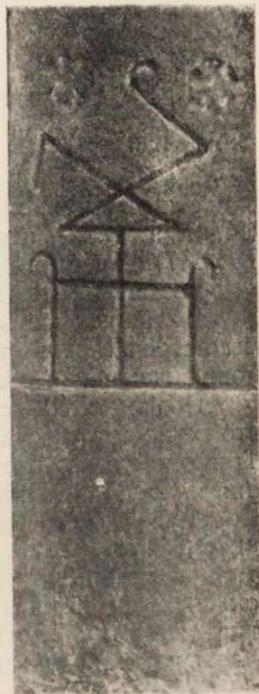
¹ Когда данная работа уже находилась в печати, нам сообщили, что в Новочеркасском музее имеется еще пять каменных плит со знаками. Судя по фотографиям, они принадлежат к сарматским знакам и заслуживают отдельной публикации.

книге: G. Kieseritzky und C. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, стр. 111, № 626.

Плита находится теперь в дромосе Царского кургана близ Керчи. Размеры ее: высота 151, ширина 54—58, толщина 21—23 см.

1

2

На одной стороне — обычное для боспорских надгробий рельефное изображение двух всадников, под ним — остатки сильно поврежденной греческой надписи.

Обратная сторона камня также хорошо обработана. Верхнюю половину занимает тщательно вырезанный знак, подчеркнутый прямой линией; сверху по обе стороны помещены в небольших круглых углублениях две шестилепестковые розетки.

Кизерицкий и Ватцингер (ук. соч.) считали греческую надпись вторичной, а оборотную сторону камня со знаком пытались рассматривать

как готское надгробие, причем обычное на множестве стел украшение в виде розеток ошибочно относили к самому знаку.

Со всеми этими утверждениями трудно согласиться. Рельефное изображение всадников, надпись и знак, судя по многочисленным аналогиям, датируются примерно одним временем — I—II вв. н. э., и нет никаких оснований предполагать, что плита была трижды использована. Даже обратная сторона камня иногда использовалась одновременно с лицевой, как это видно на антропоморфном боспорском надгробии, с обеих сторон испещренном знаками (см. № 21).

№ 3

Мраморная плита. Найдена на Таманском полуострове в 1890 г. Издана Шкорпилом (ИАК, в. 37, рис. 1). Хранится в лапидарии Керченского музея (инв. № Л-150). Памятник расколот на две части.

3

Размеры плиты: высота 77, ширина 89, толщина 17 см.

В центре плиты находится рельефное изображение знака, по бокам — рельефы двух крылатых Ник с венками в вытянутых над знаком руках.

Плита, вероятно, была вделана в стену какого-то богатого здания.

В первые века н. э. Боспорское царство достигло нового подъема, вело активную борьбу с наступлением на его границы окружающих племен и стремилось освободиться от подчинения Риму. Об этом свидетельствуют как письменные источники (особенно эпиграфические), так и монеты.

Для сравнения с нашей плитой интересно привлечь монету Савромата II, правившего вскоре после Евпатора, на реверсе которой изображена фигура царя, увенчиваемого Никой¹. Видимо, в память о победах Боспора воздвигнута и мраморная плита с барельефами Ник, на которой вместо портрета и имени царя имеется только именной царский знак.

№ 4

Мраморная плита. Найдена на Таманском полуострове П. И. Сумароковым в 1803 г. Издана им же (Досуги крымского судьи, СПб, 1805, стр. 127 и рис. 19), затем плиту издали А. Ашик (Боспорское царство,

4

1848, ч. 1, рис. 12), Латышев (Сборник греческих надписей христианских времен из южной России, СПб, 1896, стр. 105 и табл. XI, 99), Стефани (ДБК, т. II, № XXI) и др. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № 2069/1).

Размеры плиты: высота 76, ширина 168, толщина 36 см.

Как и на плите № 3, по краям расположены барельефы двух Ник с венками в руках; внизу — остатки двух рельефных знаков, над ними —

¹ См. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 336 и табл. VI, 89.

греческая надпись. Буквы в ряде строк вплотную подходят к изображениям.

Латышев (ук. соч., стр. 108; К надписи Евпатерия, ПОНТИКА, 1909, стр. 201 сл.) остановил свое внимание на греческой надписи, сделал перевод и убедительно доказал, что она относится ко времени византийского императора Маврикия и датируется 590 г.

Стефани принял знаки за украшение, Бертье-Делагард (Надписи времени императора Зенона, ЗОО, т. XVI, стр. 84) объявил их близкими к форме буквы *m* на монетах Тиберия II и Маврикия.

Шкорпил посвятил этой плите специальную работу (ИАК, в. 37). Уделив главное внимание знакам и изображениям, он сопоставил обе плиты (№ 3 и 4), признал надпись вторичной, привлек большой сравнительный материал по знакам и на основе всех данных пришел к выводу, что эти плиты датируются I—II вв. н. э.

При вторичном использовании памятника верхняя часть знаков была сбита. Форма второго из них совпадает с нижней частью знака на плите № 3, но здесь недостаточно места для полного изображения этого знака. Поэтому трудно согласиться с реконструкцией знаков, предложенной Л. А. Мацулевичем (Государственный Эрмитаж, экспозиция). Скорее можно предполагать, что знаки здесь были не трех-, а двучленные (см. общую таблицу знаков, № 2, 18, 21, 22, 134 и др.).

№ 5

Известняковая плита. Место находки не установлено. Хранится в лапидарии Керченского музея.

Размеры плиты: высота 107, ширина 62—65, толщина 20 см.

Всю площадь плиты занимает знак, четкими линиями врезанный в глубь камня. Знак по своим очертаниям аналогичен знакам, рассмотренным выше и отнесенным ко II в. н. э. Поэтому по аналогии мы датируем данный памятник тем же временем.

Никаких следов греческой надписи на плите нет. Видимо, как и мраморные плиты с Никами, ее украшал только знак.

5

Плита из зернистого известняка. Найдена в 1928 г. около хут. Батарейного, в районе Кубанских плавней. Издана в ЗСКОАИЭ, кн. I, в. 5-6, 1929, стр. 9 сл. Фотографии или рисунка плиты не помещено, имеется лишь схематическая зарисовка (там же, стр. 10, рис. 1). Хранилась до Великой Отечественной войны в Новороссийском музее.

Размеры плиты: высота 80, ширина 70, толщина 17 см.

Знак, аналогичный предыдущим, расположен в центре плиты и не сопровождается греческой надписью. Вырезанные линии знака были заполнены красной краской. При обследовании болотистой местности в районе р. Адагума, притока Кубани, около хут. Батарейного были обнаружены остатки боспорских укреплений (там же, стр. 9). На основе сравнительного материала этот памятник отнесен ко II в. н. э., ко времени боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора, и высказано предположение, что в этом районе тогда проходила граница Боспорского царства (там же, стр. 18).

6

В архивном материале имеются некоторые дополнительные сведения. В отчете о раскопках на северо-западном Кавказе (Архив ИИМК в Ленинграде, д. 169, 1930, л. 3) указано, что плита со знаком хранится в Новороссийском музее, и помещена фотография камня. Поверхность плиты обработана грубо, а частью сбита, нижняя часть знака сохранилась особенно плохо.

В 1935 г. работы в районе хут. Батарейного были возобновлены. Находки большого количества монет боспорских царей от Рискупорида I до Рискупорида II позволяют датировать данный археологический комплекс I—III вв. н. э. (Архив ИИМК в Ленинграде, д. 90, 1935, л. 18—19).

По предположению Н. В. Анфимова (Древние поселения Прикубанья, Краснодар, 1953, стр. 17), городище около хут. Батарейного представляет собой остатки боспорского города Гаргазы.

Надгробие из известняка. Хранится в лапидарии Керченского музея (инв. № Л-67).

В верхней части плиты расположена греческая надпись, вырезанная по линейкам. Первая строка, верхний правый угол и левый край сохранились плохо. Надпись издана Латышевым (IosPE, IV, 209). В ней говорится, что члены синода почтили умершего сочлена Папа, сына Деметрия Монохордова. По палеографическим данным Латышев датирует надпись II в. н. э. Ни фотографии, ни зарисовки плиты в IosPE не дано; таким образом, знак, помещенный под надписью, остался неизданным.

Размеры плиты: высота 140, ширина 52, толщина 20 см.

Знак вырезан не столь глубоким резцом, как надпись, но четко и аккуратно и, по всей вероятности, одновременно с надписью. По своим очертаниям он отличается от предыдущих только в средней части, где вместо треугольника помещен круг.

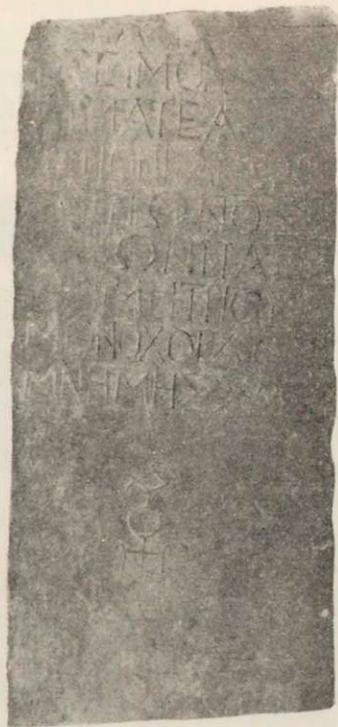
№ 8

Известняковая плита, сильно обломанная: сохранился лишь верхний край. Памятник не издан. Хранится в Керченском музее.

Размеры фрагмента: высота 27, ширина 44—55, толщина 18 см.

Поверхность камня обработана довольно хорошо; знак вырезан четко, около облома видны следы еще какого-то знака или изображения.

По форме знака, с кружком вместо треугольника в средней части, его следует сравнить с № 7 и по аналогии датировать II в. н. э.

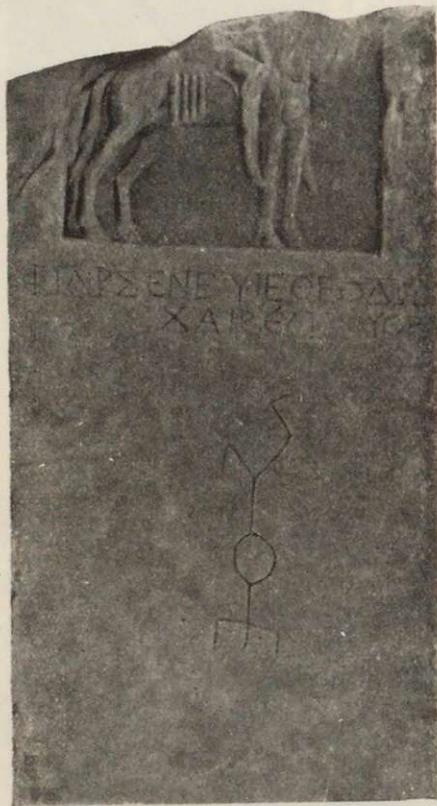

7

8

Надгробная плита из известняка, верхняя часть обломана. Найдена в Керчи в 1936 г. во дворе холодильника Рыбкомбината. Издана Ю. Ю. Марти (Неопубликованные археологические памятники Керченского музея, ВДИ, 1941, № 1, стр. 209). Хранится в лапидарии Керченского музея (инв. № Л-156).

9

Сохранилась нижняя часть рельефного изображения всадника на коне, под ним — двустрочная греческая надпись, вырезанная по линейкам; остальную часть плиты занимает знак.

Размеры плиты: высота 143, ширина 55, толщина 21 см.

Надпись расположена несколько необычно:

Φιλ(ά)ρσενε υἱὲ Θεοδώ-
χαῖρε υορ

Конец второго имени перенесен не на начало, а на конец второй строки, причем буквы расположены в обратном порядке, справа налево (как бы бустрофедон). В первом имени пропущена буква α . Имя Φιλάρσενος не встречается в боспорской эпиграфике и среди известных греческих имен.

В отличие от хорошо выполненного рельефа надпись и особенно знак сделаны несколько небрежно, без строго предварительного размещения.

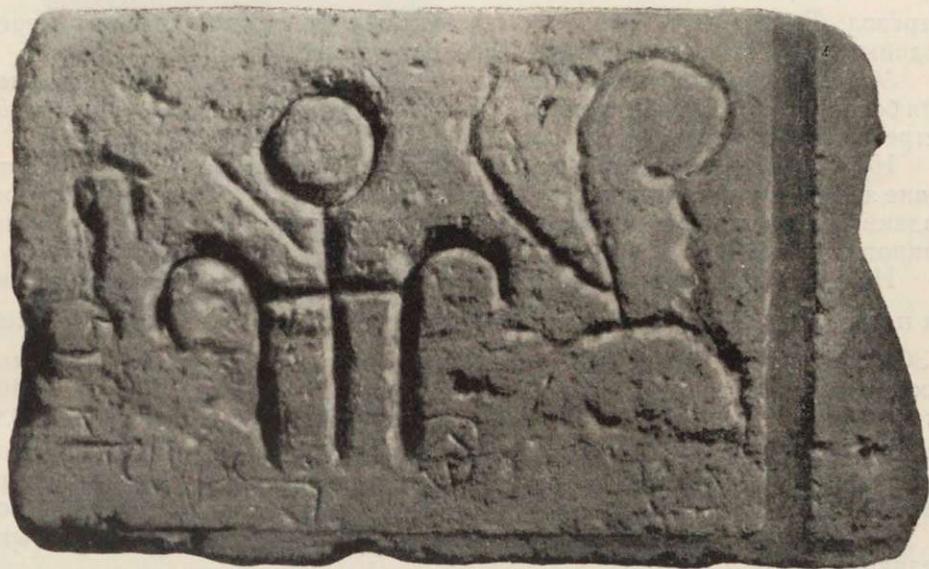
По исполнению рельефа и характеру надписи памятник датирован I в. н. э.

Знак расположен не совсем симметрично по отношению к вертикальной оси и высечен тонкой неглубокой линией; окружность не доведена до конца, а в верхней части лишь едва намечена. По своим очертаниям знак близок к № 7 и 8, но имеет некоторое отличие от большинства известных знаков в нижней части ($\Pi\Pi$ вместо $\Pi\Pi$).

Плита из известняка. Точное место находки неизвестно. Ее схематическое изображение помещено Шкорпиллом в ИАК, в. 37, рис. 2. Хранится в Керченском музее.

Размеры плиты: высота 34, ширина 56, толщина 22 см.

Знак вырезан четко и глубоко. По своим очертаниям он соответствует № 7, 8 и 11 без верхней части.

10

Изображения справа от основного знака скорее напоминают не знаки, а рисунки. Внимательное рассмотрение плиты показывает, что она была вторично использована, так как основной знак явно перекрывает другие изображения, вырезанные более тонкой линией, нарушая и разрезая их в различных направлениях.

№ 11

Известняковая плита. Найдена на Таманском полуострове. Издана Шкорпиллом (Боспорские надписи, найденные в 1910 г., ИАК, в. 40, 1911, № 28). Хранится в лапидарии Керченского музея (инв. № Л-68).

Большую часть плиты занимает хорошо высеченный знак, под ним — четырехстрочная греческая надпись:

Δι' ἐπιμελείας Ἡρα-
κᾶ Ποντικοῦ ἀρχερ-
μηγέως Ἀλανῶν
ἐ[ν τῷ] εφ'

Перевод: Попечением Герака, сына Понтика, главного аланского переводчика (построено) в 505 году (боспорской эры)¹.

505 г. боспорской эры соответствует 208 г. н. э., т. е. времени правления боспорского царя Савромата II. Имя Ἡρακᾶς и слово ἀρχερμηγέως встречаются впервые.

Небольшое повреждение камня на месте нижней части знака, отсутствии зарисовок и подробного описания привели, на основе фотографии, изданной Шкорпилом (ук. соч., стр. 113), к ошибочному пониманию формы данного знака.

Нижняя часть знака имеет обычную форму ΠΠ, как это ясно видно на плите, а не ΠΠ (кстати, не имеющую себе аналогий), как мы встречаем в ЗСКОАИЭ, кн. I, в. 5-6, 1929, рис. 1-а, у Б. А. Рыбакова (Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв., СА, VI, 1940, стр. 234) и С. П. Толстова (Древний Хорезм, М., 1948, стр. 186 и табл. на стр. 184). Рыбаков и Толстов, трактуя знак ΠΠ как стилизованное изображение двух коней, пытались рассматривать нижнюю часть знака на данной плите как изображение одного коня, повернутого головой влево.

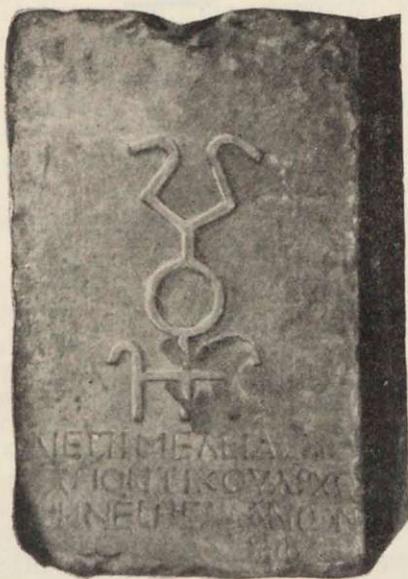
Последнее утверждение, противоречащее подлиннику, должно быть целиком снято.

Знак имеет своеобразную и, в отличие от других, симметричную форму в верхней части.

Рассмотренная плита была использована в царствование Савромата II вторично. На ее оборотной стороне имеется рельефное изображение всадника и женщины, под ними — плохо сохранившаяся греческая надгробная надпись (см. Ш к о р п и л, ук. соч., № 26).

Плита, видимо, была укреплена в стене, построенной в 208 г., как указано в надписи, при Савромате II. О том же, должно быть, не менее красноречиво говорил и начертанный на плите знак.

¹ См. В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, стр. 429 и прим. на стр. 578.

11

1 ΧΕΙΛΙΟΥΣ ΠΟΛΙΜΗΣΑΣ
 ΔΕΚΑΣΙΡΑΧΟΥΣ ΚΑΙΣΚΥ
 ΘΑΣ ΚΑΙ ΤΗΝ ΤΑΥΡΙΚΗΝ
 ΠΟΣΠΟΝΔΟΝ ΛΑΙΩΝΑΣ
 5 ΘΕΠΟΝΑΠΕΔΕΙΣ ΕΓΗΠΟΝ
 ΤΟ ΒΕΙΘΥΝΙΑ ΤΟΥΣ ΤΑΕΟΥ
 ΣΙΤΟ ΠΕΛΑΓΟΣ ΕΓΤΡΑ
 ΤΗ ΓΥΠΟΛΕΝΤΥ
 ΝΩΝΟΣ ΛΑΔΑΚΙΟ
 10 :ΙΟΥ ΓΑ ΔΙΟΥ ΚΑΙ ΟΥ
 ΙΟΥ ΕΤΩΝ ΠΡΙΝ ΕΠΙ
 ΒΑΣΙΛΕΥΣΕΝ ΗΝΩΝ ΒΤΟΥΑ
 ΔΑ ΕΚ ΠΡΩΘΕΙΣ ΠΟΤΟΥ
 ΒΑΣΙΛΕΥΣΕΙΣ ΤΟ ΕΜΠΟΡΙΟΝ
 15 ΚΑΘΙΕΡΩΝ ΔΙΠ ΑΡΗ ΚΑΙ
 ΑΦΡΟΔΙΤΗΣ ΕΠΙΒΟΡΑ
 ΣΠΗΚΑ ΒΟΥΤΑΡΧΟΝ ΤΑ
 ΝΑΕΩΣ ΚΑΙ ΕΜΗΝΑΡΧ
 ΡΟΔΩΝΟΣ ΧΑΡΙΤΟΝΟΣ
 20 ΕΝ ΤΩ ΓΑΥΓ ΤΡΟΥΑ

12

№ 12

Известняковая плита из Танаиса. Издана Латышевым (IosPE, II, 423). Он указывает, что памятник утрачен.

Большую часть плиты занимает греческая надпись, в нижнем правом углу помещен знак. Надпись говорит о покорении Боспором сирахов и скифов и присоединении Таврики по договору; она датирована 193 г. н. э., т. е., как и плита № 11, временем царствования Савромата II.

Знак также очень близок знаку на плите № 11, хотя здесь он имеет несколько иные пропорции. Трудно предположить, чтобы в надписи, специально прославляющей победы Боспора над различными племенами, не было названо имя царя, столь обычное в боспорской эпитафике. Видимо, и в этой надписи имя царя заменено знаком.

Все это позволяет рассматривать знак на плитах № 11 и 12 как именной знак боспорского царя Савромата II.

№ 13

Мраморная плита из Танаиса. Издана Латышевым (IosPE, II, 431). Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № ТН. 299).

Размеры плиты: высота 81, ширина 63, толщина 25 см.

ΑΓΛΘΗ
 ΕΠΙΒΑΣΙΛΕΙΡΗ
 ΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ
 ΥΨΩΣΕΓΑΛΟΥ
 ΒΛΙΛΕΩΣΣΑΥ
 ΤΣΥ

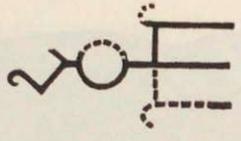
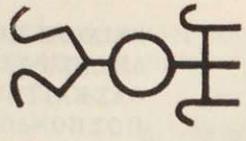
ΑΝ
 ΠΙΤ
 ΛΕ,
 ΧΡ
 ΧΣ
 ΣΔ
 ΑΤ

ΝΕΙΚΟΥΕΛΛΗΝ
 ΑΤΑΦΘΑΡΕΝΤΑΤ
 ΝΟΔΩΗΘΗΕΝΕΣΕΛΗ
 ΤΡΙΟΥ

ΚΑΙΩΗΝ . . . ΛΕΓΕΣΙΟΙΑ
 ΕΤΕΙ

ΥΧΗ
 ΑΝΩΝΚΑΙ
 ΡΟΕΥΤΗ

ΡΙΔΟΣΚ
 ΧΟΦΡ
 ΣΦΟΡ
 ΟΥ

Плита разбита на множество кусков, надпись и знак сильно повреждены.

Надпись говорит о восстановлении стены при царе Рискупориде, сыне Савромата, следовательно, датируется началом III в. н. э.

Сохранившаяся часть знака воспроизведена у Латышева неверно. Внимательное изучение данного знака, которым Латышев специально не занимался, дает возможность полностью реконструировать его форму (рис. 13а — по Латышеву).

Знак состоит из трех частей, как большинство знаков боспорских царей. Рассмотрим их по порядку, начиная с верхней. Эта часть знака сохранилась полностью, а не обрывается с одной стороны, как на рисунке у Латышева. Средняя часть наполовину утрачена, но сохранившаяся кривая несомненно дополняется как окружность. Переходим к нижней части знака. Нижний левый излом плиты идет по небольшому желобку, который по своему расположению и расстоянию от средней линии знака может быть восстановлен как третья вертикальная прямая нижней части знака. Правая линия не имеет прямого продолжения вверх, как думал Латышев, а несколько изгибается вправо. Изгиб этот должен быть небольшим, потому что почти рядом с ним идет греческая надпись.

По аналогии с другими знаками боспорских царей, наиболее сходными в нижней части, мы восстанавливаем данную кривую в виде небольшого ушка, симметрично повторяющегося с другой стороны.

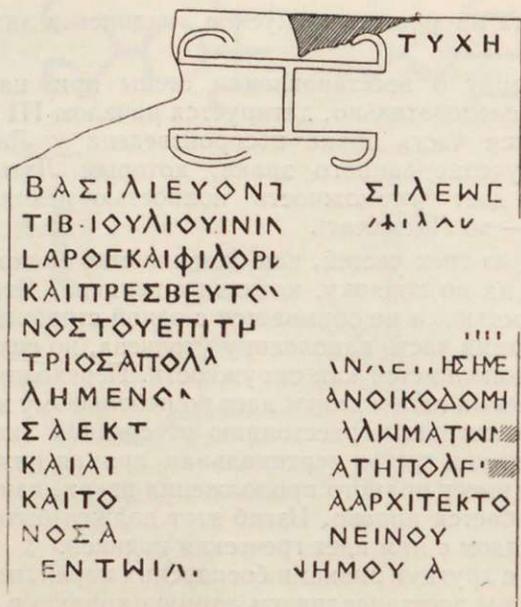
Реконструированная форма знака, видимо, является впервые выявленным именовым знаком Рискупорида III; она имеет наиболее близкую аналогию в знаке ближайшего предшественника Рискупорида III — его отца Савромата II (№11). Здесь перед нами явная преемственность основной формы знака с небольшими отличиями в верхней части (рис. 13б).

№ 14

Мраморная плита. Найдена в Танаисе в 1853 г. Состоит из 15 обломков. Издана Латышевым (ПроPILEI, IV, стр. 426, № 9; IosPE, II, 433). Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № ТН. 301).

В верхней части плиты симметрично вырезан знак, под ним расположена большая греческая надпись. В ней говорится о восстановлении башни при царе Ининфимее в 236 г. н. э.

На знаке видны следы красной краски, как на некоторых греческих надписях. Окраска знака, еще более выделявшая его на фоне белого мрамора, встречается редко (ср. № 6). Знак по своим очертаниям совершенно отличается от сложных трехчленных знаков, рассмотренных выше. Он

14

имеет более простую симметричную форму, несколько напоминая лежащую букву «Н».

№ 15

Массивная плита из белого известняка. Найдена в Танаисе.

Размеры плиты: высота 110—115, ширина 82—84, толщина 28 см. Хранится в Одесском музее (инв. № 50728).

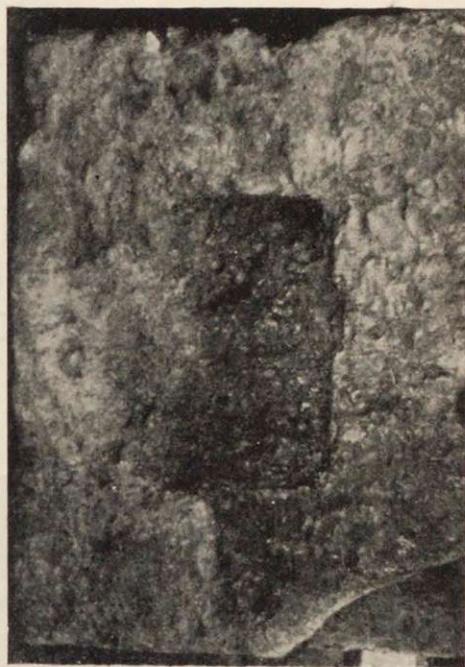
Издана Латышевым в IosPE, II, 434.

Греческая надпись, обведенная узкой рамкой, говорит о строительстве башни при царе Ининфимее в 236 г. н. э. (как и на плите № 14).

Знак в верхней части плиты вырезан глубоко и четко, но немного поврежден. Он также полностью тождествен знаку на плите № 14.

Камень был вторично использован. На обратной стороне высечено углубление для нижней части пресса виноградной давилки (ср. аналогичное использование плиты № 21).

В отличие от рассмотренных надписей времени Савромата II данные памятники, при тождестве знаков, содержат не только дату, но и имя царя.

15

Поэтому мы еще с большей уверенностью считаем эти изображения именными знаками боспорского царя Инифимея.

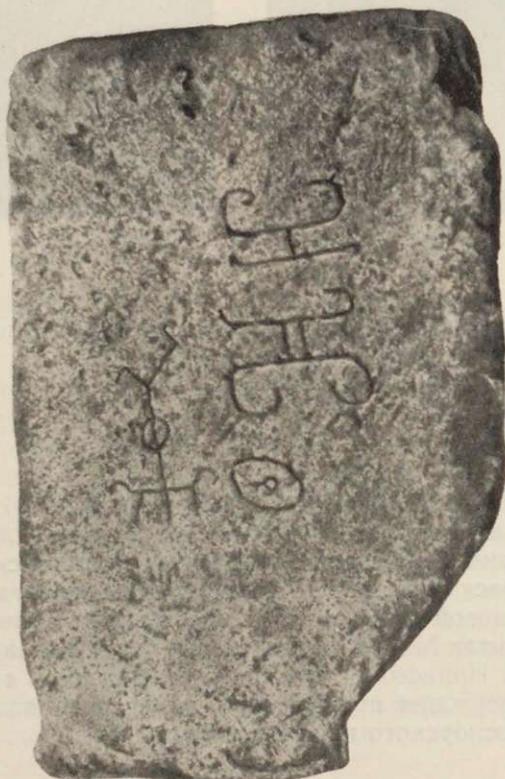
№ 16

Мраморная плита из Танаиса. Опубликовано А. И. Болтуновой по архивным материалам (Из черновиков В. В. Латышева, ВДИ, 1951, № 2). Хранилась до Великой Отечественной войны в Ростовском музее.

Плита была расколота на несколько кусков, но, судя по восстановлению А. И. Болтуновой (ук. соч., рис. 3), надпись и знак соответствуют высеченным на плитах № 14 и 15. На основе формы знака автор легко дополняет имя царя Инифимея, вполне согласующееся с текстом надписи. Это еще раз подтверждает правильность истолкования данного знака как именного знака боспорского царя Инифимея.

ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗ
 ΕΠΙΒΑΣΙΛΕΙ ΙΝΙΝΘΙΜΑΙΩ
 ΑΙΜΕΛΗΜΕΝΟΝ ΤΟΤΕΙΧΟCΑΝΟΙ
 ΚΟΙΔΟΜΗΘΗΚΕ ΕΜΕΛΙΝΕΤΤΙ
 ΧΟΦΑΡΝΩ (CΑΝΔΑΡΖΙΟΥ) ΤΡΙΝΑΡ
 ΧΟΝΤΑΤΑ ΝΑΕΙΤ ΩΝΚΑΙΝ
 ΒΛΟΒΩΡΩΔΟΣΥΜΟ Ζ ΑΡΘΟΥΚΑΙ
 ΑΓ

16

17

№ 17

Большая известняковая плита. Время и место находки неизвестны. Хранится в Керченском музее.

Размеры плиты: длина 124, ширина 82,5, толщина 15 см.

Правый край плиты сколот, вся она покрыта густой зеленью, мешающей обнаружить изображение. Издается впервые.

При тщательном рассмотрении удается установить, что на грубо обработанной поверхности слева изображен знак, аналогичный знакам на плитах № 7 и 8, справа — два знака, близких знакам Инифимея, но с дополнительными раздвоениями на концах. Знак с такими «усиками» мы обнаружили на одном бронзовом зеркале, изданном Шкорпилом (Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г., ИАК, в. 25, 1907, № 62, рис. 6) (см. № 102). Ниже имеется еще одно изображение, очертания которого вследствие плохой сохранности трудно точно установить.

№ 18

Верхняя часть известняковой плиты. Время и место находки неизвестны. Плиту украшают широкий карниз из дубовых листьев и три едва намеченных розетки. Внизу — два четко вырезанных знака. Издается впервые. Хранится в Керченском музее.

Размеры плиты: высота 93, ширина 67, толщина 20 см.

Очертания большого знака имеют прямые аналогии на плите № 23 и некоторых ювелирных изделиях (см. № 63, 65, 70)¹; второй знак ср. № 41, 49, 91.

№ 19

Известняковая плита. Найдена в Керчи и приобретена Керченским музеем в 1892 г. Хранится в лапидарии музея.

Издана Латышевым (МАР, 17, стр. 42, № 32; IosPE, IV, 283), затем Кизерицким и Ватцингером (ук. соч., стр. 112, № 631).

Размеры плиты: высота 80, ширина 64, толщина 19 см.

На плите было два рельефа.

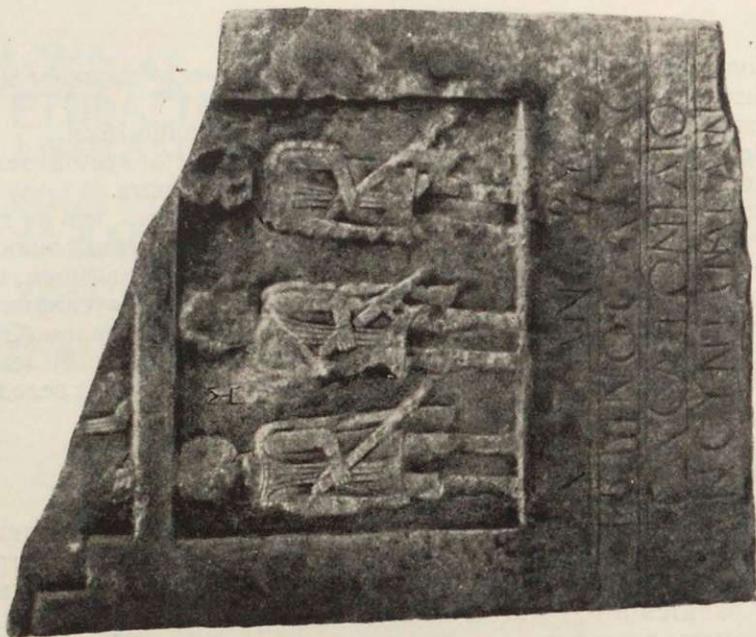
Верхний рельеф целиком отбит, в левом углу видны лишь остатки изображения лошади. Нижний рельеф сохранился почти полностью, но отбиты лица людей. На нем изображены трое вооруженных юношей в одинаковых позах. Под рельефом вырезана по линейкам греческая надгробная надпись.

Имя погребенного Ἀττας Τρύφωνος имеется на стеле № 35. По мнению Ю. Ю. Марти (новые эпиграфические памятники Боспора, ИГАИМК, в. 104,

¹ По сообщению П. О. Карышковского, в Одесском университете находится небольшой обломок мраморной плиты неизвестного происхождения с близким по форме знаком.

18

19

1935, стр. 70) оба надгробия принадлежат одному лицу, только одну стелу поставили родственники умершего, а другую — члены фиаса.

Между головами первого и второго юноши слабо вырезан знак, который Кизерицким и Ватцингером ошибочно назван готским, а у Латышева совсем не упоминается. Сходные очертания имеет один из знаков на ольвийском льве (см № 41).

Рельеф и надпись датируют памятник II—III вв. н. э.

№ 20

20

Известняковая плита. Найдена в 1933 г. Издана Ю. Ю. Марти (ВДИ, 1941, № 1, стр. 206 сл., № XVII). Хранится в лапидарии Керченского музея (инв. № Л-12).

Размеры плиты: высота 90, ширина 88, толщина 20 см.

В издании не указано, что плита использована вторично, ее обратная сторона представляет собой древнюю давилню для винограда, так называемый тарапан.

Плита грубо обработана, по обеим ее сторонам высечены две фигуры — мужчины и женщины в простых головных уборах. По характеру изображения, оригинальному и не имеющему аналогий в боспорских надгробиях, этот памятник следует приписать местному населению (по мнению издателя — сарматам).

На груди у мужчины вырезан знак, близкий по форме к сложным боспорским знакам.

№ 21

Антропоморфное надгробие из известняка. Куплено Керченским музеем в 1914 г. у Л. Димиденко, который сообщил, что оно найдено на Глинице в Керчи. Издано А. П. Ивановой (Боспорские антропоморфные надгробия, СА, XIII, 1950, стр. 245, рис. 8, 9). Хранится в дромосе Царского кургана в Керчи.

Размеры памятника: высота 112, ширина 57, толщина 18,5 см.

На нем симметрично расположен большой знак, вырезанный четкой и глубокой линией. Четыре небольших знака беспорядочно разбросаны по плите и выполнены небрежно другим резцом, тонкой неглубокой линией. Они не входят в общую композицию памятника и, видимо, нанесены позже основного знака¹.

На обратной стороне повторен основной большой знак. Таким образом, надгробие одновременно рассматривалось с обеих сторон.

Этот знак близок к аналогии на плитах № 30 и 44; верхний трехчленный знак близок к царским.

Антропоморфные надгробия имели широкое распространение в Северном Причерноморье; они встречаются в Крыму, Поднепровье и Добрудже². Иванова относит их к памятникам местного искусства и указывает, что они, «по-видимому, восходят к догреческим художественным традициям скифской и, может быть, киммерийской монументальной скульптуры» (ук. соч., стр. 246). Новые находки (в частности, у с. Ново-Филипповки) показали, что такие надгробия перекрывали древнейшие погребения III—II тысячелетия до н. э., т. е. связаны еще с древнейшей культурой, предшествовавшей киммерийцам³.

¹ Возможно, остальные знаки следует связывать с повторными погребениями.

² Ср. также Б. В. Луниин, К вопросу об антропоморфном характере каменных поделок Гнильковского и других южнодонских городищ, ЗСКОИЭ, кн. I, в. 3-4, 1928; А. П. Смирнов, Куйбышевская каменная баба, КСИИМК, в. XII, 1946, стр. 41, рис. 17.

³ См. А. И. Тереножкин, Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища, КСИА, в. 1, 1952, стр. 16; е го же, Курганы бронзового века на р. Молочной, КСИА, в. 2, 1953, стр. 88.

21

Данное надгробие А.П. Иванова датирует позднеримским временем (ук. соч., стр. 242). Хотя на этом памятнике несколько знаков, мы отнесли его условно к подгруппе памятников с единичными знаками, считая первичным один большой знак.

№ 22

Антропоморфное надгробие из известняка. Найдено Эрнстом в 1928 г. в валу скифского городища Кермен-Кыр (у совхоза «Красный»). Воспроизведено П. Н. Шульцем в сб. «История и археология древнего Крыма», К., 1957, стр. 86, рис. 14, а, г, и О. Д. Дашевской (КСИИМК, в. 70, 1957, стр. 116). Хранится в Крымском областном краеведческом музее (инв. № А-1160).

Камень обработан грубо, внизу имеется шип для укрепления в постаменте. В отличие от других антропоморфных надгробий, в том числе и изданных А. П. Ивановой¹ (о данной стеле она не упоминает), здесь сделана попытка наметить очертания лица и рельефно выделить нос. Это подтверждает правильность трактовки формы этих надгробий как схематического изображения человека².

Размеры памятника: высота 86, ширина 43, толщина 17 см.

Справа неглубокой линией вырезан знак; его верхняя часть нанесена четко, округлость же не доведена до конца, но вполне угадывается. Выбоина под знаком не дает возможности установить, имел ли он продолжение вниз. Основные очертания знака несколько напоминают большой знак на плите № 21 (без боковых вертикальных линий). Остальные линии проведены более тонко и, возможно, не относятся к самому знаку, а составляют как бы рамку, обрамляющую знак.

Особенно следует подчеркнуть, что этот памятник найден на скифском городище, существовавшем с III в. до н. э. по III в. н. э., т. е. одновременно с центром скифского государства — Неаполем скифским.

22

№ 23

Плита со знаками. Найдена в 1904 г. в с. Заздрость, Струговского района, Тернопольской области (см. W. Antoniewicz, *Zelazne oszczepu inkrustowane z Kamienicy*, PA, t. I, zosz 3-4, Poznań, 1920, стр. 105, рис. 10; L. Kozłowski, *Zarys Pradziejów Polski Południowo-wschodniej*, w.w, 1939, стр. 100, табл. XXVII, 33).

¹ См. А. П. Иванова, ук. соч., № 22.

² Ср. также находку из Ольвии, которую В. И. Гошкевич определяет как старую грубой работы (Летопись Херсонского городского музея древностей за 1912 г., в. 4, 1914, стр. 12, рис. 7). Аналогии показывают, что это — антропоморфное надгробие, причем также с попыткой наметить черты лица человека.

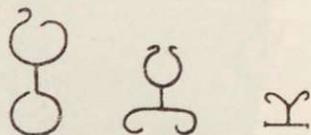
Плита несколько сужается кверху и имеет плечики, приближаясь к форме антропоморфных надгробий.

Размеры памятника: высота 5,5, ширина верхней части 1, нижней — 1,21 м

Верхняя часть камня, на которой вырезаны два знака, хорошо обработана. Третий знак помещен на боковой стороне. Их высота: 40, 24,5 и 6,5 см.

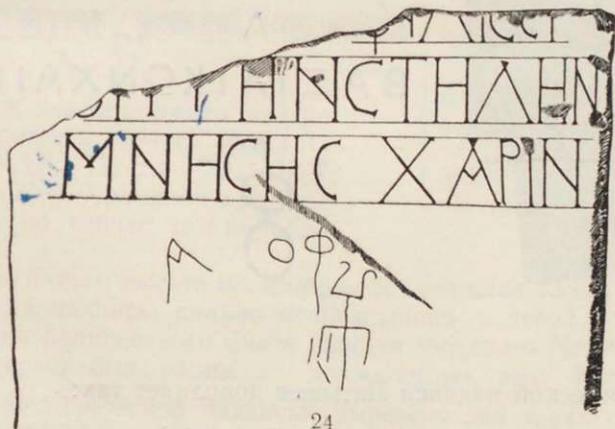
Эти знаки имеют прямые аналогии в Северном Причерноморье, откуда и могли проникнуть на запад в первые века н. э. вместе с сарматскими и другими племенами. Поэтому трудно согласиться с мнением Л. Коз-

довского, относящего их к готским. Еще менее убедительна точка зрения Б. Януша (B. Janusz, *Zabytki przedhistoryczne Gal. wsch., Lwów, 1919, стр. 253*), который сопоставляет плиту из с. Завдрость с «каменными бабами» и принимает данные знаки за тюркские тамги.

23

№ 24

24

Известняковая плита. Найдена в 1902 г. на Карантинной набережной в Керчи. Издана Латышевым (*Эпиграфические находки 1901—1903 гг., ИАК, в. 10, 1904, стр. 36, № 28*). Хранится в дромосе Царского кургана в Керчи.

Размеры плиты: высота 77—109, ширина 54, толщина 16,5 см.

В верхней обломанной части плиты была греческая надпись, вырезанная по линейкам. Надпись начертана ясно, посвящена памяти Филостора и датирована Латышевым первыми веками н. э.

Под надписью небрежно вырезаны три буквы: А О Ф (сейчас из них ясно прослеживается только буква А) и знак. По поводу трех букв Латышев осторожно замечает, что если они обозначают год боспорской эры, то это αοφ' — 571 г. боспорской эры, т. е. 274 г. н. э.

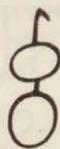
№ 25

Надгробие из известняка. Найдено в Керчи. Издано Латышевым (IosPE, IV, 359) и Кизерицким и Ватцингером (ук, соч., № 728). Латышев указывает, что памятник хранится в Керченском музее, однако нами он там не обнаружен.

Размеры: высота 110, ширина 42, толщина 17,5 см.

██████████ Α ██████████

ΒΑΣΙΛΙΚΩΝΧΑΙΡΕ

25

Остатки греческой надписи Латышев дополняет так:

. . . α . . . [ὁ ἐκ τῶν]
βασιλικῶν, χαίρε.

Вероятно, надгробие относилось к какому-то царскому магистрату. Под надписью помещен знак, почти тождественный одному из знаков

на плите из Керчи (см. № 51) и верхней части знаков на монетах Фофорса (см. № 153). Возможно, знак связан с упоминанием царского магистра-та. Кизерицкий и Ватцингер датируют памятник I в. н. э.

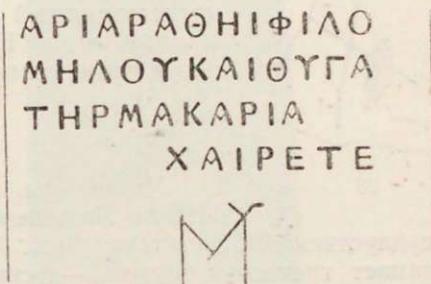
№ 26

Надгробие из известняка. Найдено в Керчи, издано Латышевым в IosPE, IV, 237. В индексе указано, что хранится в Керченском музее, но нами там не обнаружено.

Размеры плиты: высота 168, ширина 54, толщина 15,5 см.

Вверху помещена греческая надпись в честь Ариараты и Макарии, под ней — знак. Латышев датирует надпись первыми веками н. э.

Отсутствие фотографии или прориси знака не дает возможности составить точное представление об его очертаниях. Судя по изданной схематической зарисовке, здесь, возможно, вырезана греческая буква Γ с небольшим значком или украшением, соответствующая имени Макарии в надписи.

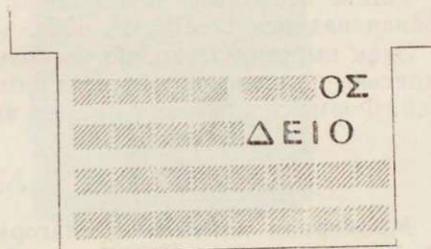
№ 27

Обломок известнякового надгробия, приобретен в 1894 г., издан Латышевым (МАР, 17, стр. 30, № 7; IosPE, IV, 208). Хранился в Керченском музее, но сейчас там не обнаружен.

Размеры плиты: высота 93, ширина 52, толщина 13 см.

Греческая надпись, сильно поврежденная с левой стороны, посвящена членами религиозного фиса памяти умершего Макария, сына Гермодена, который был одним из должностных лиц фиса — синагогом ($\sigma\upsilon\nu\alpha\gamma\omega\gamma\acute{o}\varsigma$). Под греческой надписью вырезано два знака: \times χ .

По характеру надписи памятник датируется II в. н. э.

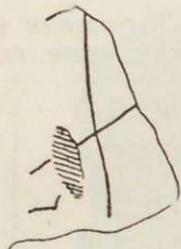
26

¹ См. Э. И. Соломоник, О двух загадочных знаках на стеле из Ольвии, КСИА, 6, К., 1956.

Известняковая плита. Найдена в 1903 г. в гробнице, по правую сторону Карантинного шоссе в Керчи; отдельно найден обломок той же плиты со знаком. Издана Латышевым (ИАК, в. 10, 1904, стр. 35 сл., № 27).

Сохранилась верхняя часть греческой надписи, сделанной членами фиаса.

Знак близок изображению на плите № 27, также представляющей собой надгробие члену фиаса; с царскими знаками Боспора сходства не имеет. Возможно, перед нами символ определенного фиаса.

28

№ 29

Мраморная плита. Найдена в Ольвии в 1873 г. Издана Латышевым в *IosPE*, I², 105. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Ол. 155). Большую часть плиты занимает греческая надпись—посвящение стратегов Аполлону Простату, под надписью—знак.

Размеры плиты: высота 153, ширина 49—54, толщина 19—23 см.

Плита использована вторично, на обратной стороне—стертая надгробная надпись *IosPE*, I², 179).

Знак вырезан четко, но несколько небрежно. Он помещен прямо под надписью, на сглаженной части камня, и, видимо, выполнен одновременно с ней. Форма знака имеет прямые аналогии на плитах № 56 и 61.

№ 30

Мраморная плита из Фанагории. Издана Латышевым в *IosPE*, II, 363. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Т. 1830. 1). Сохранность плиты средняя; многие буквы стерты, но знак повреждений не имеет.

Размеры плиты: высота 172, ширина 57, толщина 10—19 см.

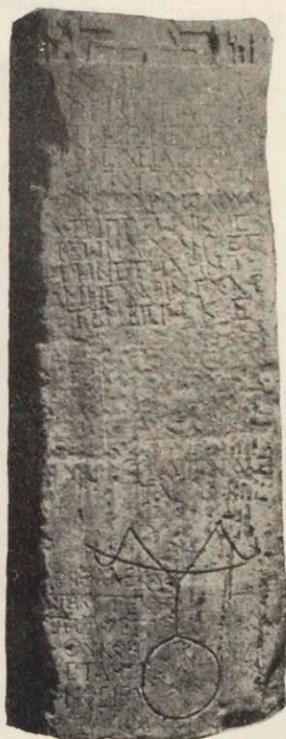
Плита была использована вторично. Ее верхнюю часть занимает большая греческая надпись 307 г. н. э. в честь б. наместника царской области и его сына, а в нижнем левом углу помещена христианская надгробная надпись византийского времени. Справа от нее вырезан большой знак, который у Латышева воспроизведен не совсем точно.

Знак расположен не в нижнем правом углу, как на рисунке у Латышева, а значительно ближе к середине, прямо под последними буквами верхней надписи. Нижняя надпись появилась, несомненно, позже знака. Например, последние буквы 5-й строки чрезмерно сближены, чтобы уместиться до знака, к которому они примыкают вплотную.

Обратим внимание на очертания самого знака. И в этот вопрос изучение подлинника позволяет внести некоторые уточнения. От вертикального стержня отходят не кривые, а прямые линии. Поперечная линия наверху

29

30

вырезана по сравнению с остальными значительно тоньше и имеет меньшую глубину. Кроме того, она нарушает симметричные формы знака, неодинаково пересекая его боковые линии. Создается общее впечатление, что эта линия не связана с основной формой знака.

Знак по своим очертаниям (без поперечной линии) имеет некоторые аналогии на следующих боспорских памятниках: антропоморфном надгробии № 21, плите № 44 и глиняных грузилах.

Таким образом, форма знака представляет собой новый вариант сочетания знакомых нам элементов сарматских знаков.

Общий вывод: знак относится к первой надписи и был, вероятно, нанесен одновременно с ней.

Известняковая плита из Анапы. Хранится в Одесском археологическом музее (инв. № 50041).¹

Размеры плиты: высота 130, ширина 79, толщина 20—25 см.

31

Верхняя часть плиты отбита; на ней, видимо, было рельефное изображение двух рядом стоящих фигур с ритонами в руках. Рельеф грубой местной работы. Нам кажется убедительным предположение П. Н. Шульца, что здесь изображена сцена побратимства².

Под изображением вырезано два двучленных знака. Для аналогии см. общую таблицу знаков, № 121—133.

¹ См. статью И. И. Козыренко в сб. «Материалы по археологии Северного Причерноморья», Одесса, 1957, стр. 93 и табл. I, 4.

² П. Н. Шульц, О скифской монументальной скульптуре, Архив ИИМК (Ленинград), 1933, № 1446, стр. 280 сл. Ср. изображение такой сцены на золотой рельефной бляхе из Куль-Обского кургана, И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности..., в. II, 1889, стр. 49, рис. 31; ДБК, табл. XXXII, 10.

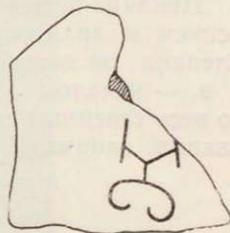
Обломок плиты с большим знаком. Найден на севере Молдавии, около с. Тетчаны, примерно в 1918 г. Издали Н. Морошан (N. M o r o ș a n, *Semn ieroglific dintr' un kurgan din Basarabia, Chisinau*, 1938, рис. 1) и М. А. Тиханова (История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 41 сл.).

Где сейчас находится этот памятник — неизвестно. Морошан сообщает, что камень оставался на месте и был использован крестьянами для магических целей: его считали исцеляющим от эпидемий.

На основе аналогий Морошан рассматривает его как надгробие первых веков н. э.

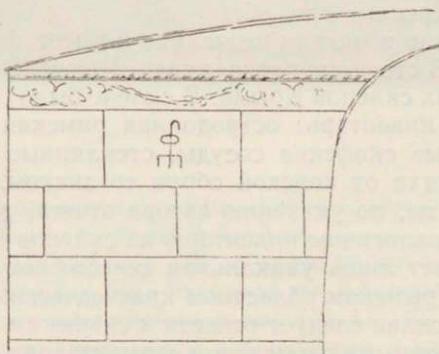
Тиханова датирует плиту антским временем, т. е. III—V вв. н. э., и указывает, что она была заложена в кромлех кургана (видимо, при вторичном использовании).

Вырезанный на плите знак полностью совпадает со знаками на нескольких памятниках Северного Причерноморья первых веков н. э. — плитах из Малой Козырки и Кривого Рога (№ 36 и 43) и бронзовом зеркале из Ольвии (№ 103)¹.

32

№ 33

33

На северном склоне горы Митридат в Керчи в 1867 г. был открыт склеп Алкима. Затем он был засыпан, и больше никто не мог найти его местоположение.

¹ В 1957 г., по сообщению В. Ф. Пешанова, каменная плита с аналогичным знаком была найдена в Запорожье в погребении первых веков н. э. (курган № 2) вместе с сосудом сарматского типа.

Направо от входа, на северной стене, в глине был вырезан знак. В другом месте склепа обнаружили греческую надпись (LosPE, II, 120).

Вид северной стены со знаком издан М. И. Ростовцевым (АДЖ, стр. 163 и табл. L,²) с черновых рисунков Гросса (из архива Керченского музея).

Некоторую аналогию этому знаку мы видим на монетах боспорского царя Фофорса (№ 156).

Никаких вещей в склепе Алкима найдено не было. На основе анализа росписи и архитектуры, путем сопоставления с другими керченскими склепами, он датирован Ростовцевым (АДЖ, стр. 166 сл.) концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. Эта датировка подкрепляется также тем, что весь северный склон горы Митридат, как уточнили позднейшие исследования, занимал некрополь Пантикапея первых веков н. э.¹

№ 34

Знаки на стене склепа у с. Красногорского (б. Нейзац), Зуйского района, Крымской области.

Краткое описание памятника дает Н. Л. Эрнст (Отчет об обследовании случайных и самовольных раскопок погребальных склепов у кол. Нейзац 13—15 июня 1927 г., Архив ИИМК в Ленинграде, ф. 2, оп. 1, № 146, лл. 9—10). Знаки воспроизводятся П. Н. Шульцем в сб. «История и археология древнего Крыма», стр. 86.

Склеп № 1 вырезан в мягком песчанике и имеет форму неправильного четырехугольника. В стене напротив входа высечена треугольная ниша, обычная для скифских склепов Крыма. В склепе было обнаружено 5 скелетов и следующий инвентарь: остродонная римская амфора, краснолаковые патеры, лепные скифские сосуды, стеклянные стаканы, железные мечи, серебряная бляха от конской сбруи со знаком, кости животных и т. д. Все эти предметы, по указанию автора отчета, датируются римским временем и вполне аналогичны инвентарю из склепов Неаполя скифского; исключение составляет лишь уникальная серебряная бляха (см. № 92). Вещи находятся в Крымском областном краеведческом музее.

Таким образом, склеп следует отнести к скифским памятникам первых веков н. э. с характерными элементами сарматизации в инвентаре; тем же временем, видимо, датируются и вырезанные на стене вправо от ниши знаки (рисунок задней стены склепа со знаками помещен в ук. отчете, л. 11; издаваемая нами фотография обнаружена в Крымском областном краеведческом музее).

¹ См. А. П. Иванов, Искусство античных городов Северного Причерноморья, 1953, стр. 150.

34

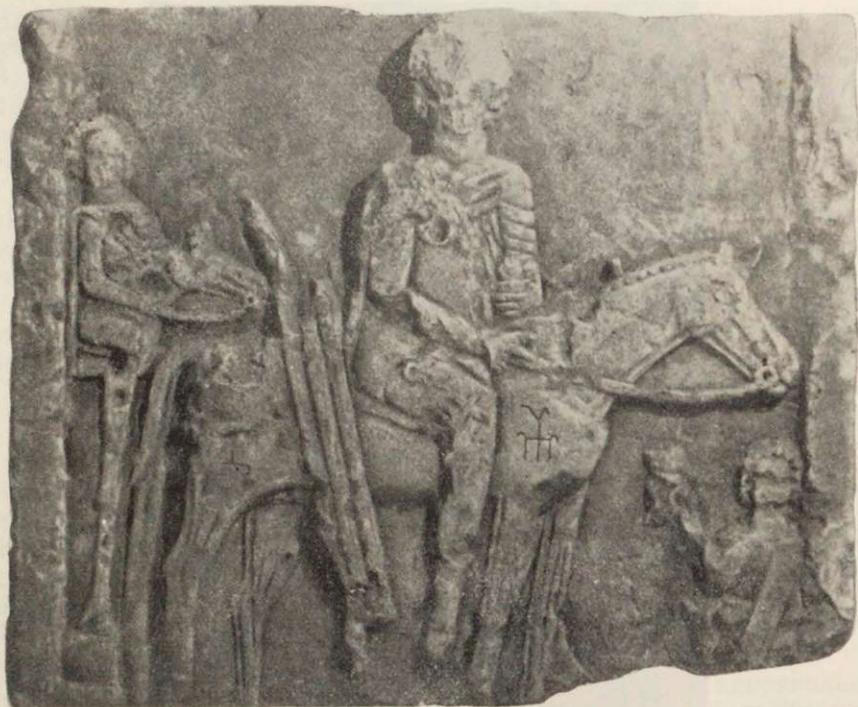
Два знака расположены один под другим, высота верхнего 35, нижнего 36, ширина их 2—4, глубина 1,5—3 см.

По своим очертаниям эти знаки находят очень близкие аналогии в пещерах Ак-Кая (№ 57 и 58), на плите из Кривого Рога (№ 43, над головой животного), на ольвийских львах (№ 41, 42).

Подобные якоревидные знаки встречаются и на кубанских глиняных плитках, где они также имеют вид желобков.

№ 35

Известняковая плита, найдена в 1929 г. по Феодосийскому шоссе, за хут. Васильевых. Издана Ю. Ю. Марти (ИГАИМК, в. 104, 1935, стр. 68 сл., рис. 7 и 7а).

35

Во время Великой Отечественной войны плита, видимо, была расколота на три части; две из них — с рельефным изображением всадников и надписью — мы обнаружили в фондах Керченского музея.

Размеры всей плиты: высота 154, ширина 53—54, толщина 19,5 см.

Рельеф содержит распространенное на боспорских надгробиях изображение двух всадников на конях, под ним — 11 строк греческой надписи, вырезанной по линейкам.

Плита поставлена членами религиозного фиаса в честь умершего сочлена Атты, сына Трифона.

Часть плиты с рельефом имеет размеры: высота 51, ширина 52, толщина 18 см.

На лопатке и бедре коня вырезаны знаки, причем знак на лопатке виден яснее, верхняя часть второго знака сейчас стерлась и не может быть восстановлена. Форма знака на лопатке очень близка трехчленным царским знакам Боспора (здесь отсутствует лишь средний элемент, как на № 48 и 76).

По характеру надписи и рельефа памятник датируется II в. н. э. Знаки на коне мы рассматриваем как тавро (см. выше)¹.

№ 36

Обломок известняковой плиты с рельефными изображениями. Камень найден на хут. Малая Козырка в 12 км на север от Ольвии. Хранится в Херсонском музее (инв. № 6517). Издан Б. В. Фармаковским (ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 101, рис. 146), В. И. Гошкевичем (Летопись...

35.

в. 4, стр. 11, рис. 6) и И. В. Фабрициус (Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, К., 1951, стр. 72, рис. 24).

Размеры обломка: ширина 70, высота около 55, толщина 14—16 см.

На плите изображены всадник на коне, стоящий около головы лошади человек, а снизу — три небольшие фигурки каких-то животных. Пе-

¹ Ср. Н. J ä n i c h e n, ук. соч., стр. 38, табл. 29 и 30 (знаки на конях).

ред нами, видимо, сцена охоты. Плита, несомненно, относится к произведениям местного творчества¹. С сюжет и характер рельефа сближают ее со скифскими памятниками искусства и позволяют датировать первыми веками н. э.² Эту датировку подтверждают предпринятые здесь в последние годы раскопки, открывшие местное городище, окруженное валом и ровом, площадью около 6 га³. В жилых комплексах и погребениях, видимо, носивших в основном позднескифский характер, встречается сарматский материал. Цветная штукатурка в одном из помещений по расцветке и расположению находит весьма близкие аналогии в Неаполе скифском (раскопки 1955—1956 гг.).

На бедре коня четко вырезан небольшой знак. Он имеет простые очертания, но в таком виде встречается нам впервые. Однако он полностью совпадает с нижней частью двучленного знака на плите из Кривого Рога (№ 43, верхняя грань) и на стене пещеры Ак-Кая № 1 (№ 57). Интересно отметить, что такой знак известен и среди лошадиных клейм Северного Кавказа⁴.

В качестве сравнительного материала к изображениям коней со знаками можно привлечь несколько антикапейских терракот из Эрмитажного собрания (инв. № П.1832.7, изданную в Древностях, табл. L XIV, 2; инв. № П.1913.5, изданную в ОАК за 1913—1915 гг., стр. 87, рис. 137, и в АА 1914, т. XXIX, стр. 206, рис. 2; инв. № П.1872.25 и др.).

На крупе коней, на месте, где ставился знак-тавро, имеются круглые шишечки непонятного назначения. Исходя из того, что на терракотах римского времени таким обобщающим образом часто изображали медальоны и другие детали, можно предположить, что эти шишечки на конях, быть может, заменяли сложный знак-тавро⁵. На терракоте № П.1913.5 такие шишечки имеются и на голове коня, где они явно заменяют изображение уздечного набора. Это подкрепляет и нашу гипотезу относительно аналогичного изображения тавра и, в свою очередь, несколько расширяет круг рассматриваемых памятников.

Следует отметить, что изображение нескольких зверей под конем на терракоте № П.1832.7 очень живо напоминает сцену охоты на плите из Малой Козырки. Видимо, в этих художественных изделиях была

¹ Ср. сб. «Античные города Северного Причерноморья», I, 1955, стр. 324.

² По мнению А. П. Ивановой (ук. соч., стр. 127), внизу изображены две собаки, нападающие на кабана, — сцена, удивительно близкая по сюжету росписи склепа № 9 Неаполя скифского.

³ Ф. М. Штителъман, Поселения античного периода на побережье Бугского лимана, МИА, № 50, 1956.

⁴ «Журнал охоты», 1877, № 1, т. VI, стр. 72 сл. Ср. Н. J ä n i c h e n, ук. соч., табл. 29, I.

⁵ Ср. также большую серебряную бляху с изображением быка с розеткой на боку, найденную в одном из курганов Кубанской области. См. Н. П. Кондаков, Мелкие древности Кубанской и Терской области, Труды III АС, т. I, 1878, стр. 141, атлас, табл. V, I.

использована композиция, имевшая широкое распространение в Северном Причерноморье.

При внимательном рассмотрении плиты из Малой Козырки в Херсонском музее летом 1955 г. мы обнаружили еще один знак, о котором не упоминал никто из издателей. Этот знак, расположенный в средней части плиты, под конем, сильно поврежден. Он вырезан более широкой линией, чем знак на коне, и имеет настолько большие размеры (ширина 11, высота 20 см), что почти целиком заполняет пространство между конем и нижней группой рельефов. Форма знака, несмотря на плохую сохранность, может быть легко восстановлена и уточнена по ряду аналогий (ср. № 32, 43, 103).

№ 37

Известняковая плита. Издана Латышевым в IosPE, II, 182¹, доп. на стр. 303, где указано, что камень был перевезен из Керчи в Москву, но нами там не обнаружен.

Размеры плиты: высота 125, ширина 62, толщина 22 см.

Надгробная греческая надпись датируется 343—353 гг. н. э.

Под шестой строкой в плите пробито большое отверстие, испортившее нижнюю часть надписи. На боковой стороне плиты грубо вырезана голова быка, а под ней — знак следующей формы:

Отверстие в плите свидетельствует об ее вторичном использовании. Возможно, к этому времени относятся также изображение и знак, которые не имели отношения к греческому надгробию.

В Архиве ИИМК в Ленинграде (Р № 1889.39) мы обнаружили лишь эстампаж лицевой стороны плиты с надписью, выполненный Орешниковым для Латышева.

Сочетание знака с изображением головы быка и его простые очертания позволяют предполагать (хотя и с меньшей уверенностью, чем в рассмотренных выше памятниках), что это был знак собственности — тавро.

№ 38

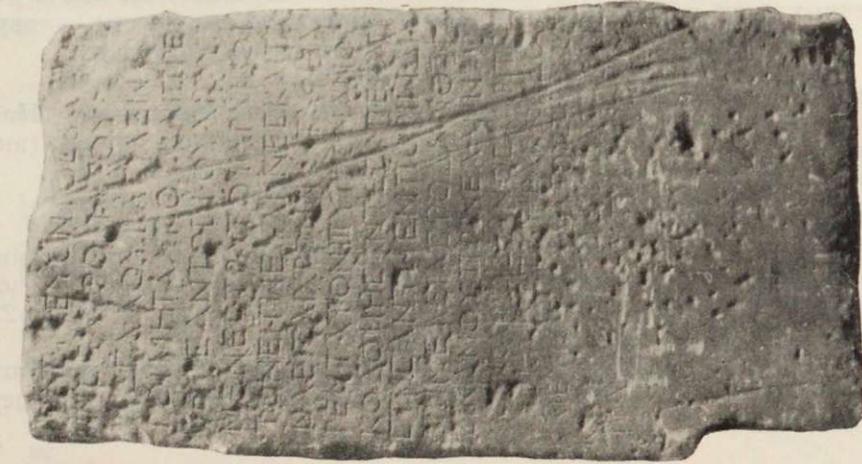
Плита из белого рыхлого камня (песчаника или известняка). Найдена в 1836 г. Хранится в Одесском археологическом музее (инв. № 50513).

Размеры плиты: высота 100, ширина 55, толщина 23 см.

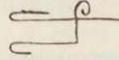
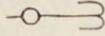
Издана Латышевым в IosPE, II, 428.

Всю плиту занимает большая греческая надпись о восстановлении башни в Танаисе при царе Савромате II в 192 г. н. э. На правой боковой стороне плиты вырезано два больших знака. Высота верхнего из них 23, ширина 8, высота нижнего знака 20, ширина 11 см.

Знаки вырезаны четко, но частично повреждены из-за осыпания камня. Латышев воспроизводит их неточно (рис. 38а). Верхняя часть пер-

ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ
ΕΓΑΛΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ
ΙΟΙΜΗΤΑ ΚΟΚΚΑΙ ΠΡΕΣ
ΒΕΥΣ ΑΝΤΟΚΙΟΥ ΙΟΥ
ΜΕΝΕΣΤΡΑΤΟΥ ΑΡΧΙΚΟΙ
ΤΟ ΝΕΙΤΩ ΕΛΛΗΝΕΣ ΚΑΙ ΤΑ
ΝΑΕΙΤΑΙ ΧΡΟΝΩ ΚΑΤΑ ΦΘΑ
ΓΕΝΤΑ ΤΟΝ ΠΥΡΓΟΝ ΑΝΟΙ
ΚΟΔΟΜΗΣ ΑΝΤΕΣ ΑΠΕΚΑΤΕ
ΕΤΗΣ ΑΝΤΩ ΕΜΠΟΡΙΩ ΔΙΑ
ΕΠΙΜΕΛΕΙΑΣ ΡΟΔΩΝΟΣ ΦΑ
ΖΙΝΛΑΜΟΥ ΠΡΙΝΕΛΛΗΝΑΡ
ΧΟ ΚΑΙ ΡΟΔΩΝΟΣ ΧΑΡΙΤΩ
ΝΟΣ ΚΑΙ ΑΓΓΤΑ ΗΡΑΚΛΕΙΔΟΥ
ΚΑΙ ΕΥΘΕΣ ΔΑΔΑΤΟΥ ΖΗΝΩΝ
ΚΑΙ ΜΥΝΟΣΟΥ ΑΡΑΚΛΙ
ΠΑΝ ΚΟΥ ΠΑΝΝΥΧΟΥ

ΕΝΤΙ ΟΤΥ
ΛΩΣΥ Α

вого знака уходит в обрез, но, судя по сохранившимся остаткам, она, видимо, была симметрична нижней, напоминая как бы двойной якорь. Очертания второго знака восстановить труднее. Он также частично уходит в обрез. Поперечная линия, возможно, имела форму . Неизвестно, относится ли к знаку вертикальная линия внизу.

На концах знаков имеются утолщения, как на многих греческих надписях эллинистического и римского времени.

Нижний знак имеет аналогию на плите из Керчи (№ 47, нижний правый угол) и в Неаполе скифском (№ 53), верхний близок знакам на ряде памятников (см. общую таблицу знаков № 109—113)¹.

В рассмотренных выше надписях (№ 11 и 12), относящихся также ко времени Савромата II, имя царя не было названо, но на них был помещен большой царский знак.

Знаки на данной плите расположены отдельно от надписи и имеют другие очертания, а потому не могут быть отнесены к царским.

Наконец, следует отметить еще одну деталь. Рядом с нижним знаком неровной более тонкой линией вырезана буква *ρ*. Трудно сказать, связана ли она со знаками. Во всяком случае, она не соответствует форме этой буквы в надписи ().

В результате всего сказанного мы приходим к выводу, что знаки на боковой стороне плиты являются вторичными и не имеют непосредственного отношения к греческой надписи.

39

№ 39

Известняковая плита. Найдена в 1955 г. в с. Планерском (б. Коктебель) в кладке средневекового храма VIII—X вв. экспедицией б. Крымского филиала АН УССР. Находится там же.

¹ С этим знаком полностью совпадает одна кабардинская тамга. См. В. П. Пожиданов, Кабардино-черкесская тамга..., рис. 14а.

Плита, несомненно, была использована еще в античное время, а затем уже попала в фундамент средневекового храма. Один угол ее обломан.

Размеры плиты: длина 98, ширина 60, толщина 35 см.

Судя по форме камня с окончанием в виде двускатной крыши, он первоначально предназначался для надгробия. Затем плита была перевернута и вторично использована для нанесения большого знака. Грубо вырезанный знак имеет высоту около 23 и ширину 18 см.

Он представляет собой один из вариантов Н-образного знака. Аналогии имеются на плите из Анапы (№ 31), в пещерах Ак-Кая (№ 57 и 58) и на зеркале из Танаиса (№ 97).

№ 40

Известняковая плита. Найдена при раскопках Илурата в 1951 г., в юго-восточной части городища (участок первый), в переулке между зданиями, за стеной помещения Э. Плита обработана грубо и во многих местах выщерблена. Хранится в Керченском музее.

Размеры плиты: высота 41, ширина 60, толщина 20—25 см.

40

Знаки вырезаны неглубокой, порой теряющейся линией. В первом знаке можно различить основные элементы трехчленного боспорского знака. Верхняя часть знака очень напоминает изображение на боспорских монетах 8/9 г. н. э., относимых к Динамии. Второй знак встречается на кубанских плитках и на золотом нагубнике из могильника I—III вв. н. э., раскопанного у с. Заветного, Бахчисарайского района, в 1955 г. (Бахчисарайский музей, колл. № 5817).

Прямых данных для датировки плиты нет, но вместе со всем археологическим комплексом Илурата мы можем ее отнести ко II—III вв. н. э.

МНОЖЕСТВО БЕСПОРЯДОЧНО РАСПОЛОЖЕННЫХ ЗНАКОВ

№ 41, 42

Два больших мраморных льва из Ольвии. Хранятся в Государственном Эрмитаже (инв. № 17832 и 17833).

Длина первого из них 176, высота 68; длина второго — 168, высота 72 см.

Несмотря на некоторое различие в размерах, которое не бросается в глаза, они производят впечатление парных. По распространенному в древности обычаю львы, возможно, украшали вход в какое-нибудь богатое здание.

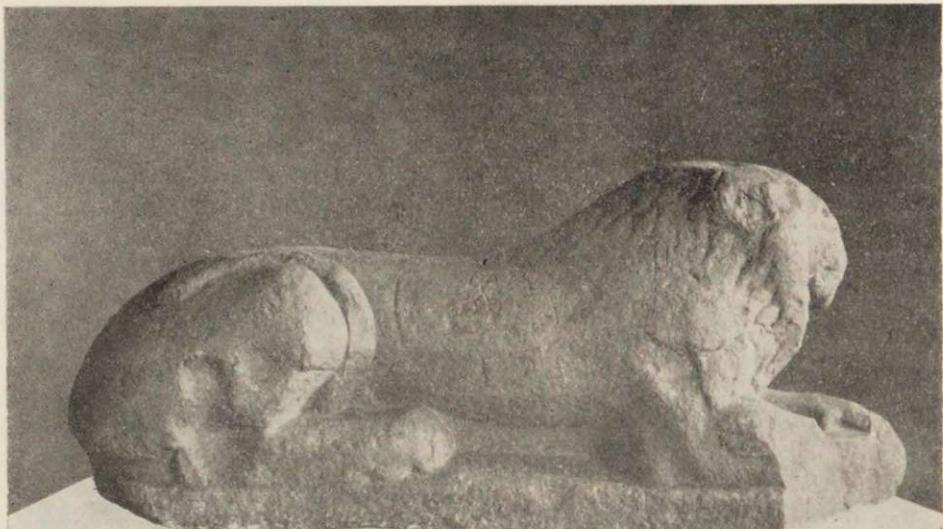
Эти интереснейшие памятники, к сожалению, до сих пор не стали предметом глубокого и всестороннего исследования; нет даже точного их воспроизведения, не определены стилистические особенности и время их создания, не рассмотрены многочисленные знаки, покрывающие их поверхность. Все это затрудняет нашу задачу.

Даже сведения о месте и времени их находки весьма отрывочны и неточны.

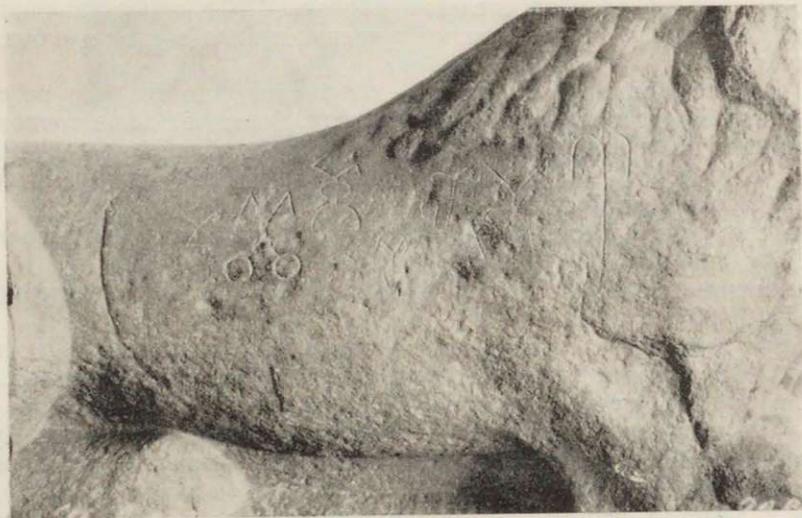
Львы впервые были изданы Н. Мурзакевичем (Ольвийские древности, ЗОО, т. III, 1853, стр. 247 и табл. VI).

Ф. Брун в донесении о поездке к устьям Буга и Днепра (ЗОО, т. V, 1863, стр. 993) попутно касается этих памятников. Он указывает, что львы были найдены при раскопках одного из ольвийских курганов (кем и когда — не уточнено) и перевезены в Анчекрак, в имение графа Кушелева. Затем они были отправлены в Петербург для украшения строившегося дома Кушелева.

Брун указывает, что он раньше снимал копию с этих львов, которая несколько отличается от изданного рисунка Мурзакевича. Мы не знаем,

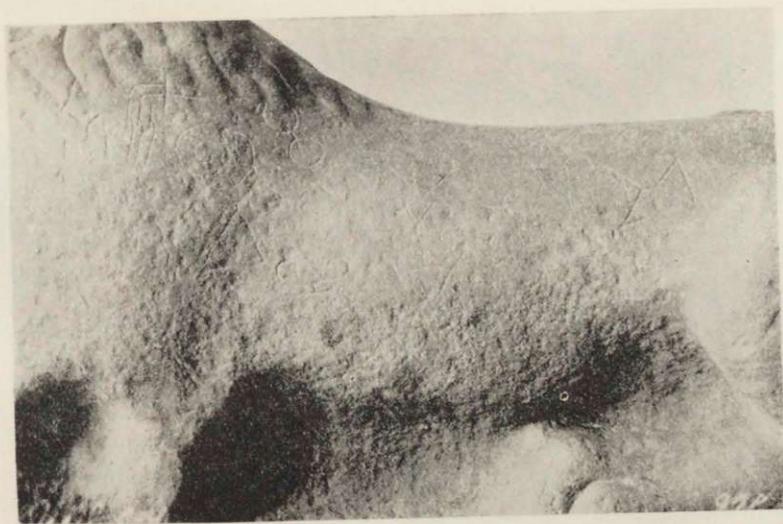
41

41 a

41 G

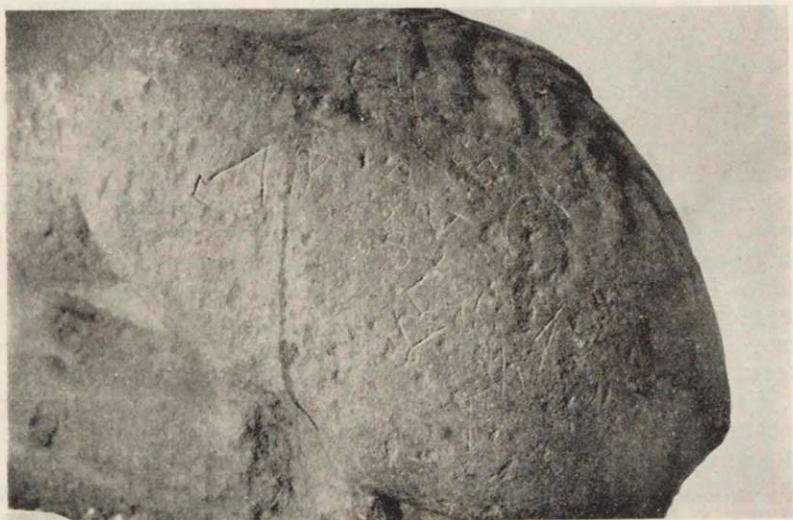
41 B

41 г

41 д

41 e

41 ж

какова была не увидевшая свет копия Бруна, но рисунок Мурзакевича весьма неточен.

В ОАК за 1872 г., табл. XVII, 19, помещено воспроизведение одной стороны льва в кратком пояснении (стр. 328) камень, из которого они изготовлены, ошибочно назван вместо мрамора известняком.

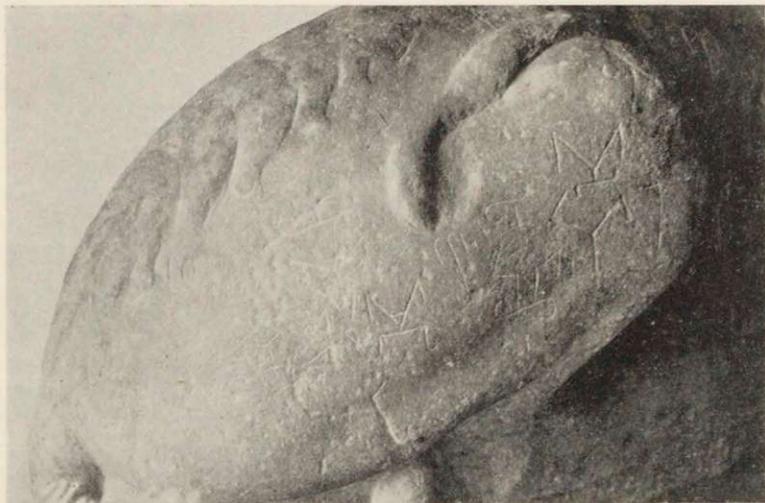
После Кушелева львы, видимо, перешли в собственность Кочубея, так как под 1876 г. они значатся в Эрмитаже как дар В. Кочубея.

В 1872 г. был открыт другой интересный памятник со знаками — склеп около Керчи (см. № 52). Сравнение знаков на стене склепа и на львах послужило поводом для статьи А. И. Савельева, опубликованной в журнале «Древняя и новая Россия», 1875, № 4, стр. 373 сл.

Савельев делает правильное наблюдение, что знаки из Ольвии и Керчи «имеют некоторое взаимное сходство между собою» (ук. соч., стр. 374), и высказывает предположение об их принадлежности одному и тому же народу. Но вопрос, какой это народ и когда он существовал, разрешить оказалось значительно труднее. Недостаток материала и неумение путем всестороннего исследования памятников, не изолируя искусственно знаки, определить время их существования привели автора к грубой ошибке. Он пришел к необоснованному выводу, что эти знаки относятся к тем

42 а

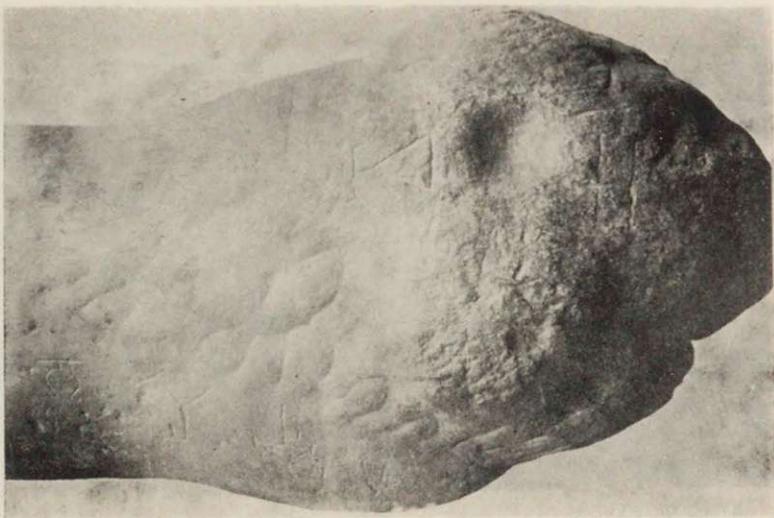
42 6

42 B

42 г

42 д

42 e

42 ж

временам, когда юг России был во власти татар, и являются тамгами тюркских и монгольских племен (ук. соч., стр. 375).

Переходя к рассмотрению знаков на ольвийских львах, следует прежде всего сказать, что мы не можем назвать другого памятника Северного Причерноморья с таким обилием знаков. Уже в этом его исключительные значение и ценность.

Не вызывает сомнения тот факт, что знаки на львах являются результатом их вторичного использования. Здесь использована для знаков большая поверхность старого памятника, как мы это увидим и на некоторых боспорских надгробиях (ср. № 44 и 45). Это особенно наглядно подтверждается тем, что многие знаки нанесены на отбитых местах камня.

Кроме сколов, на львах имеются специально высеженные и сильно сглаженные чашеобразные углубления. Два таких углубления расположены на головах львов, остальные — на боковых сторонах. Скорее всего, они могли служить в качестве небольших своеобразных жертвенников для возлияния¹.

Все это позволяет думать о сравнительно большом промежутке времени между изготовлением скульптур и нанесением на них знаков. Сильная порча памятников, вероятнее всего, могла быть связана с одним из многочисленных нападений на Ольвию и разрушением ее архитектурных и скульптурных сооружений.

Затем заброшенные памятники были приспособлены для какой-то цели, для чего на них высекли ряд углублений. На головах львов знаки расположены вокруг углублений². Поэтому мы считаем, что они связаны между собой.

Ответить на вопрос, когда были созданы львы, сейчас не представляется возможным. Найдены они случайно, поэтому не могут быть датированы на основе археологического комплекса. Остается один путь — стилистический анализ памятника и привлечение аналогий из различных областей античного мира. Эта задача, несомненно, должна привлечь внимание специалистов, изучающих искусство Северного Причерноморья. Предварительные заключения очень разноречивы: одни исследователи относят львов к архаической эпохе, другие датируют их первыми веками н. э., усматривая в стиле черты сильной архаизации².

Таким образом, даже приблизительно датировать знаки, исходя из памятника, мы не можем.

¹ М. Я. Рудинский (КСИА, в. 1, 1952, стр. 29) дает аналогичное толкование чашеобразных углублений на одном отполированном камне из Каменной Могилы.

² Последней датировки придерживаются и авторы краткого очерка скульптуры Северного Причерноморья—М. И. Максимова и М. А. Наливкина, см. сб. «Античные города Северного Причерноморья», 1, 1955, стр. 305.

С уверенностью можно сказать, что знаки эти нанесены не одновременно и разными лицами. Одни из них высечены четкой глубокой линией и имеют хорошо размеренные гармоничные очертания, другие нанесены весьма неопытной рукой тонкими линиями; кроме того, о одновременности их нанесения свидетельствует и тот хорошо прослеживаемый факт, что одни знаки пересекают другие, причем, как правило, поверх тонких знаков нанесены знаки с более глубоко врезанными линиями. Поэтому мы вправе отнести последние к несколько более позднему времени. Среди четких знаков встречается больше сложных и криволинейных форм, включая трехчленные знаки, столь характерные для Боспора.

Проследить определенную систему расположения знаков не удастся; в основном они беспорядочно разбросаны по поверхности. Некоторое исключение составляет размещение группы знаков вокруг углублений на головах львов (о чем говорилось выше) и вдоль хребта одного из львов, причем, судя по формам знаков, навстречу друг другу.

Рассмотрение форм знаков не оставляет сомнения, что они принадлежат к группе сарматских, а следовательно, датируются первыми веками н. э. Поражает разнообразие форм; часто встречаются и различные варианты знаков. Почти нет таких форм знаков, которые не встречались бы в тех или иных вариантах, на других памятниках.

В заключение мы приходим к выводу, что знаки на львах, связанные, по нашему мнению, с высеченными на них жертвенниками для возлияний, также имели религиозно-культовое значение.

№ 43

Известняковая плита из Кривого Рога. Приобретена Одесским обществом истории и древностей в 1887 г. Издана В. Юргевичем (Камень с загадочными знаками..., ЗОО, т. XV, 1889). Хранится в Одесском археологическом музее (инв. № 50750).

Размеры плиты: высота 120, ширина 78, толщина 15—18 см.

Плита имеет неправильную форму и грубо обработанную поверхность. Нижняя сужающаяся часть камня, на которой нет знаков, отличается также по цвету и состоянию камня. По-видимому, она заменяла шип и была врыта в землю. О том, что плита находилась в стоячем положении, свидетельствует также ряд знаков по ее верхнему краю.

В середине плиты наиболее отчетливо вырезана голова животного, вероятнее всего, лошади. Сначала изображение такой же головы было, видимо, начато несколько ниже и в другом направлении, но потом оставлено резчиком; от него осталась лишь нижняя часть морды животного.

Всю остальную поверхность плиты занимают бессистемно разбросанные знаки, которые помещены даже внутри головы.

Знаки имеют много аналогий на других памятниках Причерноморья, Юргевич же сравнивал их главным образом с кавказскими тамгами. Интересно отметить, что верхний левый знак нанесен на небольшой специально выбитой ровной площадке, которая ясно отграничивает его от соседнего знака. Обращает на себя внимание также один знак справа от головы с двойными стрелками на концах.

Наиболее четко и глубоко вырезано несколько знаков на верхнем неровном крае камня, причем два из них совпадают со знаками из пещеры Ак-Кая № 1.

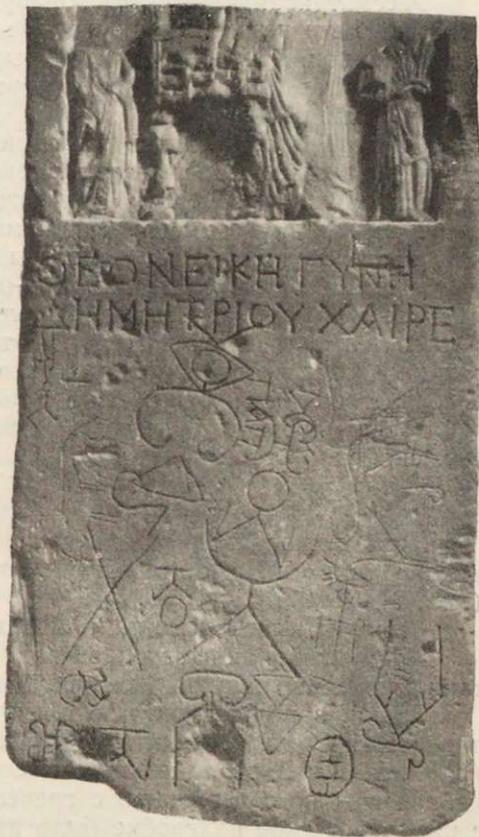
Изображение животного в центре плиты, множество знаков, нанесенных разными резцами, и двойные стрелки позволяют предположительно рассматривать эти знаки как культовые или тавро, которые высекали владельцы отдельных табунов¹.

№ 44

Известняковая плита, отбитая сверху. Найдена в Керчи. Издана Латышевым (IosPE, II, 232) и Кизерицким и Ватцингером (ук. соч., стр. 34, № 192). Хранится в ГИМ (инв. № 78607).

Размеры плиты: высота 131. ширина 59, толщина 21 см.

В верхней части стелы находятся рельеф (лица на рельефе сбиты) и греческая надгробная надпись, посвященная Теонике. Вся остальную часть плиты занимают беспорядочно разбросанные в разных направлениях знаки, часто пересекающие друг друга. Они имеют аналогии на львах и плитах № 30 и 43.

44

¹ См. нашу статью о таврении скота в Северном Причерноморье в сб. «История и археология древнего Крыма», К., 1957.

Надпись датируется примерно I в. н. э. Знаки нанесены позже, при вторичном использовании плиты. Это подтверждается тем, что часть знаков перерезает греческую надпись.

У Кизерицкого и Ватцингера знаки на этой и следующей плитах ошибочно названы готскими.

Рассматривая плиту, мы обнаружили еще ряд изображений и букв, которые были незаметны на изданных фотографиях. Вдоль правого края плиты тонкой, но четкой линией вырезано изображение лошади. Параллельно ему слева угадываются очертания другого животного, возможно, также лошади¹.

Около большого знака в верхней части плиты, перерезающего греческую надпись, и перпендикулярно к ней можно ясно различить три греческие буквы ΠΑΠ. Они отличаются от основной надписи и, вероятно: всего, связаны со знаками. Нижними концами буквы упираются в большой знак, следовательно, нанесены после него. С другой стороны, они почти сливаются с ближайшим Н-образным знаком справа и, судя по характеру и глубине резьбы, выполнены одним резцом.

Сочетание греческих букв, повторяющихся сложных знаков и изображений животных наводит на мысль о вторичном использовании данного надгробия для религиозно-культовых целей. В таком случае буквы ΠΑΠ могли обозначать не обычное имя², а начало имени одного из главных скифских богов — Папая³.

№ 45

Известняковая плита из Керчи. Издана Латышевым (IosPE, II, 219) и Кизерицким и Ватцингером (ук. соч., стр. 40, № 232). Хранится в ГИМ (инв. № 78607).

Размеры плиты: высота 193, ширина 56, толщина 19 см.

Под рельефом и надгробной надписью Ареты первых веков н. э. вырезано множество знаков, беспорядочно разбросанных по плите.

Знаки, заполняющие всю плиту, помещены даже на шипе, предназначавшемся для вставки в постамент. Этот факт, наряду с характером исполнения знаков по сравнению с надписью, говорит о том, что знаки не связаны по содержанию с греческим надгробием и не одновременны с ним. Греческое надгробие было вторично использовано для нанесения знаков. Судя по расположению почти всех знаков, плита, вероятно, была перевернута шипом вверх.

¹ Фигуры лошадей с суживающимся туловищем и чрезмерно длинным хвостом напоминают изображения на росписях некоторых боспорских склепов. Ср. склеп Анфестерия I в. н. э., В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 402.

² IosPE, IV, 380; ИАК, в. I, стр. 91.

³ Негод., IV, 59. Ср. Е. М. Штаерман, ук. соч., стр. 114—о толковании причерноморских граффити с буквами ΠΑ.

Знаки выполнены различными резцами. Выделяется по величине и глубине резьбы сложный знак, имеющий аналогию на плите № 44. Справа от него (если смотреть на плиту в перевернутом виде) — Н-образный знак, как на плите № 17. Ниже размещены три одинаковых трехчленных знака с окружностью в средней части, выполненные весьма небрежно. Затем два двухчленных знака — один с окружностью (ср. № 10), другой с большим треугольником. Интересно, что их нижняя часть сделана «скорописью», как бы без отрыва руки, благодаря чему боковые ушки превратились в замкнутые окружности.

Попытка разделить плиту на две части была предпринята уже после нанесения на нее знаков.

№ 46

Известняковая плита, разбитая на три части. Найдена в Керчи на горе Митридат в 1933 г. Издана в ВДИ, 1941, № 1, стр. 207, № XVIII.

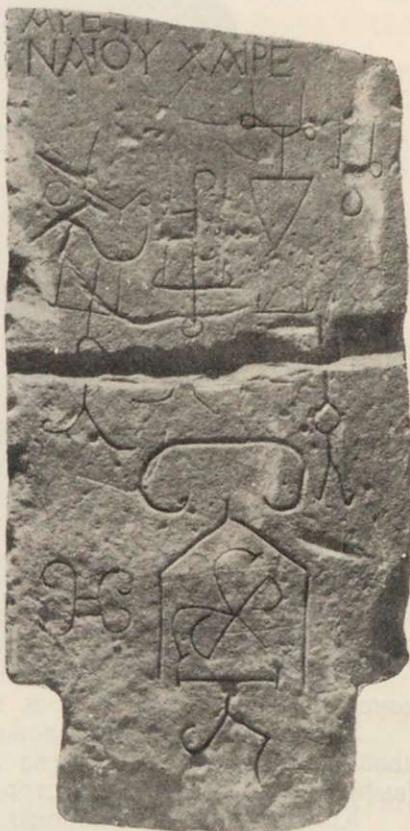
Во время Великой Отечественной войны плита была повреждена, а ее нижний кусок утерян. Сейчас в лапидарии Керченского музея хранятся верхняя и средняя части плиты.

Общие размеры ее: высота 147, ширина 50—51, толщина 13 см.

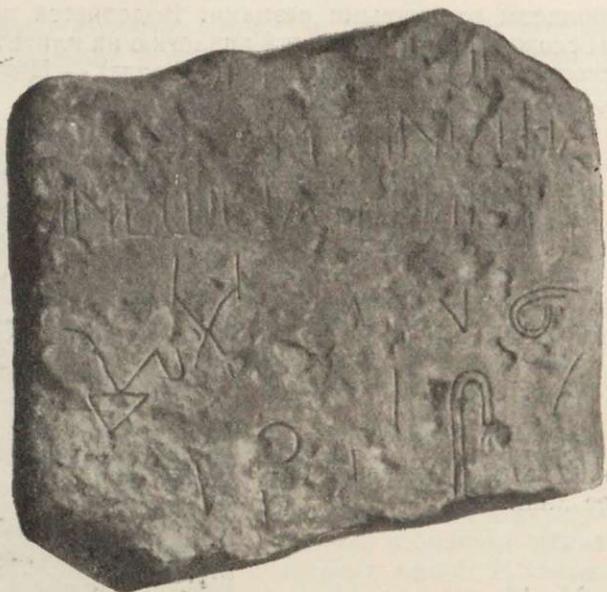
Под карнизом находилась девятистрочная греческая надпись, вырезанная по слабо проведенным линейкам; ниже — несколько знаков.

Средняя часть плиты сильно повреждена, кусок камня снизу в форме треугольника отбит, поэтому теперь отсутствует нижняя половина большого знака, выполненного двойной линией.

На верхней части плиты надпись сохранилась значительно лучше. Буквы имеют удлиненную форму, строки тесно примыкают друг к другу, за исключением последней, от которой почти ничего не сохранилось.

45

46

Надпись поставлена членами религиозного фиса в честь умершего сочлена Сосия.

По палеографическим данным и сарматским именам стела датирована концом II — началом III в. н. э.

Знаки свободно расположены под надписью, некоторые выполнены двойной линией. Два знака приходятся на уровень последней строки (вырезаны по обе стороны строки), остальные — под ними.

Кроме нескольких хорошо различных знаков, имеются остатки еще ряда знаков, формы которых установить не удастся.

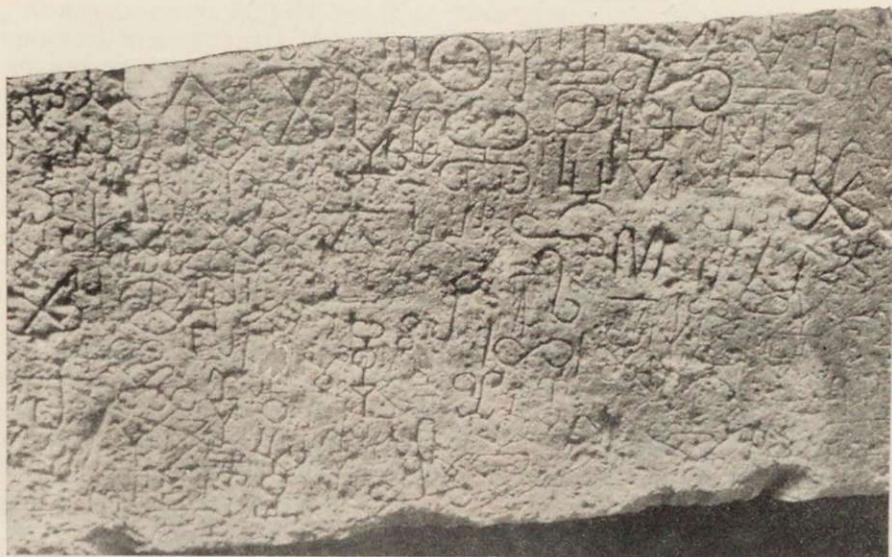
Верхний знак имеет близкую аналогию на ольвийской плите № 29, трехчленный знак под ним (ближе к краю) встречается на многих памятниках (см. общую таблицу знаков, № 23 сл.). Следует отметить, что нижняя часть этого знака сейчас не сохранилась, и мы судим о ней по изданной фотографии.

Знак в конце последней строки греческого текста совпадает со знаком на плите из Кривого Рога (№ 43, под головой), причем он также подчеркнут внизу прямой линией.

Известняковая плита из Керчи. Хранится в дромосе Царского кургана.

Размеры плиты: высота 161, ширина 92, толщина около 25 см.

Судя по размерам и описанию камня, он упоминается в ОАК за 1891 г.,

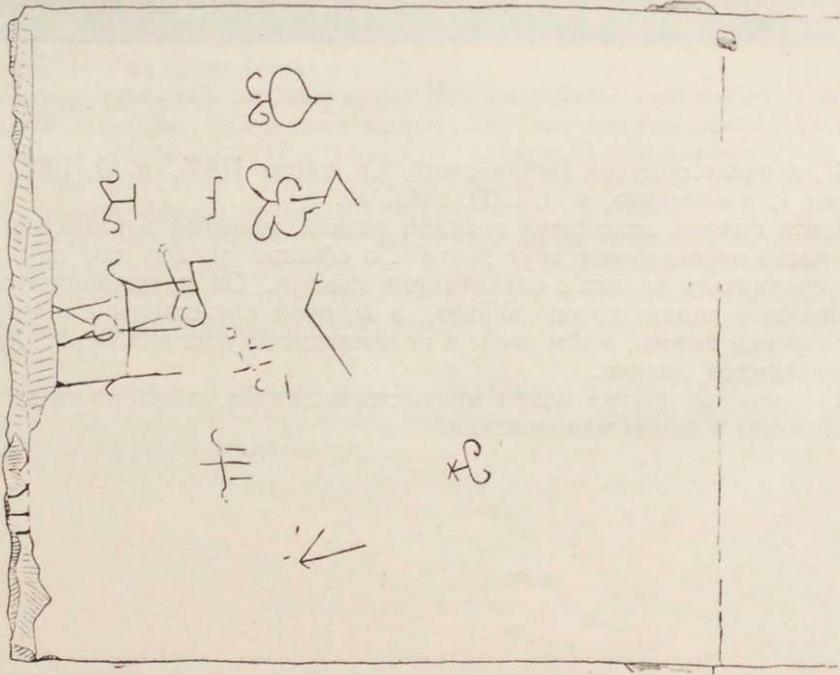
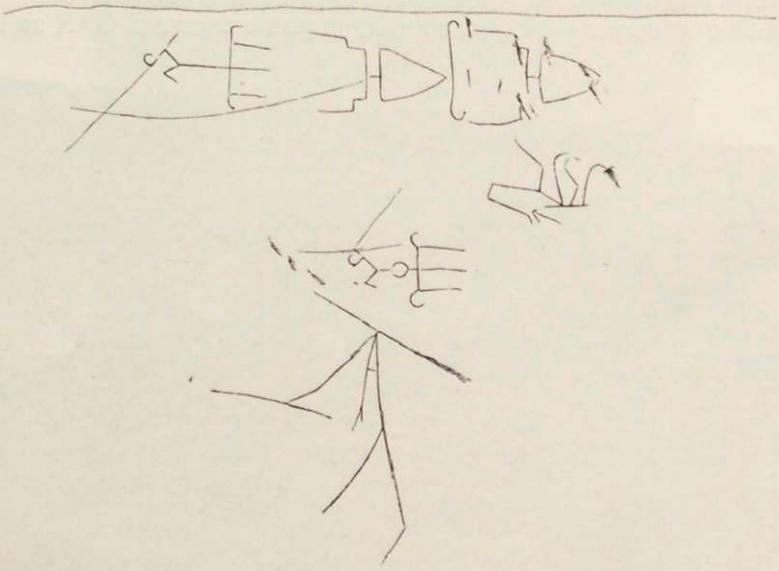
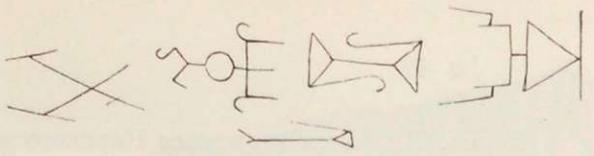

47

стр. 57, в числе покупок Бобринского. Ср. также ИАК, в. 9, 1904, стр. 69, прим. 1, и «Mappus», т. 1, 1909, табл. 19.

Плита сплошь испещрена знаками разной толщины и размеров, которые часто перекрывают друг друга. По обилию знаков этот памятник может сравниться только с ольвийскими львами. Он представляет собой своеобразную энциклопедию знаков, в которой представлены почти все известные нам формы, в том числе и не имеющие других аналогий. Много повторяющихся знаков.

В отличие от других плит с множеством знаков, здесь почти все они расположены в одном направлении.

486

48a

Известняковая плита. Время и место находки установить не удалось. Хранится в Керченском музее. Насколько нам известно, издается впервые.

Размеры плиты: высота 114, ширина 65, толщина 20 см.

Верхняя часть камня отбита; видны лишь кончики нескольких греческих букв и следы линейки, по которой была вырезана надпись.

Конечно, столь незначительные остатки надписи не дают возможности ее прочесть и датировать; по ним лишь можно установить наличие апексов на концах букв и лунообразную форму одной из букв (С или Є). Эти признаки начинают появляться в последние века до н. э. и продолжают существовать в первые века н. э.

Передняя, задняя и даже боковая стороны плиты покрыты беспорядочно разбросанными знаками. Интересно, что несколько раз повторяется трехчленный царский знак, встречающийся на многих памятниках Боспора (№ 7, 8, 17).

Некоторые изображения представляют собой рисунки (овощей или фруктов?). Сочетание знаков и рисунков встречается на ряде памятников (ср. № 43, 52 и др.). Несколько раз повторяю-

щийся знак имеет аналогию на керченской плите № 47.

№ 49

Фрагмент известняковой плиты. Сведений о месте и времени находки не имеется. Хранится в Керченском музее (Л-208). Издается впервые.

Плита отбита с трех сторон, ее поверхность хорошо обработана.

Размеры плиты: высота 41, ширина 25, толщина 16 см.

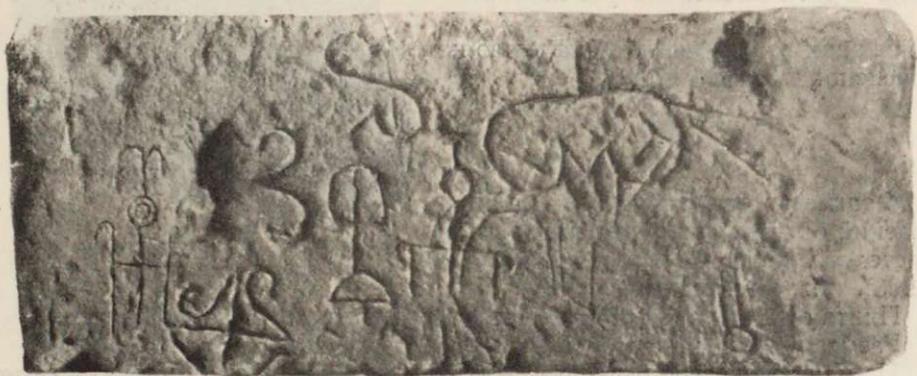
На плите нанесено несколько знаков, но почти все они уходят в обрез камня. Знаки вырезаны глубоко и четко и близки по форме знакам на плитах № 18 и 51. Ср. бронзовые изделия из могильника близ аула Зилги (МАК, в. 1, 1888, табл. XIX, 3) и метку на черепице из Херсонеса V—VI вв. н. э. (МИА, № 17, 1950, стр. 140, № 251).

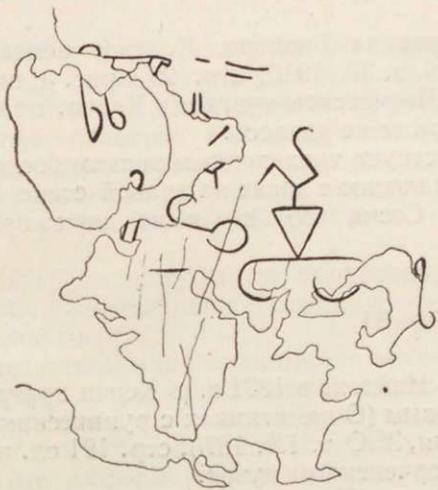
49

50

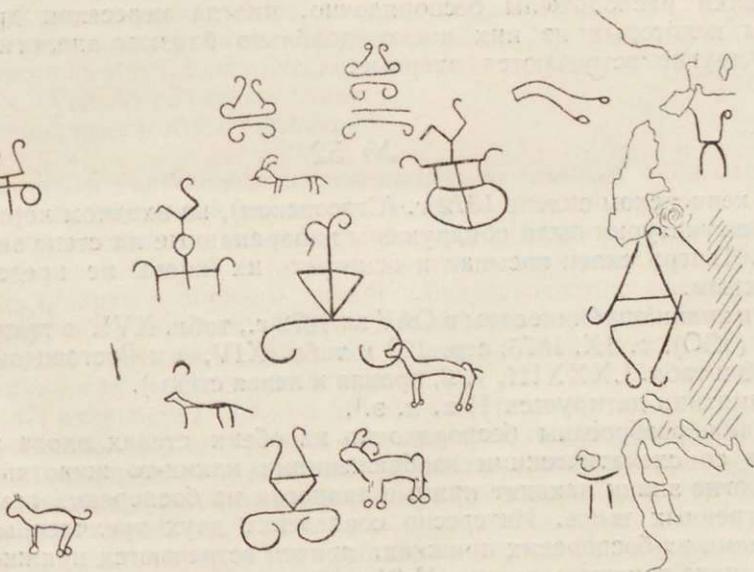
51

لاد

52

25
70

52a

№ 50

Известняковая плита. Найдена на Боспоре. Краткое описание ее и рисунок даны Шкорпилом в ИАК, в. 37, 1910, стр. 29 и рис. 3, где указано, что плита хранится в Мелек-Чесменском кургане в Керчи, но ни там, ни в других местах нам обнаружить ее не удалось.

Крайний левый знак соответствует трехчленным знакам боспорских царей, средний находит полную аналогию в знаке на правой стене склепа 1872 г. (№ 52), на надгробии Сосия (№ 46) и на двух пряжках (№ 84 и 86).

№ 51

Плита из мягкого известняка. Найдена в 1871 г. в Керчи при устройстве мостовой. Издана П. Бурачковым (О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России, ЗОО, т. IX, 1875, стр. 191 сл. и табл. XIV, а). Хранится в лапидарии Керченского музея.

Размеры плиты: высота 34, ширина 79, толщина 12 см.

Знаки расположены беспорядочно, иногда пересекая друг друга. Формы некоторых из них имеют довольно близкие аналогии на Боспоре, другие встречаются впервые.

№ 52

В керченском склепе 1872 г. (Стасовском), во входном коридоре, под слоем штукатурки были обнаружены нацарапанные на стене знаки и рисунки. Теперь склеп засыпан и осмотреть их вновь не представляется возможным.

Эти знаки опубликованы в ОАК за 1872 г., табл. XVI, а также Бурачковым (ЗОО), т. IX, 1875, стр. 192 и табл. XIV, в) и Ростовцевым (АДЖ, стр. 298 и табл. LXXXIII, 1, 2, правая и левая стены).

Памятник датируется II в. н. э.¹

Знаки разбросаны беспорядочно на обеих стенах входа и перемежаются со схематическими изображениями каких-то животных.

Многие знаки находят прямые аналогии на боспорских памятниках, рассмотренных выше. Интересно совпадение двух трехчленных знаков со знаками на боспорских пряжках, причем встречаются пряжки, где эти же два знака помещены вместе (№ 84 и 85).

¹ См. АДЖ, стр. 345; А. П. И в а н о в а, у к. соч., стр. 154.

В 1955 г. при раскопках Неаполя скифского на северном участке городища, к северо-западу от стен акрополя, был открыт дом с фресками. В 1956 г. при продолжении работ (руководитель А. Н. Карасев) на западной стене главного помещения обнаружили целую серию свободно размещенных рисунков и знаков, процарапанных каким-то острием по штукатурке.

Материал этот еще не обработан, и потому наше описание является предварительным.

Датировка здания вызывает некоторые трудности. Крыша дома, покрытая черепицей II в. н. э., рухнула в III в. н. э., о чем свидетельствуют реберчатые амфоры, найденные под черепицей. Однако, судя по характеру каменной кладки, здание было воздвигнуто значительно раньше. По-видимому, оно просуществовало несколько веков и, судя по размерам главного помещения, имело общественное назначение.

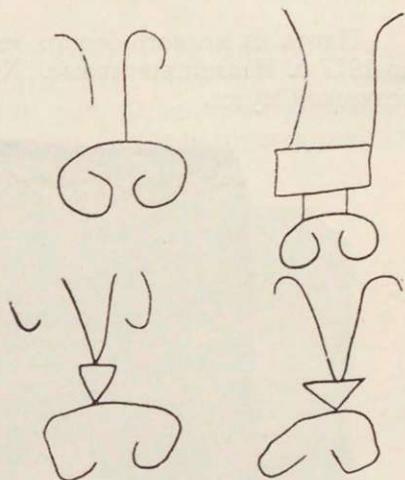
Штукатурка нанесена непосредственно по глине, в один слой. Рисунки носят примитивный характер, они очень близки по содержанию и стилю изображениям в некоторых склепах Неаполя скифского (ср. также коня на плите № 44). Здесь имеются изображения различных животных (главным образом коней), фантастических зверей, фигур людей (чаще вооруженных), змей и крытой повозки на колесах.

Сочетание рисунков со знаками и формы последних находят ближайшие аналогии в Стасовском склепе (№ 52). Ср. также знаки на плите № 47, ольвийских львах и других памятниках.

Все это позволяет датировать рисунки временем не раньше II в. н. э., хотя это и не определяет времени постройки самого дома.

Кроме знаков, процарапано несколько греческих букв (ср. знаки и буквы на плите № 44).

Новая находка¹, наряду с материалами из Кермен-Кыра и склепа около

53

¹ В 1957 г. в Неаполе при расчистке зольника, заполненного материалом I—III вв. н. э., был найден еще один памятник со знаком, процарапанным на поддоне каменной чаши.

Красногорского, свидетельствует о значительной сарматизации поздних скифов. О том же говорят раскопки восточного участка некрополя Неаполя скифского, где встречаются погребения в колодах, маленькие зеркала с петлеобразной ручкой и рельефными знаками и другой инвентарь.

№ 54

Плита из мягкого белого известняка. Найдена в Кубанской области до 1917 г. Издается впервые. Хранится в Краснодарском историко-краеведческом музее.

54

Плита имеет почти квадратную форму, один угол отбит. Общие размеры плиты: высота 39, ширина 41,5, толщина 19 см.

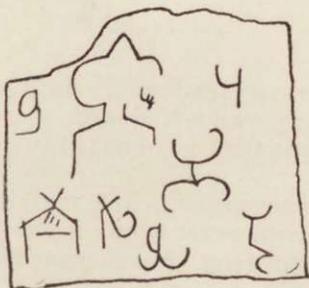
По указанию местных жителей, такой известняк встречается не на Кубани, а в северных степных районах, ближе к Дону. Мягкость камня позволила его хорошо обработать, сглажены также его верхняя и боковые стороны.

Знаки вырезаны тонкой неглубокой линией и сохранились в основном в верхней половине плиты. Ниже имеется много повреждений, вероятно, уничтоживших часть знаков.

Знаки по своим формам однотипны и, вероятно, нанесены одним резцом. Они близко напоминают некоторые знаки на ольвийских львах и в целом производят впечатление вариантов одной П-образной формы (ср. нижний ряд знаков в пещере Ак-Кая № 2, представляющих собой различные варианты S-образной формы).

№ 55

Плита из песчаника. Найдена в Танаисе в 1912 г. Издана В. А. Канским (Вновь найденные недвиговские плиты, Зап. Рост. на Дону об-ва ист., древн. и природы, т. II, 1914, стр. 138, рис. 2), который указывает, что плита была приобретена Ростовским музеем. После разрушения музея фашистами обнаружить ее не удалось.

55

56

Рисунок, помещенный в статье Канского, не дает полного представления о характере исполнения и формах всех знаков. Канский не придавал памятнику серьезного значения и полагал, что на нем «высечены, вероятно, учеником какого-нибудь скульптора, как проба резца, какие-то геометрические фигуры, которые вряд ли имеют какое-либо символическое значение». С этим трудно согласиться, так как очертания многих изображений близки формам сарматских знаков.

Верхняя часть плиты отбита. Восемь знаков различных размеров расположены беспорядочно, занимая почти всю поверхность плиты.

№ 56

Известняковая плита с сильно поврежденной поверхностью. Найдена в Танаисе в 1950 г. См. Архив ИИМК, Отчет Д. Б. Шелова об археологических разведках в низовьях Дона в 1950 г., стр. 16, рис. XX, 1, 2.

Где находится плита в настоящее время, нам установить не удалось. Поэтому целый ряд важных подробностей остается невыясненным. Судя по фотографии и зарисовке, любезно предоставленным нам Д. Б. Шеловым, по всей поверхности плиты были разбросаны вырезанные неглубокой линией знаки. Большинство из них сохранилось лишь частично.

Большой знак, расположенный ближе к центру, дважды встречается на плитах из Ольвии (№ 29 и 61)¹.

¹ По сообщению Д. Б. Шелова, в 1957 г. в Танаисе была найдена еще одна известняковая плита с большим глубоко врезанным знаком и плохо сохранившейся греческой надписью.

РЯД ЗНАКОВ С ОТНОСИТЕЛЬНО УПОРЯДОЧЕННЫМ РАСПОЛОЖЕНИЕМ

№ 57

Знаки на стене пещеры Ак-Кая № 1.

Группа пещер Ак-Кая расположена в отвесных скалах из белого мергеля, находящихся недалеко от Белогорска, на правом берегу р. Карасу.

Весь этот район чрезвычайно насыщен археологическими памятниками начиная с эпохи палеолита, но он еще не стал объектом систематических исследований, хотя отдельные разведки и раскопки предпринимались неоднократно.

В 1880 г. пещеры обследовал К. С. Мережковский, в 1924 г. здесь проводил работы А. П. Булавенко¹, а в 1926 г. — С. И. Забнин. Большие разведки части Белогорского района были организованы О. Н. Бадером в 1935 г.²

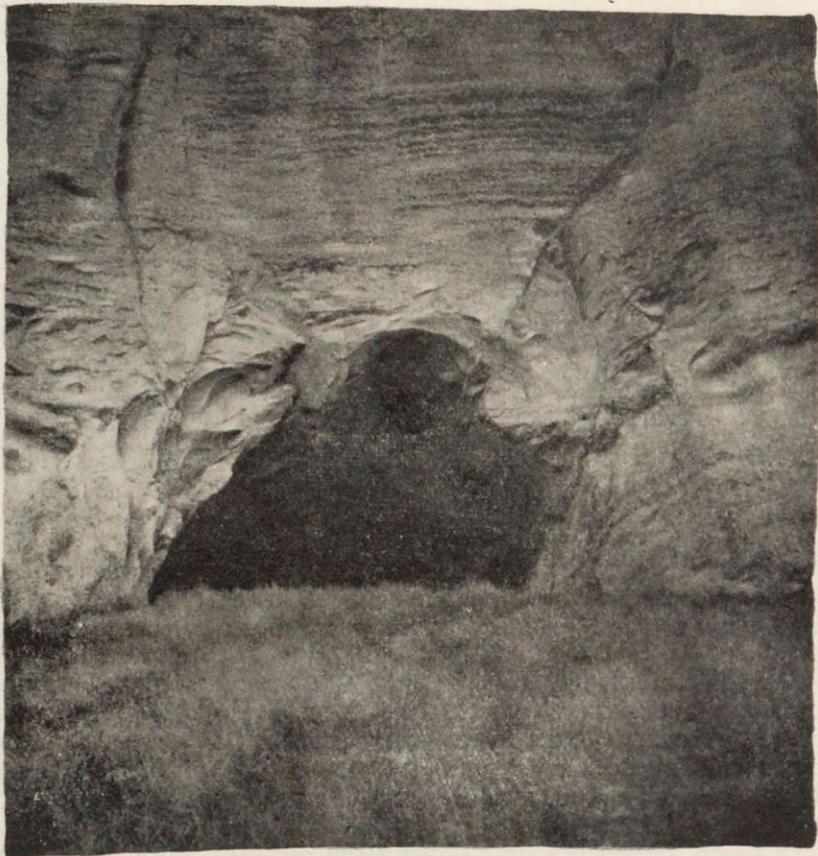
В 1940 г. экспедиция ГИМ под руководством Д. А. Крайнова уделила особое внимание знакам, однако они не были опубликованы; краткое упоминание об изображениях в пещерах Ак-Кая встречается в изданном отчете о работах этнографической экспедиции в Крыму в 1926 г.³

Белогорский отряд Тавро-скифской экспедиции (руководитель П. Н. Шульц) возобновил изучение исторических памятников района,

¹ В ИТОИАЭ, т. II, 1928, стр. 185, указано, что в 1924 г. А. П. Булавенко выступал в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии с докладом на тему: «Поездка в Карасубазар (поселение на Ак-Кая и развалины в урочище Мелек)».

² Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 255 сл.

³ См. «Известия Крымпединститута», кн. 1, Симферополь, 1927, стр. 46.

Handwritten symbols and characters, possibly representing a code or a set of instructions, arranged in a horizontal line. The symbols include various geometric shapes, lines, and characters, some resembling letters or numbers.

обследовав и интересующие нас пещеры Ак-Кая¹. В оползнях у пещеры № 1 был собран подъемный материал различных эпох — черепки скифо-сарматской посуды, а также керамика эпохи бронзы и средних веков.

Остатки культурного слоя и знаки на стене с несомненностью показывают, что эта большая естественная пещера была использована человеком в течение длительного времени.

Мы ознакомились с пещерой в 1953 г. с целью специального изучения знаков и прежде всего по возможности правильной их фиксации.

Знаки нанесены на высоте около 10 м, и изготовить эстампаж нам не удалось². Место их расположения не позволяет сделать и достаточно четкой фотографии. Поэтому было проведено тщательное визуальное изучение знаков с помощью биноклей и их зарисовка. Вследствие постоянных осыпей стен и различных трещин часто трудно отличить некоторые естественные углубления и полосы от следов резца. Чтобы избежать ошибки такого рода мы проверяли и уточняли свои зарисовки при различном освещении на протяжении 5—7 часов.

Знаки нанесены на левой стене пещеры, недалеко от входа. Стена розоватого оттенка (охра?), в верхней части довольно сильно закопчена. Несколько ниже уровня знаков в скале вырублен уступ, а над ними расположено два балочных гнезда. Видимо, здесь была какая-то постройка, на уровне которой и помещены знаки.

Они вырезаны четко, повреждены от времени лишь отдельные части, которые в большинстве случаев легко дополняются. Значительная высота спасла их от насильственной порчи и уничтожения в позднейшие времена. Такая участь постигла знаки, расположенные на этой же стене в глубине пещеры, где благодаря подъему пола они оказались на высоте 1—1,5 м.

Окружающие археологические памятники хотя и не дают нам достаточно твердых хронологических данных, все же позволяют связывать знаки в пещере с культурой местного населения. Исходя из формы знаков, можно отнести их к сарматским.

Внимательное изучение знаков приводит к выводу, что они нанесены не одновременно, а группируются по несколько вместе. Каждая группа знаков выполнена другим резцом и расположена на некотором расстоянии от другой группы.

Первая группа (ближайшая к входу) состоит из нескольких знаков,

¹ См. П. Н. Шульц, Отчет о работах Белогорского отряда Тавро-скифской экспедиции за 1947 г., стр. 5 (Архив ОАСа ИА); его же, Тавро-скифская экспедиция, КСИИМК, в. XXVII, 1949, стр. 66; Т. Н. Троицкая, Скифские курганы Крыма, Изв. Крым. отд. геогр. общ., в. 1, 1951, стр. 87, рис. 2 и 3.

² Нанесение знаков на большой высоте для сохранения их от порчи встречается и в других местах. Ср. P. Y. Strahlenberg, Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asien, Stockholm, 1730, стр. 337 (о знаках на высоких отвесных скалах Енисея).

весьма беспорядочно расположенных. Вырезаны они неглубокой, но широкой линией; два знака имеют более сложные очертания, форму одного нижнего знака из-за порчи камня полностью восстановить не удалось. В первом знаке не выдержана ось симметрии, и его верхняя часть несколько сдвинута влево. Перемычка с нижней частью знака едва заметна: Этот знак совпадает со знаком на верхнем крае плиты из Кривого Рога (№ 43). Второй сложный знак, напоминающий перевернутое М с кружком, близок знакам на плитах № 43 и 44 (в центре). Несколько поодаль от этой группы знаков, но по технике нанесения совпадая с ней, расположен знак или скорее изображение. Оно выделяется большими размерами и не имеет аналогий. Общий контур и внутренние линии не завершены из-за порчи.

Над первой группой знаков тонкой, но четкой линией (более острым инструментом) вырезан знак типа свастики, несколько испорченный в нижней части. Он выделяется еще тем, что нанесен на закопченной части стены, т. е., видимо, позже соседних знаков. Такая форма знака хорошо известна с древнейших времен. Б. В. Лунин¹, издавая фрагмент керамики с подобными знаками из находок 1926 г. на Дону (доскифское время), указывает, что существование свастических знаков восходит еще к культуре камня. (Мы здесь говорим только о форме знака, не уточняя, входил ли он в орнамент или играл какую-либо другую самостоятельную роль.)

Близкие формы знаков встречаются на некоторых сосудах эпохи бронзы из Причерноморья². Свастические знаки процарапаны на доньшках чернолаковых сосудов, найденных в Пантикапее и Танаисе³. Они часто повторяются в греческой орнаментике. Наконец, аналогичный знак, выдавленный до обжига, был, вероятно, на сосуде, фрагмент которого найден в 1952 г. во время раскопок поселения IX—VIII вв. до н. э. в урочище Уч-Баш⁴. Ближайшие по времени аналогии см. выше на таблице сарматских зеркал (рис. VI).

Следующая группа состоит из трех сложных знаков, расположенных один подле другого.

Средний знак имеет аналогии на плитах № 59 и 43, два крайних представляют собой варианты одного знака. Им аналогичны знаки в пещере Ак-Кая № 2 и на ольвийской плите № 60.

Далее на стене находится изображение, полностью повторяющее знак боспорского царя Инифимея (см. № 14—16), встречающийся также на ольвийских львах и других памятниках.

¹ Б. В. Луни н, Фрагмент архаической керамики с Кизитиринского городища, орнаментированный свастическими знаками, ЗСКОАИЭ, кн. I, в. 1, 1927.

² А. А. Формозов, Сосуды срубной культуры с загадочными знаками, ВДИ, 1953, № 1, рис. 2.

³ Хранятся в Государственном Эрмитаже, инв. № П. 1867.68. 151 и Т.1872.60.

⁴ Находится в Херсонесском музее. Сохранилась примерно половина знака.

Наконец, последнюю группу составляют три знака. Нижний совершенно идентичен знаку на плите № 43, знак над ним имеет близкие аналогии на той же плите, на большой керченской плите № 47 и в склепе около Красногорского (№ 34).

Несколько выше этой группы можно различить еще один знак, напоминающий по форме греческую букву λ.

Этот знак, а также третий знак последней группы и свастика с округлыми концами имеют близкие аналогии на плите из Алтайских курганов (см. выше, рис. III).

Пещеры Ак-Кая расположены недалеко от древней дороги, связывавшей центр скифского государства Неаполь со столицей Боспора Пантикапея. Дорога способствовала не только торговому обмену, но и распространению культурных влияний с той и другой стороны.

Пещера могла быть местным святилищем (она неудобна для жилья). В пещере или же над ней на скалах, возможно, совершались культовые обряды. Поэтому и знаки использовались здесь, вероятнее всего, в качестве магических изображений и формул¹.

Использование пещер для святилищ известно в различных районах Кавказа. Так, например, в 1940 г. подобное святилище с изображениями и знаками на стенах было открыто Л. Н. Соловьевым в труднодоступном гроте Агца (сел. Анухва Абхазская в 8 км от Ахали Афони). Среди высеченных знаков там имеется также свастика с округлыми концами.

№ 58

Знаки в пещере Ак-Кая № 2.

Эта пещера также расположена в скалах Ак-Кая, но с другой их стороны. Она находится при подъеме от подножия скал на их вершину по юго-восточному склону.

В 1947 г. осмотр и предварительную фиксацию памятника, как и пещеры № 1, произвел Белогорский отряд Тавро-скифской экспедиции².

Мы посетили пещеру в 1953 г. и провели там такую же работу, как и в пещере № 1.

Пещера № 2 больших размеров и хорошо защищена от ветра; пол ее повышается уступами вглубь. Плафон и кругообразно расположенные стены имеют почти правильные формы. Теперь пещера используется для

¹ Ср. О. Н. Бадер, Жертвенное место под писаным камнем на р. Вишере, СА, XXI, 1954, стр. 241 сл. Под изображениями на скале животных и знаков на небольшой площадке обнаружено жертвенное место. Это доказывает культовый характер изображений, относимых в основном к первобытной эпохе.

² См. Н. П. Шульц, Отчет о работах Белогорского отряда..., стр. 6; е г о ж е, Тавро-скифская экспедиция, КСИИМК, в. XXVII, стр. 66.

загона овец. Непосредственно к этой пещере примыкает другая, причем они сообщаются через пролом в стене. Вероятно, естественный пролом в стене был затем искусственно расширен (вход в смежную пещеру снаружи сильно затруднен из-за высокого и неудобного подъема).

Пещера № 2 поражает обилием знаков и надписей, вырезанных в различные времена на стенах и плафоне. Они свидетельствуют о длительном использовании пещеры человеком. В смежной пещере, наоборот, нами не было замечено никаких начертаний.

Наиболее древнюю группу, видимо, составляют знаки, высеченные налево от входа. Они расположены на большой высоте и потому не подвергались порче со стороны позднейших обитателей пещеры или случайных посетителей.

Около знаков имеется гнездо для балки.

Как и в пещере № 1, знаки на этой стене по технике исполнения и характеру начертаний можно разбить на несколько групп, причем со значительно большим хронологическим разрывом.

Первая группа состоит из трех знаков: двух сходных между собой и одного незаконченного. Любопытна техника их нанесения, встречаемая нами впервые. Знаки вырезаны не сплошной линией, а мелкими треугольными насечками. Форма неза-

вершенного знака не совсем ясна: возможно, он близок якоробразным знакам в склепе около Красногорского (№ 34) и на плитах № 38 и 51. Два других знака аналогичны некоторым знакам в пещере Ак-Кая № 1. Сходные очертания имеют знаки на ряде средневековых памятников VIII—IX вв.: на черепке с городища Тепсень (см. стр. 45) и на камне с Маяцкого городища¹.

Соседняя группа знаков сохранилась не полностью, часть ее ушла в обрест скалы, которая, видимо, отвалилась еще в древности. Знаки резко

¹ Н. Е. Макаренко, Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, в. 41, 1911, стр. 30, рис. 33.

отличаются от первой группы по технике исполнения, но весьма близки им по своему характеру. Они высечены менее глубокой, но сплошной линией. Знак, сохранившийся лучше, напоминает изображение на бронзовом зеркале из Танаиса (№ 97). Ср. также некоторые клейма на средневековой черепице из Мангуп-кале¹.

Ниже, на некотором расстоянии от рассмотренных групп знаков, можно различить кружок с точкой, несколько зигзагов (возможно, изображение змеи) и ряд насечек, которыми могло начинаться другое, так и не завершённое изображение.

Наконец, еще ниже расположены три знака, вырезанные четкой уверенной линией. Несмотря на кажущееся разнообразие форм, внимательное рассмотрение приводит нас к выводу, что в основе их лежит один знак, напоминающий букву S (ср. три S-образных знака на керченской плите № 47). В одном случае он поставлен вертикально и дополнен небольшой кривой; в другом — размещен горизонтально и дополнен крестиком, наконец, в третьем случае несколько урезан.

Эти знаки по своему характеру очень близки к средневековым знакам собственности, которые ставились каждым домохозяином на своем имуществе (главным образом на скоте) и передавались по наследству сыновьям; в отличие от отцовского знака, все сыновья (обычно кроме старшего) вносили в форму знака небольшие дополнения или изменения, сохраняя его основу. Возможно, данные знаки относятся к более позднему времени, чем рассматриваемые в данной книге памятники, и связаны со средневековым населением Крыма. Напомним, что разведки в районе пещер Ак-Кая дали не только древний, но и средневековый подъемный материал. Недалеко от пещеры № 2, при спуске с горы, в 1953 г. были обнаружены остатки средневекового могильника.

Мы уже говорили выше, что позднейшие обитатели пещеры также оставили в ней многочисленные знаки и надписи. На плафоне справа от входа четкой тонкой линией высечена тамга крымских ханов Гиреев. В глубине пещеры, на стене против входа, нанесено несколько знаков, которые затем были забыты рядом косых зарубок (видимо, новыми обитателями пещеры). Два из них также относятся к татарским тамгам. По обе стороны от этих знаков и на откосах прохода в соседнюю пещеру имеются знаки, нарезки и целые надписи, в том числе поздняя арабская надпись: Бисм Иллахи (во имя Аллаха)².

Весь внутренний облик пещеры и окружающие ее места дают возможность предполагать, что она с древних времен использовалась для загона скота (соседняя же пещера, возможно, для человеческого жилья).

¹ М. А. Тиханова, Черепицы с метками из раскопок 1938 г., МИА, № 34, 1953, стр. 431, табл. № 1, 2, 18.

² Прочитал по нашей зарисовке А. М. Беленицкий.

Наиболее древняя группа знаков с повторяющимися формами, расположенная на значительной высоте, вероятно, имела культовое значение, как и в пещере Ак-Кая № 1.

Пещера № 2 наглядно показывает, как сохранившиеся древние знаки, благодаря длительному пользованию пещерой, могли заимствоваться позднейшим населением Причерноморья. Многие древние памятники со знаками, не дошедшие до нас, были известны средневековому населению.

№ 59

Известняковая плита. Найдена в Ольвии в 1913 г., в могиле № 73. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Ол. 15803).

Камень обломан со всех сторон; возможно, он является остатком пьедестала. Сторона со знаками обработана хорошо; верхняя часть отделана грубо, посередине ее резцом проведена линия.

59

Размеры боковой стороны со знаками: ширина 32, высота 9, длина 14—28 см.

Сохранились остатки пяти знаков. Все, кроме одного, уходят в обрез, следовательно, дошли до нас не полностью.

Знаки имеют различную ширину и глубину. Они несомненно выполнены различными резцами, возможно, разными людьми и даже в разное время. Это чувствуется и по манере выполнения отдельных знаков.

Разнохарактерность знаков и их расположение на камне не создают впечатления, что перед нами строка неизвестного письма. Вероятнее всего, камень был вторично использован для нанесения знаков, которых было значительно больше, чем дошло до нас.

Расположение их более упорядочено по сравнению с плитами, на которых множество знаков разбросано по поверхности хаотически, во всех направлениях, иногда пересекая друг друга, иногда перемежаясь с рисунками.

По своим очертаниям знаки на данной плите имеют много общего

со знаками на других памятниках Северного Причерноморья, которые мы относим к сарматским. Верхний знак, напоминающий букву Р, имеется на плите из Кривого Рога (№ 43, внутри изображения головы животного) и на стене пещеры Ак-Кая № 1; первый знак, симметрично дополненный слева, также находит полную аналогию на плите из Кривого Рога (ср. также № 46); сохранившиеся верхние части второго и третьего знаков могут быть различным образом дополнены на основе сходных очертаний знаков на плите № 43, ольвийских львах и в пещерах Ак-Кая.

Интересно отметить, что эти знаки имеют более всего аналогий на камнях с большим количеством знаков.

№ 60

a

б

60

Фрагмент архитектурной детали из известняка. Найден случайно в 1946 г. в Ольвии, в южной части городища. Находится в ИИМК в Ленинграде.

По характеру обработки камня памятник датируется первыми веками н. э. Камень оббит со всех сторон и расколот на две части.

Размеры фрагмента: ширина 41, высота 18, толщина 22 см.

Под небольшим карнизом расположен ряд знаков. Они аккуратно следуют один за другим, близки по величине, манере исполнения и характеру резьбы. Исключение составляет лишь один знак, помещенный между четвертым и пятым знаками. Он почти в два раза меньше остальных, вырезан тонкой линией и в нижней части пересекает соседний знак. Создается впечатление, что он нанесен позже остальных.

На верхней плоскости камня также нанесено несколько знаков, часть которых уходит в обрез камня. Здесь особенно четко выполнен трехчленный знак.

Наконец, на карнизе тонко вырезано два треугольника на большом расстоянии друг от друга.

Повторяющихся знаков на камне нет, их расположение весьма упорядочено, приближаясь к строке письма. Архитектурная деталь, видимо, была вторично использована для нанесения знаков, о чем свидетельствует их размещение не только под карнизом, но и на верхней части камня.

Почти все знаки имеют аналогии на других причерноморских памятниках; многие из них, в том числе сложный знак $\pi\Gamma$, вырезаны на ольвийских львах. В более упрощенной форме этот знак встречается среди нечитаемых греческих надписей из Ольвии, изданных Латышевым¹.

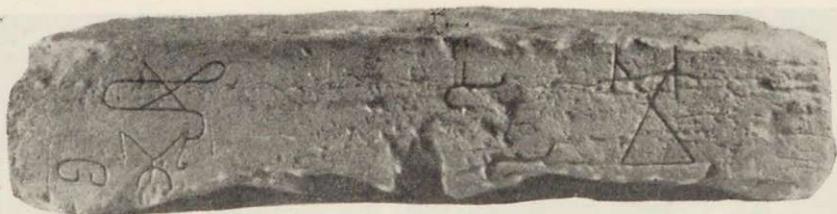
№ 61

Известняковая плита. Найдена в Ольвии в 1954 г. на участке *M* в яме с материалом II в. н. э. Находится в ИИМК в Ленинграде (Ол. 54, № 2139).

Размеры боковой стороны со знаками: длина 50, толщина 10, ширина плиты 37 см.

Три боковых стороны плиты сглажены (видны следы инструмента), остальные специальной обработке не подвергались. Сохранность камня довольно плохая; на стороне со знаками имеется много трещин и выбоин, затрудняющих выявление знаков и повредивших некоторые из них. На этой же стороне плиты есть искусственное углубление, причем никаких знаков оно не перерезает. Плита, вероятно, была первоначально использована в качестве строительного материала (углубление служило для металлических скреп). Позже, после разрушения здания, примерно в I в. н. э., ее могли вторично использовать для нанесения знаков и, наконец,

¹ В. В. Л а т ы ш е в, Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей..., ЗРАО, т. IV, в. 2, 1889, № 166¹.

61

во II в. н. э., уже как ненужную, свалить в яму, где она и была обнаружена при раскопках с другими материалами того времени.

Как и на других двух ольвийских плитах, знаки расположены в относительноном порядке, во всяком случае, по одной оси. Это отличает их от других памятников, где знаки беспорядочно нанесены в различных направлениях.

Плохая сохранность камня затрудняет решение вопроса об одновременности выполнения этих знаков. Однако ясно, что некоторые из них пересекают друг друга.

Форма большого знака справа тождественна знаку на ольвийской плите № 29. Другие знаки также имеют близкие аналогии¹.

№ 62

Мраморный пьедестал от статуи с надписью и знаками. Найден в Херсонесе, где и хранится до настоящего времени. Издан Латышевым (Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 гг., МАР, 9, 1892, стр. 38; *IsPE*, 1², 406).

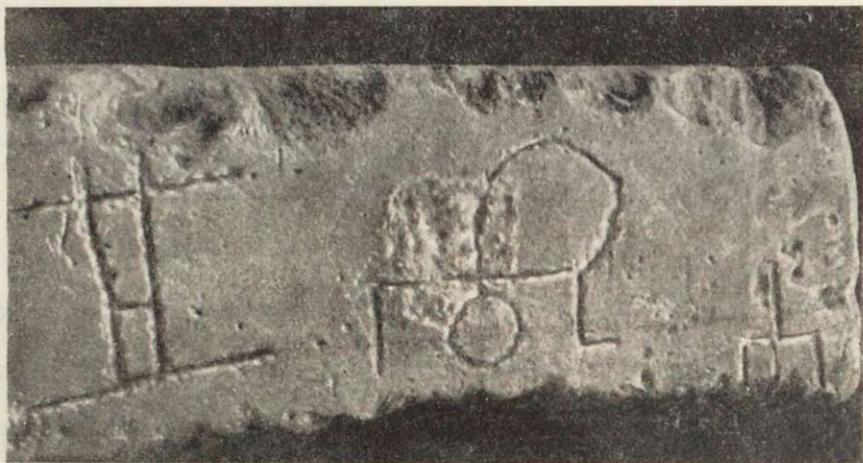
Размеры: 76 × 81 см, толщина 30 см.

Посвятельная надпись Афине Спасительнице IV в. до н. э. не сохранилась полностью. На некотором расстоянии вырезано имя мастера — Поликрат.

Латышев указывает, что в центре надписи камень пробит и, судя по всему, был вторично использован для другой цели.

К более позднему времени следует отнести и три знака, нанесенные на боковой стороне, смежной с надписью. Края камня сильно оббиты, причем до того, как были вырезаны знаки.

¹ В архиве А. А. Спицына (Архив ИИМК, ф. 5, № 311, л. 82) есть беглое указание на то, что в 1905 г. в Ольвии была найдена еще одна аналогичная плита (инв. № ИИМК 1112), и приведена ее схематическая зарисовка. В материалах ИИМК и в Эрмитаже нам не удалось ничего уточнить об этом интересном памятнике. Судя по рисунку, на плите было пять простых геометрических знаков, расположенных в ряд и близких по форме греческим буквам Ψ , Δ , K , 1.

Около среднего знака имеется небольшая возвышенность с квадратным основанием. Судя по аналогии с другой стороной камня, здесь, видимо, было выпуклое украшение типа розетки, которое сбили, чтобы оно не мешало размещению знаков.

Знаки выполнены грубо, но четко, причем совершенно в другой манере, чем надпись, и, несомненно, другим инструментом. Все три знака, по-видимому, вырезаны одновременно и одним лицом. Лишь петля на среднем знаке кажется добавленной позже.

На рисунке, помещенном Латышевым в МАР (см. выше), есть некоторые неточности, третий же знак совершенно искажен.

Два крайних знака имеют простые очертания, средний — несколько необычной формы. Он близок одному из знаков на стене грота Агца в сел. Анухва Абхазская, открытого Л. Н. Соловьевым. Близкие аналогии боковым знакам встречаются на кирпичах Цимлянского городища. См. М. И. Артамонов, Средневековые поселения на нижнем Дону, Л., 1935, рис. 38, 48 и 49; рис. 39, 154.

ЗНАКИ НА РЕМЕСЛЕННЫХ ИЗДЕЛИЯХ

№ 63

Золотой флакон, украшенный рельефными изображениями львов на крышке и ручках, листьями и нитями скани. На дне флакона имеется знак, выполненный, как и листья, из накладной гладкой проволоки. Шаровидная форма флакона и петельки для продевания цепочки свидетельствуют о том, что его подвешивали (быть может, у пояса).

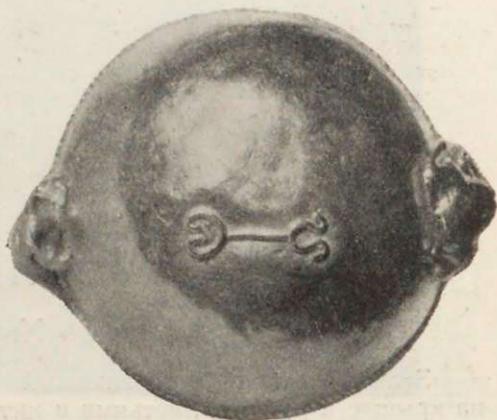
Флакон хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Ол. 95). Издан в ОАК за 1868 г., стр. 53, альбом, табл. I, 0. В краткой аннотации указано, что сосуд найден незадолго до 1867 г. в Ольвии, а в 1867 г. принесен Строгановым в дар Эрмитажу.

Позднее его переиздал Я. И. Смирнов (Восточное серебро. Атлас, 1909, табл. XII, 31), повторив данные ОАК о времени и месте находки. В предисловии он пишет, что многие из приводимых им данных неточны и требуют проверки и дальнейших изысканий. Смирнов предполагал издать второй том «Восточного серебра» — пояснительный текст к атласу, — но не успел его завершить. Недавно в архив ИИМК в Ленинграде поступила рукопись этого тома (ф. 11, № 329), содержащая хотя и неполный, но очень ценный материал.

Описывая золотой флакон, Смирнов обращает внимание на знак, который называет тамгой. Вопреки старым сведениям, он указывает, что сосуд этот найден не в Ольвии, а около Керчи. Наши попытки по другим архивным материалам выяснить этот вопрос не увенчались успехом.

Аналогичные флаконы были известны уже Смирнову и изданы вместе с данным (ук. соч., табл. XI, 30 — золотой флакон из кургана Хохлач близ Новочеркасска; табл. XII, 32 — флакон с инкрустацией из погребения царицы с маской около Керчи и др. Ср. И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., в. II, рис. 134; в. III, рис. 158).

Недавно такой флакон был найден в Армази (Мцхета, т. I, 1955, стр.

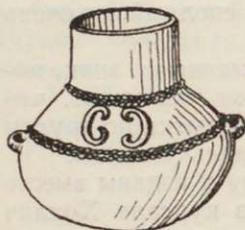
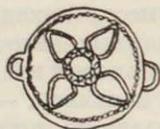

63

97, табл. XI; Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства, М., 1956, стр. 471, цветн. вклейка). Все они датируются первыми веками н. э., когда в культуре Северного Причерноморья сказывались сильные сарматские влияния.

Б. А. Рыбаков (СА, XVII, 1953, стр. 96) относит флакон к IV в. н. э.

Знак по своим очертаниям совпадает со знаком на серебряном воронежском блюде и золотом браслете (№ 65 и 70).

64

№ 64

Золотой флакон. Найден в Ольвии в 1913 г. вместе с другими золотыми предметами, обнаруженными в богатом погребении. Издан Б. В. Фармаковским (АА 1914, т. XXIX, стр. 254 сл., рис. 79). Где находится сосуд теперь, выяснить не удалось.

На крышке имеется розетка со вставками из красного стекла (в центре) и голубой эмали.

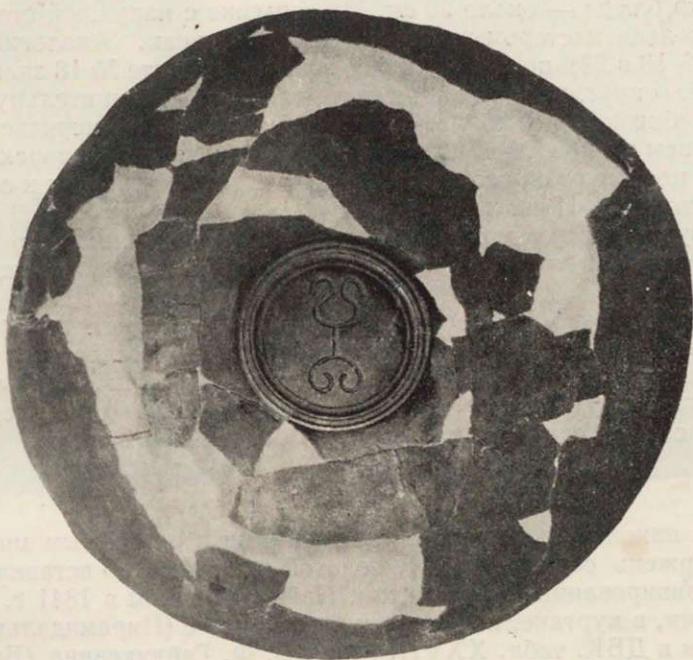
По форме и отделке он близок флакону № 63 и должен также датироваться первыми веками н. э.

На плечиках сосуда помещено два обращенных друг к другу S-образных знака из накладной проволоки. Такие изображения обычно составляют нижнюю часть двучлен-

ных знаков (см. общую таблицу знаков, № 23 сл.), но иногда встречаются в качестве самостоятельных знаков (см. там же, № 43—45).

№ 65

Серебряное блюдо. Найдено в 1938 г. в Воронежской области (ст. Давыдовка) вместе с золотыми изделиями в погребении, случайно обнаруженном во время дорожных работ. Все сведения о блюде нам любезно сообщил

65

С. Н. Замятнин, предоставив также для публикации сохранившуюся в его личном архиве фотографию (издается впервые, негатив передан Замятниным в фотоархив ИИМК в Ленинграде). Блюдо хранилось до войны в Воронежском музее. Во время немецко-фашистской оккупации погибло вместе с другими ценностями музея.

В 1939 г. в том же месте были найдены золотые вещи, поступившие в ГИМ и изданные А. П. Смирновым (Новый сарматский могильник в Воронежской области, ВДИ, 1940, № 3-4, стр. 363).

На основе характера всех этих золотых изделий — техники их из-

готовления, комбинации драгоценных металлов с цветными камнями¹, формы браслетов и нашивных бляшек в виде петель, покрытых зарубками, — Смирнов относит их к сарматской культуре (ук. соч., стр. 365 сл.). Могильник в целом, в который входили погребения разного времени, он датирует периодом с I в. до н. э. по II в. н. э.

Об интересующем нас блюде Смирнов упоминает в перечне вещей из этого могильника, хранящихся в Воронежском музее, и называет его «серебряным римским сосудом» (там же, стр. 363).

Диаметр блюда — около 20 см. На доньшке с наружной стороны прекрасно выполнен мастером чеканный вогнутый знак. Аналогии указаны выше (см. № 18 и 63); по сравнению со знаком на плите № 18 знак на блюде имеет более округлые очертания и вытянутую соединительную ножку.

Знаки, близкие по форме, встречаются также на керченской плите со множеством знаков (№ 47), на ольвийских львах и в боспорском склепе 1872 г. Это позволяет с несомненностью отнести данный знак к сарматским и датировать его I—II вв. н. э.

При изучении всего могильника знак может уточнить его датировку и служить важным дополнительным аргументом в пользу его сарматского характера.

Насколько можно судить по фотографии, характер исполнения знака, его размеры и хорошее расположение по центру свидетельствуют о том, что он чеканился мастером во время изготовления сосуда. Таким образом, можно предполагать, что блюдо изготовлено в Северном Причерноморье, вероятнее всего, в одной из мастерских Боспора или Ольвии.

№ 66

Втулка наконечника копья с украшениями и рельефным знаком. Железный стержень обтянут сверху золотой пластиной со вставками из сердолика и гравированным орнаментом. Найден Ашиком в 1841 г. в окрестностях Керчи, в кургане, по дороге к каменоломне (Пирамидальный склеп № 1). Издан в ДБК, табл. XXVII, 7, и у В. Ф. Гайдукевича (Боспорское царство, стр. 424, рис. 80). Хранится в золотой кладовой Государственного Эрмитажа (инв. № П. 1841. 20).

Вместе со втулкой был найден богатый конский убор, также со знаками (см. № 91). Видимо, это было погребение богатого воина.

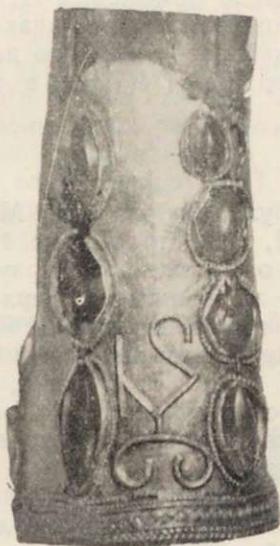
Комплекс датируется примерно началом III в. н. э.

С левой стороны знак почти вплотную подходит к гнезду для инкрустации; возможно, поэтому форма знака, не умещавшегося на узком пространстве, несколько искажена (ср. аналогичное явление на пряжке из Чернореченского могильника, № 88).

¹ О расцвете «полихромного стиля» в сарматское время см. в книге «История русского искусства», т. I, 1953, стр. 34.

Знак имеет много аналогий на Боспоре и в других местах Северного Причерноморья (см. аналогии к № 18).

Верхнюю часть знака интересно сравнить со знаками Савромата II и Рискупорида III, так как она дает еще один близкий вариант той же формы. При этом отметим, что все три знака датируются III в. н. э.

66

67

№ 67

Свинцовая плитка. В «Описи склада древностей» (Архив ИИМК в Ленинграде, 1924, д. 208, № 7089) говорится, что она найдена в 1898 г. в Ульском ауле, Кубанской области, однако это не подтверждается архивной описью находок Веселовского в Ульском ауле за 1898 г. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Е. 2745).

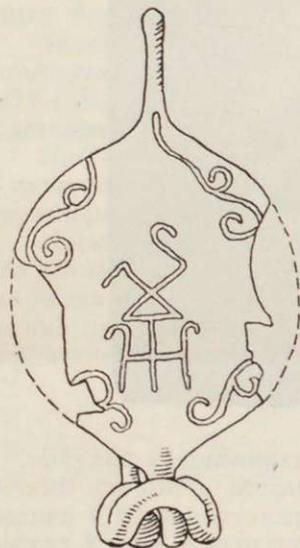
Размеры плитки: высота 10,3, ширина 7,5, толщина 0,8 см.

На плитке помещен рельефный знак из серии трехчленных знаков боспорских царей первых веков н. э. (с несколько упрощенной верхней частью). Поскольку такие знаки встречаются только на Боспоре, можно с уверенностью отнести и данную плитку к боспорским изделиям указанного времени.

Плитка может быть сопоставлена со свинцовыми гирями с греческими надписями, монограммами и рельефами. По поводу последних см. новую работу: W. Siężkowska-Marciniak, *O greckich i rzymskich wagach i miarach*, «Meander», 1-2, Warszawa, 1956.

В пользу нашего предположения свидетельствует новая находка из Танаиса, о которой нам недавно сообщил руководитель раскопок Д. Б. Шелов. В 1957 г. в раскопе № 4, в подвале помещения Д, погибшего к середине III в. н. э., была найдена свинцовая гиря со знаком, инкрустированным медной проволокой. Ближайшую аналогию данному знаку см. на верхней части плиты из Кривого Рога (№ 43) и в пещере Ак-Кая (№ 53, первый знак слева).

№ 68

68

Бронзовая фибула. Опубликовал М. Эберт (M. Ebert, *PZ*, I, 1909, стр. 70, рис. 4), который указывает, что она найдена в Гурзуфе, датируется I в. н. э. и хранится в Берлинском музее (Museum für Völkerkunde). Гампель (I. HampeI, *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*, т. II, Braunsch., 1905, стр. 52), датируя весь комплекс IV в. н. э., полагает, что фибула, как и некоторые монеты, относится к III в. н. э.

Датировке Эберта противоречат как очертание знака, так и форма самой фибулы.

Фрагменты фибул с аналогичными «узлами» были обнаружены в 1956 г. в одном из погребений Неаполя скифского, датируемом буролаковой херсонесской керамикой II в. н. э.

Знак на фибуле нам известен по памятникам Боспора — плитам, пряжкам и т. д. Небольшое отклонение от обычного очертания

знака имеется в его нижней части — поперечная перекладина помещена несколько ниже.

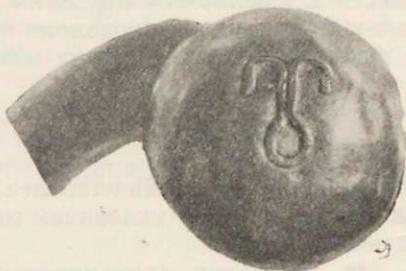
Таким образом, форма фибулы и знак заставляют отнести ее ко II или началу III в. н. э. На южном берегу Крыма памятник с подобным знаком встречается впервые.

№ 69

Золотой шейный обруч (гривна). Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Ол. 17515). Был доставлен из Ольвии владельцем имения Ку-

шелевым. Издал А. С. Уваров (Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря, т. I, 1851, табл. XIV, 2 и 2¹).

Массивный обруч, диаметром 19,4 см, состоит из двух перевитых проволок, одна из которых широкая и гладкая, а другая—узкая и рубчатая. На концах имеются втулки конической формы с шаровидными завершениями. Втулки украшены S-образными завитками, а в центре каждого шара помещены одинаковые рельефные знаки из накладной проволоки.

69

По определению А. П. Манцевич, гривна датируется примерно III в. н. э.

№ 70

Золотой браслет из витой проволоки. Случайная находка на берегу Бугского лимана. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Ол. 17759).

70

Диаметр 9,3 см. На концах — головки животных (возможно, лосей) с инкрустацией из пасты.

По технике изготовления и художественным особенностям браслет очень близок флакону и золотой гривне (№ 63 и 69) и потому должен быть отнесен к ювелирным изделиям того же круга. Об этом свидетельствует и знак из накладной проволоки на одной из головок, тождественный знаку на флаконе (№ 63) и других памятниках.

Пряжки со знаками наиболее полно представлены в работе В. В. Шкорпила (ИАК, в. 37, с указанием места и времени находок и перечислением изданий).

На основании археологических комплексов, главным образом находок вместе с пряжками монет боспорских царей, Шкорпил (ук. соч. стр. 32) датирует их I—III вв. н. э. К этому же времени относятся и новые находки.

№ 71

Золотая пряжка. Вместе с другими погребальными украшениями из тонкого золота была найдена Ашиком в 1841 г. в окрестностях Керчи при раскопках каменной гробницы у подножья 7-го кургана. Издана в ДБК, т. I, стр. 220 и табл. XXXII, 20. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № П.1841.66).

В ДБК отмечается, что эта пряжка могла служить только погребальным украшением. Здесь же указано, что подобные пряжки, вернее золотые бляхи в виде пряжек, были найдены в 1854 г. Перовским около Сенной (древняя Фанагория).

Аналогичный трехчленный знак встречается на боспорских плитах с именем Тиберия Юлия Евпатора.

№ 72

Две золотые погребальные пряжки и поясной наконечник. Найдены в 1910 г. около Карантинного шоссе. Изданы Шкорпилом (ИАК, в. 37, стр. 31, № 20—22, рис. 10—12). Находились в его частной коллекции.

Эти пряжки представляют собой штампованные бляхи из тонкого золота.

№ 73

Четыре золотые пряжки и четыре наконечника к ним (из них два с теми же знаками). Три пряжки и наконечник изданы Шкорпилом (ИАК, в. 37, № 9—14, рис. 4—7), который указывает, что они находились в частной коллекции Запорожского.

№ 74

Две золотые пряжки и два наконечника, выполненные из тонкого листового золота при помощи штампа. Изданы Бела Пошта (B é l a P ó s t a, Archäologische Studien auf russischem Boden, Budapest — Leipzig, 1905, стр. 486 сл., рис. 268, 1 и 3). Значатся как ольвийские находки, подаренные Одесскому музею. Издатель правильно датирует их римским временем и указывает, что эти изделия не могли иметь практического значения, а служили для погребальных целей. Знаки же он называет «варварским орнаментом» (ук. соч., стр. 488).

№ 75

Прорезная пряжка. Издана Бела Пошта (ук. соч., стр. 433 сл., рис. 244, 3). Покупка Одесского музея из случайных находок в Ольвии и Керчи.

№ 76

Бронзовая пряжка и поясной наконечник. Найдены Шкорпиллом в 1909 г. на берегу Керченской бухты. Изданы им же (ИАК, в. 37, № 18 и 19, рис. 8 и 9). Хранятся в Государственном Эрмитаже (инв. № П.1909, 141 и П.1909.142).

Шкорпил указывает, что там же была найдена монета Котиса I (I в. н.э.).

В знаке на наконечнике нет среднего элемента, обычно имеющего на пряжках форму треугольника. Ср. такие же знаки на памятниках № 35 и 48.

№ 77

Бронзовая пряжка, обломанная сверху. Найдена Шкорпиллом в 1904 г. в Керчи, в гробнице на Почтовой дороге, и им же издана (ИАК, в. 25, стр. 14, № 50, рис. 5).

№ 78

Бронзовая пряжка, обломанная сверху. Хранится в ГИМ (инв. № 49473). Согласно инвентарной книге, найдена Шкорпиллом во время раскопок в Керчи в 1903 и 1906 гг. и подарена музею Археологической комиссией в 1915 г.

№ 79

Бронзовая пряжка. Хранится среди беспаспортного материала Крымского областного краеведческого музея. Издается впервые. Форма знака на пряжке не оставляет сомнений в ее боспорском происхождении. По

71

72

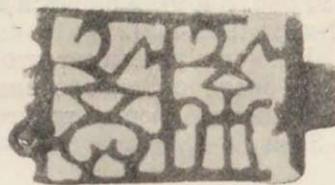
76

78

79

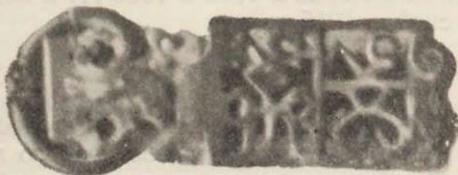
84

86

80

85

своим размерам и всем деталям отделки она полностью совпадает с пряжкой № 76. Видимо, обе пряжки вышли не только из общей мастерской, но и из одной формы.

№ 80

Бронзовая пряжка. Найдена Шкорпилом в 1903 г. в Керчи, на Глинище, на берегу бухты, в могиле № 203 (80). Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № П.1903.179). Пряжка отличается очень большими размерами, а также своим устройством. Однако форма знака полностью совпадает с остальными, хотя его исполнение носит более декоративный характер (ср. поперечную перекладину в нижней части знака).

№ 81

Бронзовая пряжка. Издана Г. Рихтер (Gisela M. A. Richter, Greek, etruscan and roman bronzes, N. Y., 1915, стр. 335, № 1092 и рис. на стр. 333), которая указывает (стр. 331), что пряжка эта прибыла из Керчи и была куплена в 1898 г. Находится в Нью-Йорке (Metropolitan museum of art).

Форма знака, названная Рихтер ажурным украшением (openwork decoration), как и пряжка в целом, полностью аналогичны рассмотренным выше. Длина пряжки 7,3 см.

№ 82

Резные пряжки. Изданы Е. Мерклиным (E. Mercklin, Antiken im Hamburgischen Museum für Kunst und Gewerbe, AA, 1928, т. 43, стр. 453 сл., № 139, рис. 165, а, б). Находились в Гамбургском музее.

По сведениям Мерклина, пряжки происходят из района Ольвии. Характер этих пряжек и особенно знаки полностью совпадают с боспорскими. Аналогичные находки при раскопках Ольвии нам неизвестны (№ 74 также вызывает сомнение).

Как предмет торговли пряжки со знаками, видимо, не распространялись; наоборот, несмотря на большое количество находок, почти все они локализируются на Боспоре, преимущественно в районе Пантикапея.

Пряжки были, вероятно, куплены музеем у частных лиц и ошибочно отнесены к ольвийским. (Не исключается возможность, что они были завезены в Ольвию еще в древности.)

Знак на пряжке, воспроизведенный Мерклиным на рис. 165, а — обычный, на рис. 165, б — без среднего элемента (ср. знак на наконечнике № 76).

Издатель считает знаки на пряжках орнаментом и трактует их как изображение стилизованной птицы над листовидной чашей.

№ 83

Четыре бронзовых пряжки со знаками. Издал Эберт (PZ, I, 1909, стр. 71, рис. 5). Находились в Берлине (Museum für Völkerkunde).

На двух пряжках трехчленные знаки, на одной — необычный знак П-образной формы. Имеется также пряжка с двумя знаками¹, причем один из них трехчленный. Оба знака встречаются на стене керченского склепа 1872 г. (№ 52).

№ 84

Бронзовая пряжка. Найдена в 1891 г. Бобринским в соседней с Керчью д. Капканы, в гробнице № 41. Издана в ОАК за 1891 г., стр. 53, рис. 29, и в книге E. H. M i n n s, Scythians and Greeks, 1913, стр. 318, рис. 228. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № П. 1891.742) в двух обломках.

На пряжке имеются те же два знака, что и на пряжке № 83.

№ 85

Три бронзовых пряжки. Хранятся в Одесском археологическом музее (инв. № 46608, 46776 и 46778)² Относятся к беспаспортному материалу из Крыма, но по своему характеру могут быть с уверенностью отнесены к бо-спорским.

Сочетание двух знаков на одной из пряжек ср. с № 83 и 84.

№ 86

Бронзовая пряжка. Найдена в Керчи. Хранится в ГИМ (инв. № 28737). Куплена Думбергом в 1891 г. Более точных сведений о времени и месте находки у нас не имеется.

Знак на пряжке аналогичен предыдущим.

№ 87

Резной наконечник. Издан Е. Мерклиным вместе с пряжками № 82 (ук. соч., стр. 455, рис. 165, а). Указано, что он доставлен из Ольвии. Находился в Гамбургском музее.

По мнению издателя, знак представляет собой стилизацию стоящей человеческой фигуры. Знак такой формы на других пряжках не встречался.

Нижняя часть его находит некоторую аналогию в одном из знаков на стене пещеры Чокурча (Крым).

¹ Ср. для аналогии одновременное изображение двух знаков на славянских наконечниках поясов VI в. н. э. Б. А. Рыбаков, Древние русы, СА, XVII, 1953, стр. 96.

² См. И. И. Козыренко, ук. соч., стр. 92, табл. I, 2 и 3.

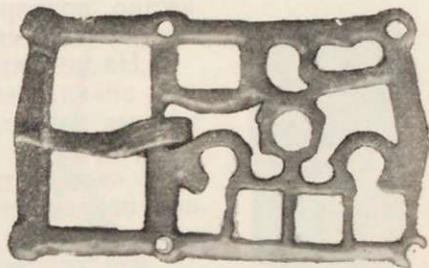
№ 88

Бронзовая пряжка. Найдена Инкерманской археологической экспедицией (руководитель Е. В. Веймарн) в 1950 г. при раскопках Чернореченского могильника, в могиле № 69. Хранится в Бахчисарайском историко-археологическом музее (инв. № 527).

Размеры пряжки: 5,7 × 3,7 см.

Могильник в целом носил смешанный характер, но с явным преобладанием сармато-аланского материала¹.

В подбойной могиле с двумя захоронениями были также найдены бронзовая фибула, на дужке которой проволока выложена змейкой, и краснолаковый одноручный кувшин, датирующие погребение II в. н. э.

88

Следует отметить, что резная пряжка со знаком встречается вне Боспора впервые (если не считать упомянутые выше пряжки № 82 и 87, происхождение которых из Ольвии остается под сомнением). По своей форме, пропорциям и технике исполнения чернореченская пряжка сильно отличается от боспорских. Знак же имеет прямые аналогии на ряде боспорских памятников (плиты № 7, 8 и др.). Вытянутая форма знака плохо гармонировала с короткой и широкой рамкой данной пряжки. Поэтому верхняя часть получилась несколько приплюснутой и растянутой в ширину.

Интересна и другая деталь. Ушки нижней части знака имеют форму стилизованных конских головок — мотив, часто встречающийся в скифском и сарматском искусстве. Все это дает возможность предполагать, что в основе нижней части знака лежало изображение двух коней.

Заканчивая рассмотрение известных нам пряжек со знаками, следует упомянуть несколько ажурных пряжек, в которых резьба имеет скорее орнаментальный характер. Одна из них найдена недалеко от Херсонеса в гробнице первых веков н. э. и издана в ОАК за 1890 г., стр. 34, рис. 18; другая найдена в Керчи, издана Рихтер (ук. соч., № 1093, рис. на стр. 333) и находится в Нью-Йорке; третья, неизвестного происхождения, хранится в фондах Государственного Эрмитажа (инв. № Пан. 1740).

№ 89

Богатый конский убор. Найден Ашиком в 1837 г. в Керчи в погребении с золотой маской. Издан в ДБК, табл. XXIX, 4, и в книге: И. Т о л л

¹ В. П. Б а б е н ч и к о в, Чернореченский могильник, Архив ОАСА ИА; А. П. С м и р н о в, К вопросу о славянах в Крыму, ВДИ, 1953, № 3, стр. 42.

стой и Н. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, в. II, 1889, стр. 155, рис. 137. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Р.50).

Убор состоит из серебряных удил и 23 бляшек, украшенных накладными пластинками из золота и инкрустированных сердоликами. Как известно, полихромная инкрустация характерна для сарматских ювелирных изделий¹.

На двух крайних бляшках выштампованы рельефные знаки, часто встречающиеся на боспорских каменных плитах и пряжках.

Наряду с многочисленными золотыми украшениями, частью также инкрустированными, в погребении найдено серебряное блюдо с именем царя Рискупорида.

На основе сопоставления этого погребения с другими Шкорпил² датирует его III в. н. э., но указывает, что в «Русских древностях» (т. I, стр. 66) оно отнесено к I в. н. э. А. П. Иванова³ также датирует это погребение III в. (точнее — началом III в. н. э.) и склоняется к мысли, что в нем был похоронен боспорский царь Рискупорид III. Знаки на бляшках не совпадают со знаком Рискупорида III на плите № 13, хотя и близки им.

89

№ 90

В погребении с золотой маской Ашик нашел часть второго конского убора, аналогичного № 89. Он также хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Р. 51) и состоит из восьми бляшек (остальные, видимо, утеряны).

На одной из бляшек имеется знак; симметричной второй бляшки со знаком недостает.

Этот убор поступил в Эрмитаж в 1851 г. и, насколько нам известно, не издавался.

№ 91

Часть конского убора с бляшками, покрытыми листовым золотом. Найдена Ашиком в 1841 г. в кургане около Керчи (склеп № 1) и им же из-

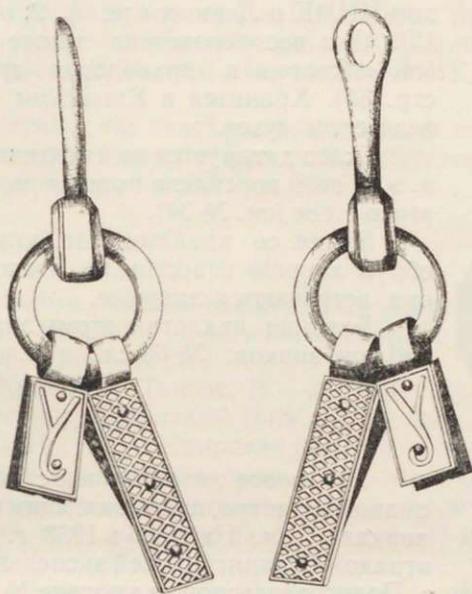
¹ См. А. П. Иванова, Искусство античных городов Северного Причерноморья, 1953, стр. 177 и 182.

² ИАК, в. 37, стр. 34.

³ А. П. Иванова, ук. соч., стр. 176 сл.

дана (Боспорское царство, 1848, ч. II, стр. 47 сл., № 39; ч. III, стр. 72 и рис. 209а). Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № П.1841.27).

На некоторых бляшках имеются рельефные штампованные знаки, напоминающие букву У.

91

В гробнице найдено много драгоценных вещей, в том числе золотая диадема, оружие, отделанное золотом и камнями, золотое шитье на остатках одежды погребенного и т. д. Кроме того, там было обнаружено два золотых кружка с изображением головы царя и надписью, соответствующими монетам Рискупорида III, что дает возможность датировать погребение началом III в. н. э.

Интересно отметить, что на симметрично расположенных бляшках форма знаков совпадает не полностью, а соответствует как бы их зеркальному отражению.

Аналогичные знаки имеются на боспорских плитах № 18 и 49 и других памятниках.

Рассмотренные примеры показывают, что конские уборы со знаками встречаются в богатых, иногда даже царских погребениях.

№ 92

Серебряная бляха от конского убора. Найдена вместе с другими предметами в склепе № 1 около с. Красногорского (б. Нейзац). Рисунок бляхи помещен в отчете Эрнста об его разведках в районе Нейзаца в 1927 г. (Архив ИИМК в Ленинграде, ф. 2, оп. 1, № 146, л. 12). Она воспроизведена также П. Н. Шульцем (сб. «История и археология древнего Крыма», стр. 86). Хранится в Крымском областном краеведческом музее.

92

Склеп датируется по находкам первыми веками н. э. В этом же склепе имеется два знака, вырезанные в стене (см. № 34).

Бляхи со знаками для украшения конской сбруи хорошо известны на Боспоре. Вне Боспора они встречаются впервые.

Близкие аналогии этому знаку см. в общей таблице знаков, № 68 сл.

№ 93

Бронзовое литое зеркало с большим рельефным знаком в центре, напоминающим букву X. Диаметр зеркала 5 см. Найдено в 1953 г. Нижневолжским отрядом Сталинградской экспедиции (руководитель

К. Ф. Смирнов) около с. Политотдельского в кургане № 7, погребении 1. Зеркало находится в лаборатории ИИМК (инв. № 135). Издается в «Трудах» Сталинградской экспедиции. Весь археологический комплекс находок датируется II—III вв. н. э.

№ 94

Зеркало из белого металла с большим рельефным знаком в центре, совершенно тождественным знаку на зеркале № 93. Диаметр — 4,4 см. Найдено в 1925 г. при раскопках Б. Н. Гракова и П. С. Рыкова у с. Харьковки, Сталинградской области, в кургане № В-10. Хранится в ГИМ (инв. № 57793).

№ 95

Фрагмент зеркала с орнаментом из кругов и треугольников и знаком в виде свастики с прямыми концами. Диаметр зеркала около 5 см. Найдено около Майкопа. Хранится в ГИМ (инв. № 48802)

№ 96

Бронзовое зеркало с большим рельефным знаком в виде свастики, но с округло загнутыми концами. Диаметр зеркала 5,2 см. Найдено в 1902 г. в грунтовом могильнике около Краснодара (на б. кирпичном заводе Трахова). См. ОАК за 1902 г., стр. 135; ИАК, прибавл. к в. 5, стр. 41; дисс. Н. В. Анфимова, 1954, стр. 243, архив ИИМК. Хранится в ГИМ (инв. № 46943).

Интересно отметить, что свастика с округлыми концами обнаружена нами на одной глиняной плитке с Краснодарского городища на Дубинке (Краснодарский музей, инв. № 2776, А 2007).

№ 97

Бронзовое зеркало с утолщенным краем и рельефным знаком в центре. Диаметр зеркала 6,2 см. Найдено в Танаисе во время раскопок Н. И. Веселовского в 1908—1909 гг.

Издано Т. Н. Книпович (Танаис, М.—Л., 1949, стр. 55, рис. 13). Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Тн. 293).

На основе аналогий Т. Н. Книпович (ук. соч., стр. 57) приходит к выводу, что зеркала этого типа существовали не позже II в. н. э.

Прямым аналогий знаку на этом зеркале мы не встречали. Близки по очертаниям верхний знак на плите из Анапы (№ 31) и один из знаков в пещере Ак-Кая № 2 (№ 58).

№ 98

Бронзовое зеркало. Диаметр 7 см. Найдено в Керчи. Хранится в Одесском археологическом музее (инв. № 69004). Большой рельефный знак полностью совпадает со знаком на плитах с именем боспорского царя Ининфимея (см. № 14—16)¹.

№ 99

Бронзовое зеркало с рельефным знаком, как на зеркале № 98, но дополненным сверху точкой. Куплено в 1913 г. в Керчи. Издано Б. В. Фармаковским (АА 1914, т. XXIX, стр. 210 и 215, рис. 18). Хранится в ГМИИ (инв. № П. Ia 416).

¹ Н. Jäpichen, ук. соч., табл. 19, 5 и 6 — сарматские зеркала с аналогичными знаками из Румынии.

93

95

94

96

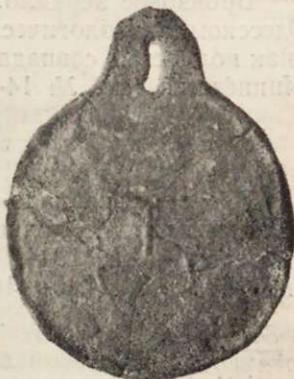
98

99

97

100

№ 100

Бронзовое зеркало с большим рельефным знаком, аналогичным знаку на зеркалах № 98 и 99, но с двумя точками вверху. Зеркало имеет несколько удлиненную форму и состоит из пяти кусков. Его диаметр 6—6,5 см. Хранится в Киевском историческом музее (инв. № АС 31244). Место находки неизвестно. Имеется лишь указание, что оно было передано из Киево-Печерской лавры в 1924 г.

№ 101

Бронзовое зеркало. Найдено в Керчи на Глинище. Издано Шкорпиллом (Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г., ИАК, в. 9, 1904, стр. 155, № 444). Место хранения неизвестно.

Вместе с зеркалом в земляной гробнице, покрытой плитами и черепицей, в детском погребении были найдены: медная монета (сильно окисленная), простая бронзовая фибула, обломки глиняного одноручного сосуда, стеклянный бальзамарий и обломки терракотовой женской статуэтки.

Большой знак на зеркале представляет собой вариант знака Ининфимея с двумя поперечными перекладинами, как на некоторых лапидарных памятниках (ср. № 17 и 45).

Изображение всего зеркала не опубликовано, а помещены лишь общие очертания знака; поэтому более точно судить об этой находке не представляется возможным.

№ 102

Бронзовое зеркало. Диаметр 6 см. Издано в ОАК за 1904 г., стр. 75, и в отчете Шкорпила о раскопках в Керчи в 1904 г. (ИАК, в. 25, стр. 16, № 62, рис. 6). Хранится в ГИМ (инв. № 49473).

Зеркало найдено в Керчи, в земляной гробнице на Почтовой дороге. Оно находилось на груди погребенного; шея и руки последнего были украшены бусами и браслетами, в ногах лежали нож, наконечник копья, долото и секира; на уступах гробницы были найдены обломки простого глиняного горшка, глиняный сосуд и другие вещи.

Большой рельефный знак, занимающий на этом зеркале почти весь диск, также представляет собой усложненный вариант знака Ининфимея. Он очень близок знаку на боспорской плите № 17 с аналогичными раздвоениями («усиками») на концах. Интересно отметить, что в соседней могиле была найдена монета Ининфимея.

№ 103

Бронзовое зеркало. Диаметр 5 см. Оно разломано на несколько частей, ручка не сохранилась. Найдено в Ольвии в 1912 г. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Ол. 16767).

Из-за плохой сохранности металла с трудом удается полностью восстановить форму знака (см. рис. VI, ряд V, 4). Такой знак не встречался нам на зеркалах, однако он совершенно тождествен знаку на плитах из Тетчан, Малой Козырки и Кривого Рога (см. № 32, 36 и 43).

№ 104

Бронзовое зеркало. Найдено Шкорпиллом на берегу Керченского пролива, между Керчью и Еникале, в земляной гробнице № 99 (10) вместе с терракотами, бусами, бронзовым браслетом и астрагалом. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № П.1909.128).

Рельефный знак занимает почти весь диск. Грубая обработка и недостаточная сохранность не дают возможности полностью установить очертания знака. Сразу бросается в глаза, что знак, в отличие от других, асимметричный и расположен не по основной оси, а наискось (см. рис. VI, ряд IV, 5). Отдельные элементы этого сложного изображения близки сарматским знакам и орнаментальным мотивам на других зеркалах, но в данном сочетании встречаются впервые.

№ 105

Бронзовое зеркало. Найдено П. А. Двойченко в 1904 г. в дер. Саблы (теперь с. Партизанское) в коллективной могиле на скале. Краткий отчет об этих раскопках опубликован П. А. Двойченко в ИТУАК, в. 51, 1914, Протоколы, стр. 289 сл. Хранится в Крымском областном краеведческом музее (инв. № А. 2939). На основе комплекса вещей погребение датировано концом I—II вв. н. э.

Рельефное изображение очень близко к знаку свастики на зеркале № 96, только концы ее сильнее загнуты, а в центре помещена небольшая окружность, как бы накрывающая часть знака. Здесь трудно отличить орнамент от знака (см. рис. VI, ряд I, 3).

№ 106

Бронзовое зеркало. Найдено в б. Верхнеднепровском уезде, Екатеринославской губернии. Издано Ханенко (ДП, в. III, К., 1900, табл. XLII, 344 — четвертое с края).

Орнамент полностью совпадает с предыдущим, лишь концы свастики еще более закручены (см. рис. VI, ряд I, 4).

№ 107

Бронзовое зеркало. Диаметр 5,8 см. Найдено в Ольвии в 1938 г. (Нижний город) в археологическом комплексе I—II вв. н. э. Хранится в Киевском историческом музее (инв. № В₅ 2002).

Большой рельефный знак прямых аналогий не имеет: он несколько напоминает по форме монограмму греческих букв X и M.

№ 108

Зеркало из белого металла, расколотое на две части. Диаметр 4 см. Найдено в 1929 г. в г. Краснодаре на Почтовой улице. Хранится в Краснодарском историко-краеведческом музее (коллекция 223, № 385, погр. 79/6).

При строительстве дома был случайно обнаружен большой меотский могильник, существовавший с IV в. до н. э. по III в. н. э. и, по-видимому, связанный с разведанным на территории городского парка меотским городищем. В ранних погребениях зеркала такого типа не встречались. Это зеркало (как и ряд других, о которых будет сказано ниже) найдено в комплексе, датируемом II—III вв. н. э.¹

Рельефное изображение представляет собой сочетание двух орнаментальных мотивов. В основе одного из них, по нашему мнению, лежит знак свастики с округленными концами, очень близкий знаку на зеркале № 105. Второй орнаментальный мотив в виде «птичьих лапок» встречается весьма часто (см. ниже). Он имеется и на зеркалах с петлеобразной ручкой в центре, которые относятся к более позднему времени. Так, Т. Н. Книпович (Танаис, стр. 57) датирует их V—VIII вв. н. э. См. зеркало, найденное в кургане у с. Котово, б. Саратовской губернии, изданное в ОАК за 1898 г., стр. 77 сл., рис. 142, и хранящееся в Государственном Эрмитаже (инв. № Во. 1898 1/9); зеркало из Закарпатья, найденное в с. Косино в погребении V в. н. э. и изданное Эйсером (J. Eisner, Slovensko v pravěku, Bratislava, 1933, стр. 237, рис. 21,7). Ср. аналогичное рельефное клеймо на дне сероглиняного сосуда из средневекового слоя Тиритаки (МИА, № 25, рис. 126) и клеймо на амфорной ручке, изданное Придиком (ук. соч., табл. XVI, 60).

В связи с орнаментом из «лапок» интересно привлечь в качестве аналогии две новые находки. Одна из них — глиняный кружок, найденный К. Э. Гриневичем в Ольвии (раскопки 1955 г.) в слое первых веков н. э. На одной стороне кружка (диаметр его 5,5 см) процарапано изображение солнечного диска с расходящимися лучами, а на другой — две линии, перекрещивающиеся в центре под прямым углом, с «лапками» на концах. Таким образом, по форме, размеру и орнаменту эта непонятная поделка производит впечатление глиняной копии с маленьких сарматских зеркал, выполненной с какой-то специальной целью.

Другая находка была сделана Д. Б. Шеловым при раскопках Танаиса в 1955 г. В помещении Г (раскоп 2), существовавшем до середины III в. н. э.,

¹ Все сведения о могильнике на Почтовой улице нам любезно сообщил Н. В. Анфимов, который вместе с М. В. Покровским наблюдал за ходом раскопочных работ в 1929 г.

были найдены глиняные печатки с глубоко врезанным орнаментом из аналогичных четырех «лапок» с окружностью в центре (как на зеркалах) и различным числом круглых ямок.

По мнению Д. Б. Шелова (Отчет о раскопках Танаиса в 1955 г., архив ИИМК), эти печатки, вероятно, служили для изготовления культовых лепешек.

№ 109

Зеркало из белого металла, обломанное по краям. Диаметр 4,5 см. Найдено в том же могильнике, где и зеркало № 108. Хранится в Краснодарском историко-краеведческом музее (коллекция 223, № 199, погр. 39/2).

Орнамент такой же, как на зеркале № 108, только концы свастики, еще более удаляясь от своего прототипа, загнуты не в одном направлении, а поочередно то в одну, то в другую сторону.

№ 110

Зеркало из белого металла. Найдено в том же могильнике, где и зеркала № 108 и 109, в погребении № 39. Издано Н. В. Анфимовым (Древние поселения Прикубанья, Краснодар, 1953, стр. 67). Хранится в Краснодарском музее. Орнамент полностью совпадает с орнаментом на зеркале № 109.

№ 111

Фрагмент зеркала из белого металла. Найден в том же могильнике, где и зеркала № 108—110, в погребении № 141/1. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № 1098/10).

Орнамент аналогичен предыдущим, но концы свастики направлены в одну сторону и закручены внутрь в виде спирали. На этих зеркалах можно хорошо проследить постепенную стилизацию первоначальной формы знака, использованного для орнамента.

№ 112

Бронзовое зеркало. Диаметр 4,4 см. Найдено в Ольвии в 1906 г. в могиле № 26. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Ол. 1654). В той же могиле найден серебряный перстень с овальным плоским щитком. Вещи и монеты датируют погребение II в. н. э.

Поверхность зеркала сильно повреждена, поэтому полностью рассмотреть орнамент не удается. Он в основном соответствует предыдущим, но несколько иных пропорций: окружность в центре больших размеров, а завитки меньших.

№ 113

Зеркало из белого металла. Диаметр около 5—6 см. Найдено М. П. Покровским в стан. Пашковской, в могильнике № 2, датируемом I—II вв. н. э. Издано им же (Городища и могильники среднего Прикубанья, Труды Краснодарского пединститута, т. VI, в. 1, 1937, стр. 31, рис. 25).

По сообщению Н. В. Анфимова, зеркало это утеряно.

Орнамент на зеркале аналогичен орнаменту на рассмотренных выше зеркалах, но оба орнаментальных мотива повторены не четыре, а три раза.

№ 114

Бронзовое зеркало. Диаметр 4,4 см. Найдено в б. Верхнеднепровском уезде, Екатеринославской губернии. Издано Ханенко (ДП, в. III, табл. XLII, 344 — второе слева). Хранится в Киевском историческом музее (инв. № АС 10431). Орнамент аналогичен предыдущим с еще одним вариантом расположения концов свастики. Отметим, что здесь уже нарушено пересечение концов свастики через центр.

№ 115

Небольшое зеркало с отломанной ручкой. Издано Ханенко (ДП, в. II, К., 1899, табл. XV, 237—240 — нижнее). Орнамент аналогичен предыдущему, лишь концы свастики загнуты иначе.

№ 116

Бронзовое зеркало. Диаметр 4,3 см. Место находки его неизвестно. Хранится в Одесском археологическом музее (инв. № 46481).

Орнамент аналогичен предыдущим, но здесь еще больше нарушены симметрия и расположение по центру.

№ 117

Бронзовое зеркало. Диаметр 4 см. Найдено в 1925 г. при раскопках Б. Н. Гракова и П. С. Рыкова у с. Харьковки, Сталинградской области, в кургане № В-7 вместе с другим зеркалом (№ 94). Хранится в ГИМ (инв. № 57793).

Один из мотивов рельефного орнамента полностью совпадает с предыдущим, что же касается свастики, то здесь она разорвана на четыре отдельных элемента, направление которых уже совсем не связано с центром. Таким образом, единство первоначальной формы оказывается нарушенным.

102

107

108

109

114

116

117

119

120

№ 118

Два бронзовых зеркала. Найдены в восточном участке некрополя Неаполя скифского в 1956 г., в могиле № 3 (раскопки Э. А. Сымоновича). Хранятся в ГМИИ.

Этот могильник датируется II в. до н. э.—III в.н. э. и является смешанным по характеру погребальных сооружений (земляные склепы, подбойные и грунтовые могилы), положению костяков (вытянутые и скорченные) и инвентарю. В последнем ясно прослеживаются сарматские элементы.

Могилы № 3 — подбойная, с двумя погребениями; в каждом из них найдены совершенно целые зеркала, украшенные рельефным орнаментом из «лапок» и завитков. Орнамент на зеркале из погребения I полностью совпадает с орнаментом на зеркале № 117. Вместе с зеркалом были найдены глиняные сосуды, фибула, браслеты, бусы, датируемые первыми веками н. э.

№ 119

Бронзовое зеркало. Диаметр 4 см. Найдено вместе с зеркалом № 114 в б. Верхнеднепровском уезде, Екатеринославской губернии. Издано Ханенко (ДП, в. III, табл. XLII, 344 — крайнее справа). Хранится в Киевском историческом музее (инв. № АС 10430).

Это зеркало очень близко по орнаменту зеркалу № 117, хотя одно из них найдено на Днестре, а другое — в районе Волги. Здесь уже почти невозможно узнать лежащую в основе свастику, так как концы имеют слабые загибы, а линии расположены параллельно другому орнаменту.

№ 120

Зеркало с отломанной ручкой. Найдено в Танаисе при раскопках Тизенгаузена. См. в ГИМ Каталог Румянцевского музея, № 1456. Хранится в ГИМ (инв. № 54746).

Изображение представляет собой вариант одного из рассмотренных орнаментальных мотивов.

№ 121

Бронзовое зеркало. Найдено в Ольвии. Хранится в Одесском музее (инв. № 45006), куда поступило в 1877 г.

Орнамент сходен с предыдущим, но выполнен четкими параллельными линиями.

№ 122

Зеркало из белого металла. Диаметр 4,5 см. Найдено в 1954 г. при раскопках могильника I—III вв. н. э. около с. Заветного, Бахчисарайского района, в могиле № 3. См. отчет Н. А. Богдановой о работах архео-

логической экспедиции Бахчисарайского музея в 1954—1955 гг. (архивы ИИМК и Бахчисарайского музея). Хранится в Бахчисарайском историко-археологическом музее (колл. № 5814, пол. оп. № 10).

Зеркало лежало в кожаном мешочке около левой руки погребенного вместе с ключиком от шкатулки, фибулой, детским браслетом и другими вещами.

Орнамент на зеркале целиком составлен из мотива «лапок», повторенного не четыре раза, как при сочетании со свастикой, а восемь раз. В результате получается сложное изображение, напоминающее восьмиугольную звезду (см. рис. VI, ряд III, 4).

№ 123

Два бронзовых зеркала. Диаметр 4 и 4,5 см. Найдены при раскопках Веселовского в 1889 г. около Симферополя, в некрополе Неапсля скифского. Хранятся в ГИМ (инв. № 25825). Орнамент одинаковый, состоит из расходящихся от центра лучей (см. рис. VI, ряд IV, 1).

№ 124

Бронзовое зеркало. Найдено в районе могильника на Почтовой улице в Краснодаре. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № 1098/27).

Посредине зеркала изображена небольшая окружность, пересеченная по центру перекрестием под прямым углом. Вокруг расположено множество расходящихся лучей (см. рис. VI, ряд IV, 2).

№ 125

Бронзовое зеркало. Диаметр 4,7 см. Найдено в Херсонесе. Хранится в Одесском археологическом музее (инв. № 46941).

Орнамент представляет собой вариант свастики, но состоящей не из четырех, а из шести линий с округло загнутыми концами. Подобный орнамент встретился нам впервые.

№ 126

Зеркало из белого металла. Диаметр 4,5 см. Найдено вместе с другими зеркалами (см. № 108—111) в могильнике на Почтовой улице в Краснодаре. Хранится в Краснодарском музее (коллекция 223, № 338, погр. 66/3).

Один из орнаментальных мотивов совпадает с подобным же на зеркалах № 106 сл., другой мы встречаем на зеркале впервые. Он состоит из четырех почти одинаковых изображений, очень близких нижней части трехчленных знаков на боспорских плитах, пряжках и других памятниках. Различаются они тем, что на одних верхняя кривая линия замкнута, образуя петли, на других — нет. Наиболее близкую аналогию изображению с замкнутой кривой мы встречаем на боспорской плите № 45.

№ 127

Зеркало из белого металла. Диаметр 4,3 см. Найдено в могильнике на Почтовой улице в Краснодаре. Хранится в Краснодарском музее (коллекция 223, № 511, погр. 106/2).

Орнамент может быть понят как удвоение мотива свастики. Ср. зеркало, изданное М. И. Вязьмитиной («Археология», т. VIII, К., 1953, стр. 69, рис. 6, 4).

№ 128

Зеркало из белого металла, несколько вытянутой формы. Диаметр 4,3—4,7 см. Найдено в том же могильнике, что и зеркало № 127, около женского костяка. Хранится в Краснодарском музее (коллекция 223, № 444, погр. 90/1).

Это зеркало отличают от других более высокая ручка, широкий край, возвышение в центре в виде шишечки, от которой расходятся лучи, и, наконец, местоположение знака. Вне орнамента, занимающего почти всю поверхность диска, в верхней части около ручки расположен небольшой рельефный знак, имеющий близкую аналогию на одном из ольвийских львов (№ 41, знак около гривы) и других памятниках.

Изображение в центре окружности с расходящимися лучами, возможно, имитирует солнечный диск, поэтому и знак помещен в необычном месте.

№ 129

Золотая пластинка. Найдена Веселовским в 1902 г. на Кубани в стан. Тифлисской, в кургане № 10. Издана в ОАК за 1902 г., стр. 67, рис. 138.

В том же комплексе найдены украшения из золота и стекла и фрагменты серебряных пластинок (ГИМ, инв. № 48478). Судя по сохранившимся верхним частям пластинок, они имели такую же форму.

Аналогичные знаки встречаются многократно, причем, как правило, на памятниках со множеством знаков: на стенах склепов № 34 и 57, ольвийских львах (№ 41), плите из Кривого Рога (№ 43).

№ 130

Золотая бляшка с тремя завитками. Найдена в 1906 г. на Кубани в стан. Некрасовской, при исследовании грабительского хода в кургане № 5. Хранится в ГИМ (инв. № 48858).

Бляшка имеет аналогии в знаках на плите из Кривого Рога и в пещере Ак-Кая № 1.

№ 131

Золотые нашивные бляшки. Найдены в 1902 г. в стан. Тифлисской, в кургане № 1, II в. н. э. Изданы в ОАК за 1902 г., стр. 65, рис. 134. Хранятся в ГИМ (инв. № 48478).

Аналогичную форму имеют многие знаки. Ср. для примера знак на одном из котлов (№ 139), на ольвийских львах и т. д.

№ 132

Золотые прорезные бляшки. Найдены в сарматских погребениях на Кубани. См. М. И. Р о с т о в ц е в, Эллинизмо и иранство на юге России, 1918, стр. 133, табл. XIV, 4. Формы бляшек близки к знакам.

№ 133

Бляшки нашивные. Найдены в 1903 г. в Армавире, в кургане № 1. Изданы в ОАК за 1903 г., стр. 64, рис. 112. Хранятся в Государственном Эрмитаже.

Одна бляшка близка по форме двум названным выше; другая имеет форму креста, третья напоминает якорь (ср. знак из склепа около Красногорского, № 34). Бляшки можно датировать примерно первыми веками н. э.

№ 134

Бляшка. Рисунок имеется в архиве ИИМК в Ленинграде, ф. 5, № 322, л. 203 (архив Спицына). Указано, что это скифский памятник, найденный в одном из погребений на Украине.

Аналогичную форму знака мы встречаем на плите из Кривого Рога (№ 43), на ольвийской плите 1946 г. (№ 60), на плите № 18 и др.

№ 135

Бронзовые бляшки. Найдены Ашиком в Керчи на горе Митридат во время раскопок 1841—1842 гг. Хранятся в Государственном Эрмитаже (инв. № П. 1841/42.39). Видны остатки дерева, к которому они были прикреплены. Знак аналогичной формы имеется на плите № 60.

№ 136

Железная пластинка с остатками позолоты. Найдена Веселовским в 1901 г. в стан. Казанской на Кубани в кургане № 6. См. ОАК за 1901 г., стр. 73. Хранится в ГИМ (инв. № 42382). По сопровождающим находкам (стеклянный римский флакон и др.) датируется II в. н. э.

121

125

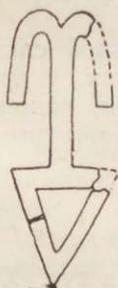
126

127

128

129

130

131

133

133

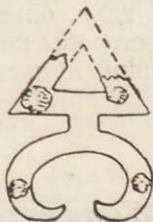
133

134

132

135

В основе более сложной фигуры ясно угадываются известные нам формы знаков. Верхняя часть имеет аналогию в знаке Савромата II, нижняя повторяет петлеобразные знаки.

136

137

№ 137

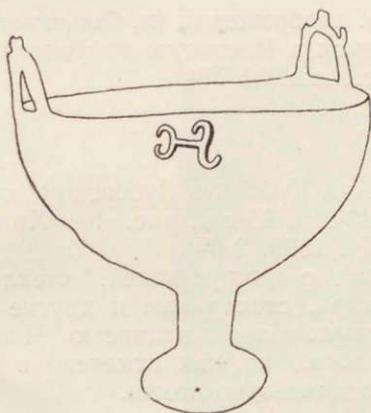
Бронзовый котел. Найден в б. Донской области (стан. Еланская, хут. Попова на Чиру). Издан в Отчете Исторического музея за 1913 г., стр. 13, рис. 14 и 15. Хранится в ГИМ (инв. № 48622).

Высота котла 40 см. На тулове под одной из ручек — большой сложный знак, близкий знаку Ининфимея на боспорских памятниках. С другой стороны котла, под второй ручкой, имеется небольшой знак, напоминающий лунарную сигму с сильно загнутыми концами. Он также имеет ряд аналогий (см. общую таблицу знаков, № 43 сл.).

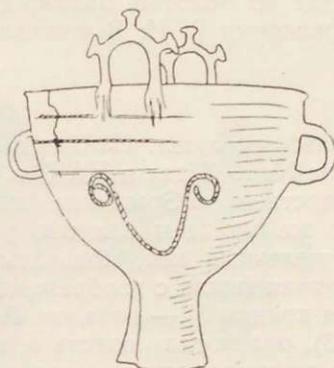
№ 138

Котел из розовой бронзы. Найден Веселовским в 1899 г. в хут. Харина на Кубани, в Хатажукаевском кургане № 1, погребении 1. Издан в ОАК за 1899 г., стр. 50, рис. 96. Хранится в ГИМ (инв. № 42415).

Знак близок к знаку Ининфимея.

138

139

В той же богатой женской могиле найдены золотые украшения, зеркало, бронзовые и глиняные кувшины, колокол, молоток, части конского убора и другие вещи. Комплекс датируется I в. до н. э. — I в. н. э.¹

№ 139

Бронзовый котел. Найден в 1852 г. в дер. Карагай, б. Ишимского уезда, Тобольской губернии. Издали И. Толстой и Н. Кондаков (ук. соч., в. III, стр. 68, рис. 79), затем Гампель (I. H a m p e l, *Skythische Denkmäler aus Ungarn, Budapest, 1895*, стр. 13, рис. 12) и Бела Пошта (ук. соч., стр. 532 и 538, рис. 302). Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № 1292/46).

В протоколе заседаний Русского археологического общества от 19 февраля 1853 г. (Архив ИИМК в Ленинграде, д. 392, л. 34) указано, что этот котел вместе с двумя другими был найден на глубине 2½ аршин от первого наносного слоя земли и поступил в общество от генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта.

Высота котла 38, диаметр 35 см. На нижней части тулова, несколько в сторону от ручек, расположены большие рельефные знаки одинаковой формы.

Бела Пошта (ук. соч., стр. 539) датирует котел первыми веками н. э. Подобные знаки простых очертаний встречаются на бляшках и других

¹ К. Ф. Смирнов (КСИИМК, в. 46, 1952, стр. 14) датирует группу зубовско-зодвиженских курганов Прикубанья временем от III—II вв. до н. э. по II в. н. э.

изделиях Северного Причерноморья. Ср. изображения на большом глиняном сосуде из Золотой Балки, хранящемся в Институте археологии АН УССР (раскопки Р. И. Выезжева 1951 г., инв. № 174).

№ 140

Бронзовый котел. Найден в 1899 г. на Кубани в Зубовском хуторе, в кургане № 1. Издан в ИАК, в. 1, 1901, стр. 96 сл., рис. 10. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Ку. 1899. 2/25).

Там же найдены золотые украшения с инкрустацией, стеклянная чашка, железный меч, кольчатый панцырь, стеклянные и другие бусы и серебряная фиала с изображением оленьих голов и надписью. Чаша датируется концом V — началом IV в. до н. э., но, как отмечено в отчете (стр. 103), она могла попасть в курган значительно позже.

Под двумя высокими ручками котла, как бы составляя их продолжение, выполнены рельефные орнаментальные украшения, очень близкие по форме знакам.

№ 141

Бронзовый котел. В архиве Спицына (Архив ИИМК в Ленинграде, ф. 5, № 322, л. 50) помещен рисунок этого котла и указано, что два экземпляра хранились в Екатеринославском музее. Котлы охарактеризованы Спицыным как скифские.

Рельефные изображения под ручками близки по форме имеющимся на котле № 140, хотя они несколько усложнены, еще более приближаясь к знакам.

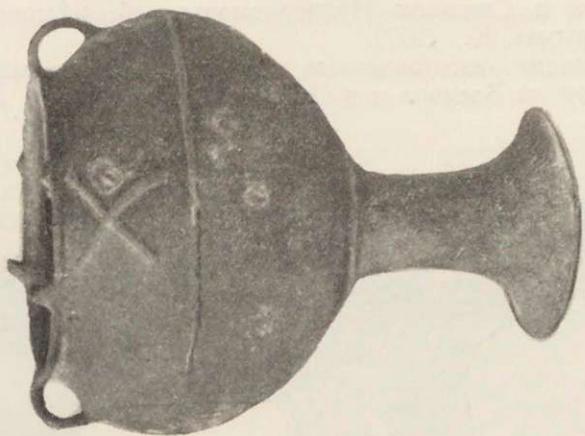
№ 142

Медный сарматский котел. Найден в кургане около с. Ярошевки, Киевской области. Хранится в Киевском историческом музее (инв. № Б 44-30).

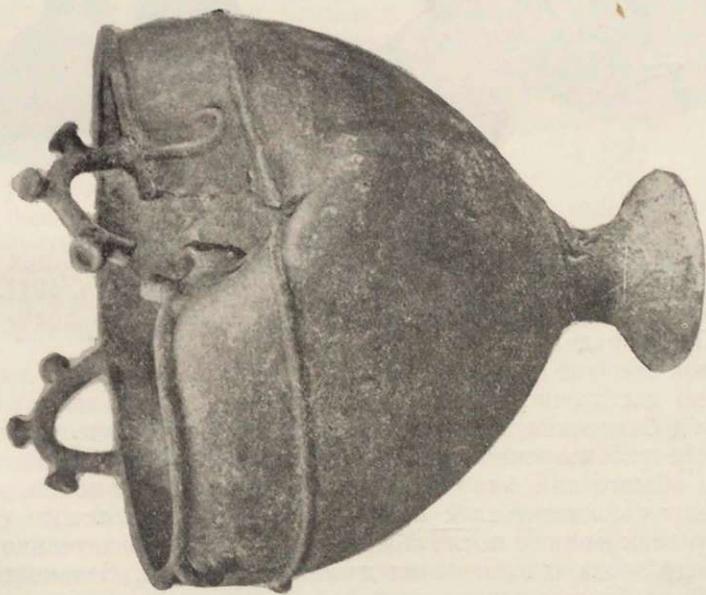
Имеет маленькие размеры (высота 21, диаметр 17 см). На тулове симметрично расположены два одинаковых знака в виде перекрестия (ср. № 27 и 44).

№ 143

Глиняный бычок. Найден в 1903 г. в Керчи в районе Глиница, на западном берегу Керченской бухты, недалеко от городской скотобойни, в детском погребении (могила № 312) вместе с обломками другого бычка, хорошо сохранившейся глиняной повозкой, двумя бусами и 17 астрагалами. Все вещи хранятся в Государственном Эрмитаже. Бычок (инв. № П.

142

140

1903.133) и повозка (инв. № П.1903.132) изданы П. Беньковским (О терракотовых повозочках из Керчи, ИАК, в. 9, 1904) и в нашей статье (О таврении скота в Северном Причерноморье, сб. «История и археология древнего Крыма», К., 1957).

Эти изделия, изготовленные местными коропластами, находят близкие аналогии на Боспоре и в Ольвии. Ср. глиняного бычка из Ольвии,

143

изданного Э. Р. Штерном (Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря, Сборник в честь Бобринского, 1911, стр. 26, рис. 33) и терракоту из Илурата, найденную в 1949 г. и хранящуюся в ИИМК в Ленинграде.

На левой лопатке бычка до обжига, по сырой глине, был вырезан неглубокий, но достаточно четкий знак. Следовательно, знак является не позднейшим добавлением, а нанесен мастером при изготовлении терракоты. Внимательное рассмотрение знака показывает, что конец одной линии заплыл при обжиге или был случайно затерт пальцами по сырой глине. Поэтому нельзя согласиться с предположением Беньковского (ук. соч., стр. 66), что знак нанесен после обжига. Столь же неубедительно его мнение по поводу знака и назначения данной терракоты. Беньковский (ук. соч., стр. 70) принимает глиняного бычка за амулет, а очертания знака за греческие буквы К и Σ.

Мы считаем более правильным рассматривать бычка как детскую игрушку, а знак как изображение тавра (ср. № 35 и 36). Знак на бычке имеет аналогии и на других памятниках Северного Причерноморья (№46, 50, 52 и др.).

Обращает на себя внимание, что на правом переднем колесе повозки, составлявшей часть той же игрушки, видны следы греческих букв. Сохранность букв плохая, ясно видно букву ϵ , затем, возможно, следуют Γ и еще какая-то буква. Таким образом, как и во многих других случаях, мы видим на одном и том же памятнике сочетание греческих надписей и местных знаков.

№ 144

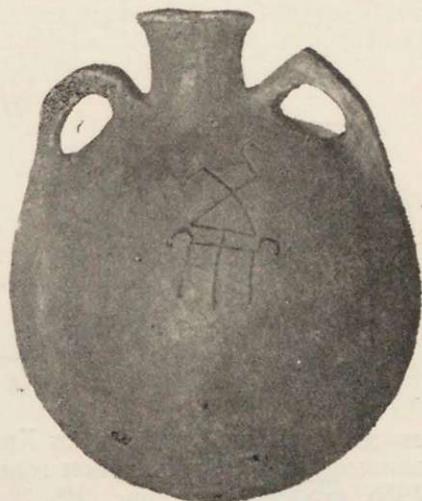
Красноглиняная плоская фляга с двумя ручками. Найдена в Керчи. Хранится в Одесском археологическом музее (инв. № 20853)¹.

Вероятно, фляга является случайной находкой, так как, по записи в инвентарной книге, она была подарена музеем Новиковым в 1899 г.

Размеры фляги: высота 19, ширина 16 см.

Фляги аналогичной формы имели широкое распространение в Причерноморье и были удобны в походе и при верховой езде. Ср. флягу из Николаевского музея (инв. № 1236).

На корпусе фляги глубокой и четкой линией вырезан известный знак боспорских царей. Знак, несомненно, выполнен до обжига по сырой глине, следовательно, мастером, изготавливавшим флягу.

144

№ 145

Глиняный лепной горшок грубой работы. Найден в 1952 г. Сталинградской экспедицией (раскопки В. П. Шилова) около с. Рахинки, в Калиновском могильнике, кургане № 8, погребении 10. Издан В. П. Шиловым (Раскопки Калиновского курганного могильника, КСИИМК, в. 59, 1955, стр. 125, рис. 51, 13). Хранится в ИИМК в Ленинграде (инв. № 351).

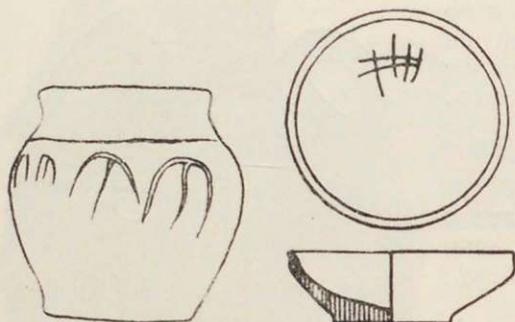
Сосуд найден в раннем сарматском комплексе, датируемом III—II вв. до н. э.

¹ См. И. И. Козыренко, ук. соч., стр. 91, табл. I, 1.

Вокруг сосуда по верху тулова до обжига неровно проведена линия, а под ней — большие одинаковой формы знаки. Они особенно интересны тем, что относятся к немногим известным нам образцам раннего времени. Их форма совпадает с одним из вариантов нижней части трехчленных боспорских знаков (ср. № 9, 24 и др.).

В 1954 г. в Сталинградской области было обнаружено еще два лепных сосуда с аналогичными знаками, процарапанными по сырой глине. Один

в с. Верхне-Погромном, в кургане № 2, погребении № 14, датируемом IV в. до н. э. (раскопки В. П. Шилова), другой — во втором Бережновском могильнике, в кургане № 14 II в. до н. э. (раскопки И. В. Силицына).

145

146

№ 146

Красноглиняная миска. Найдена В. П. Шиловым в 1952 г. при раскопках грунтового могильника около Елизаветинского

городища (недалеко от Краснодара). Издана В. П. Шиловым (Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г., СА, XXIII, 1955, стр. 248 сл., рис. 12, 2). Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № 1026).

На внутренней поверхности по сырой глине довольно небрежно вырезан знак, состоящий из четырех вертикальных линий, пересеченных двумя горизонтальными. Аналогичные изображения встречаются на кубанских глиняных плитках, в том числе и на найденных на Елизаветинском городище.

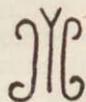
№ 147

Небольшая лепная курильница. Найдена в 1952 г. при раскопках А. В. Добровольского на городище Золотая Балка в Нижнем Поднепровье. Опубликовано М. И. Вязьмитиной («Археолог»я», т. XI, К., 1957, стр. 124, рис. 9). Хранится в Институте археологии АН УССР (инв. № 1134).

Курильница датируется первыми веками н. э.

В тулове курильницы имеется четыре круглых отверстия, между которыми чередуются елочный орнамент и знаки; сверху и снизу она украшена волнообразной линией.

Все изображения процарапаны до обжига, о чем убедительно свидетельствуют наплывы и затертые места.

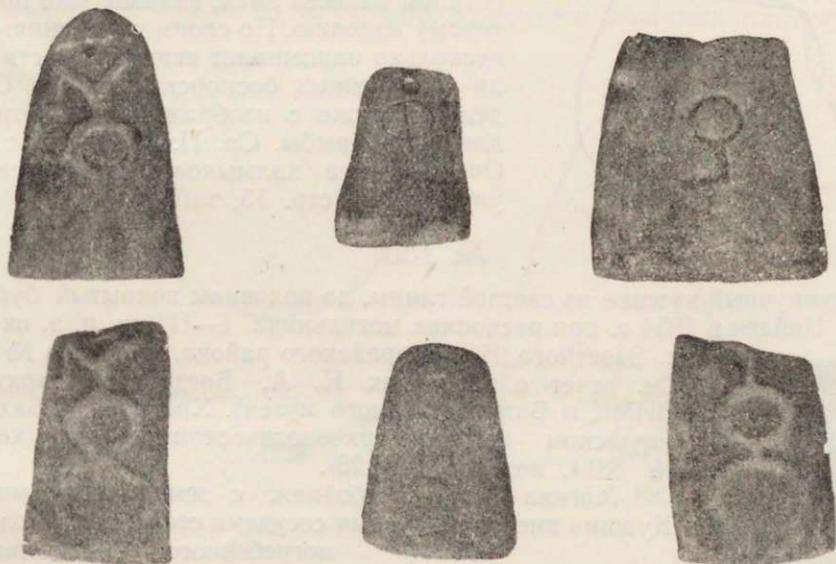

147

Точных аналогий изображениям на курильнице мы не знаем, хотя отдельные элементы близки к знакам. Поэтому, вероятнее всего, их следует отнести не к собственно знакам, а к так называемому знаковому орнаменту, хотя отделить одно от другого чрезвычайно трудно (ср. зеркала).

№ 148

Глиняные грузила. Найдены при различных раскопках на Боспоре. Часть из них опубликована В. Ф. Гайдукевичем (МИА, № 25, 1952, стр. 411 сл.). Хранятся в Керченском музее. Датируются I—III вв. н. э.

148

На грузилах имеются рельефные знаки, нанесенные при их изготовлении. Два из них близки по очертаниям боспорским знакам, один имеет форму ключа.

Интересное грузило со знаками найдено недавно при раскопках Илурата (III в. н. э.). Издано В. Ф. Гайдукевичем (Боспорский город Илурат, СА, XIII, 1950, стр. 196, рис. 9).

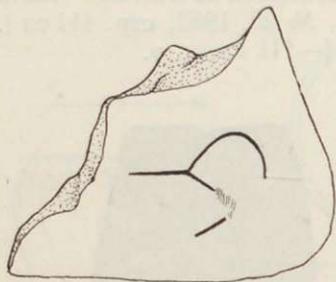
В фондах Херсонесского музея нами также обнаружено несколько грузил со знаками, например грузило прямоугольной формы (№ 590.09) с глубоко врезанной по сырой глине окружностью.

Ткацкие грузила со знаками и изображениями из Ольвии хранятся в Херсонском музее (инв. № 1022 и 1023).

Все это — клейма мастеров или, в случае домашнего производства, знаки собственности.

№ 149

Обломок большого рыболовного грузила из красноватой глины. Найден В. А. Городцовым при раскопках Елизаветинского городища в 1935 г. Хранится в Музее антропологии и этнографии (коллекция 5338, инв. № 46).

149

На широкой плоскости каким-то острием нанесен знак, видимо, уже по готовому изделию. По своим очертаниям он несколько напоминает верхнюю часть ряда трехчленных боспорских знаков. Сходен он также с изображением остроги для ловли рыбы. Ср. П. Небольсин, Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, 1852, стр. 13, табл. тамг, 14.

№ 150

Одноручный кувшин из светлой глины, до половины покрытый бурым лаком. Найден в 1954 г. при раскопках могильника I—III вв. н. э. около с. Заветного, Бахчисарайского района, в могиле № 15. См. отчет о раскопках Н. А. Богдановой (архивы ИИМК и Бахчисарайского музея). Хранится в Бахчисарайском историко-археологическом музее (колл. № 5814, пол. оп. № 126).

150

Могила № 15 — подбойная, с земляной насыпью. Кувшин вместе с другими сосудами стоял около головы погребенного. Среди инвентаря обнаружены также красноглиняный бальзамарий, створка устрицы, бронзовые иглы, маленькое зеркало сарматского типа и др.

Высота кувшина 23 см.

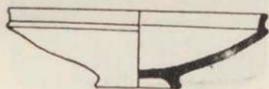
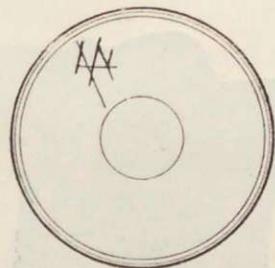
Вокруг его тулова по одной линии расположены четыре одинаковых изображения, нанесенных белой краской. По своим очертаниям они близки сарматским знакам, но прямых аналогий не имеют.

Кувшин со знаками или знаковым орнаментом и зеркало-подвеска свидетельствуют об определенных сарматских влияниях, которые прослеживаются во многих погребениях этого могильника.

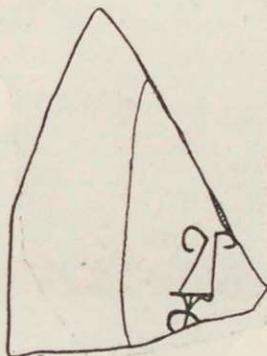
Краснолаковая миска. Найдена случайно летом 1954 г. в Краснодаре при земляных работах на ул. Седина. Хранится в Краснодарском историко-краеведческом музее.

В погребении находился костяк со скрещенными ногами и инвентарь меото-сарматского типа (фибулы, сосуды, зеркало). Весь комплекс датируется I—II вв. н. э.

Внутри миски, ближе к внешнему краю, по готовому изделию процарапан знак, состоящий из нескольких перекрещивающихся линий. Как и на миске из Елизаветинского городища (№ 146), он напоминает перекрещивающиеся линии на некоторых кубанских глиняных плитках.

151

152

№ 152

Обломок глиняного блюда. Найден Д. Б. Шеловым при раскопках Танаиса в 1955 г. на территории некрополя (раскоп III), однако не в погребении, а в грунте, что затрудняет его датировку.

Почти полностью сохранившийся знак был процарапан на блюде после обжига. Форма знака имеет многочисленные аналогии, особенно на Боспоре (см. общую таблицу знаков, № 31 сл.).

№ 153

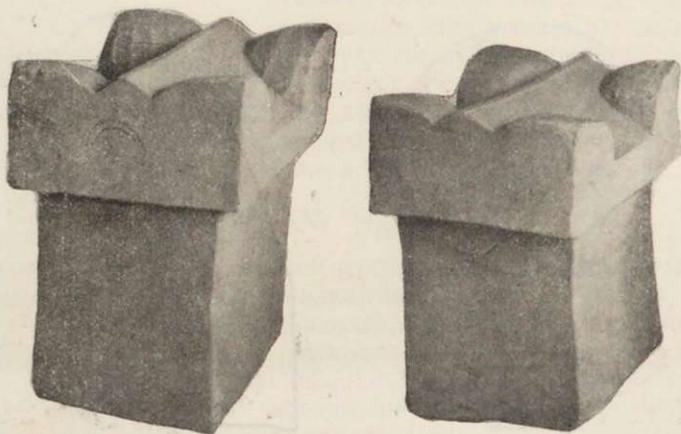
Точильные бруски. Найдены в гробницах в районе Глиница в Керчи. Изданы Шкорпиллом (Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях

в 1903 г., ИАК, в. 17, 1905, стр. 50, № 238 и стр. 51, № 242). Где они на ходятся сейчас, нам установить не удалось.

Точных зарисовок или фотографий брусков в отчете Шкорпила не приведено. Там дано лишь примерное очертание знаков, которые похожи на буквы: К Д ↑

В отличие от клейм мастеров, нанесенных при изготовлении вещи, знаки на точильных брусках, как на некоторых сосудах и грузилах, можно рассматривать как знаки собственности.

№ 154

154

Небольшие оссуарии из белого инкерманского мергеля. Найдены в 1954 г. в Инкерманской долине, около вершины Сахарная головка в совхозе № 10. Хранятся в Херсонесском музее.

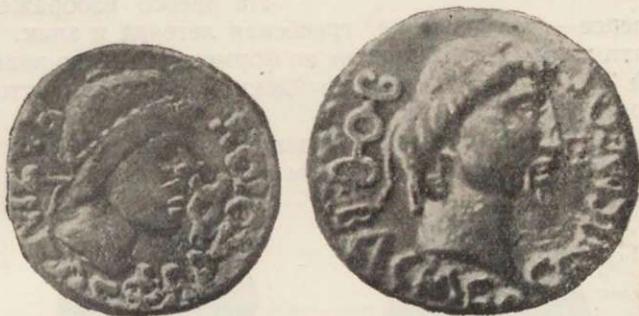
На территории совхоза обнаружен большой могильник местного населения III—IV вв. н. э. См. отчет С. Ф. Стржелецкого о раскопках могильника (архивы ИИМК и Херсонесского музея).

Оссуарии по своей форме близки к херсонесским, но несколько огрублены, имеют меньшую высоту и почти квадратное основание. Их крышки, как и на херсонесских саркофагах, напоминают двускатную крышу с четырьмя акротериями по углам. На стенке одного оссуария тонкой четкой линией вырезан знак, напоминающий знак Ининфимея, но без поперечной перекладины. На крышке другого саркофага такой же линией нанесен знак в виде двойной дуги.

ЗНАКИ НА МОНЕТАХ

№ 155

На монетах скифских царей Фарзоя и Инисмея, чеканенных в Ольвии в I—II вв. н. э., наряду с греческой легендой имеются знаки. Они помещаются на лицевой стороне монет, рядом с портретом царя, а на моне-

155

тах Фарзоя иногда и под лапами орла¹. Орешников (Нумизматический сборник, т. III, 1915, стр. 18) считает их знаками царей. На монетах Фарзоя, возможно, помещается изображение кадуцея.

Знак на монете Инисмея имеет аналогию на одном из боспорских грузил (№ 148).

№ 156

Знаки встречаются также на монетах боспорских царей III—IV вв. н. э.: Фофорса, Радамсада (I) и Рискупорида IV (Ψ).

¹ Н. П. Розанова, Монеты царя Фарзоя, МИА, № 50, 1956, стр. 197 сл., табл. I, 2, 5.

156

Варианты знака Фофорса и знаки двух других царей изданы Л. П. Харко (Тиритакский монетный клад 1946 г., ВДИ, 1949, № 2, табл. II и табл. III, 5).

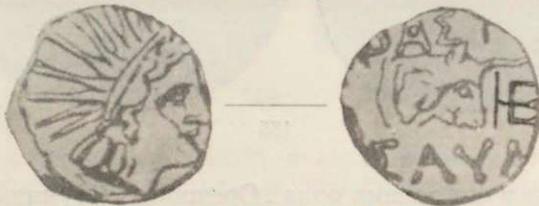
№ 157

На реверсе монеты Савмака конца II в. до н. э. имеется изображение, которое, возможно, представляет собой знак. Монета найдена на восточном берегу Черного моря, издана А. Заллетом (A. Sallet, Saul... oder Saum..., ein kolchischer oder scythischer König, ZfN, III, 1876). Хранилась в Берлинском музее.

На аверсе изображение головы царя, на реверсе — голова быка, греческая легенда и знак.

Знак почти полностью совпадает по форме с одним из знаков на плите из Анапы (№ 31), т. е. памятнике, найденном также на восточном берегу Черного моря.

В нумизматической литературе издавна ведется спор о том, принадлежат ли монеты с указанным портретом и легендой скифскому царю Сав-

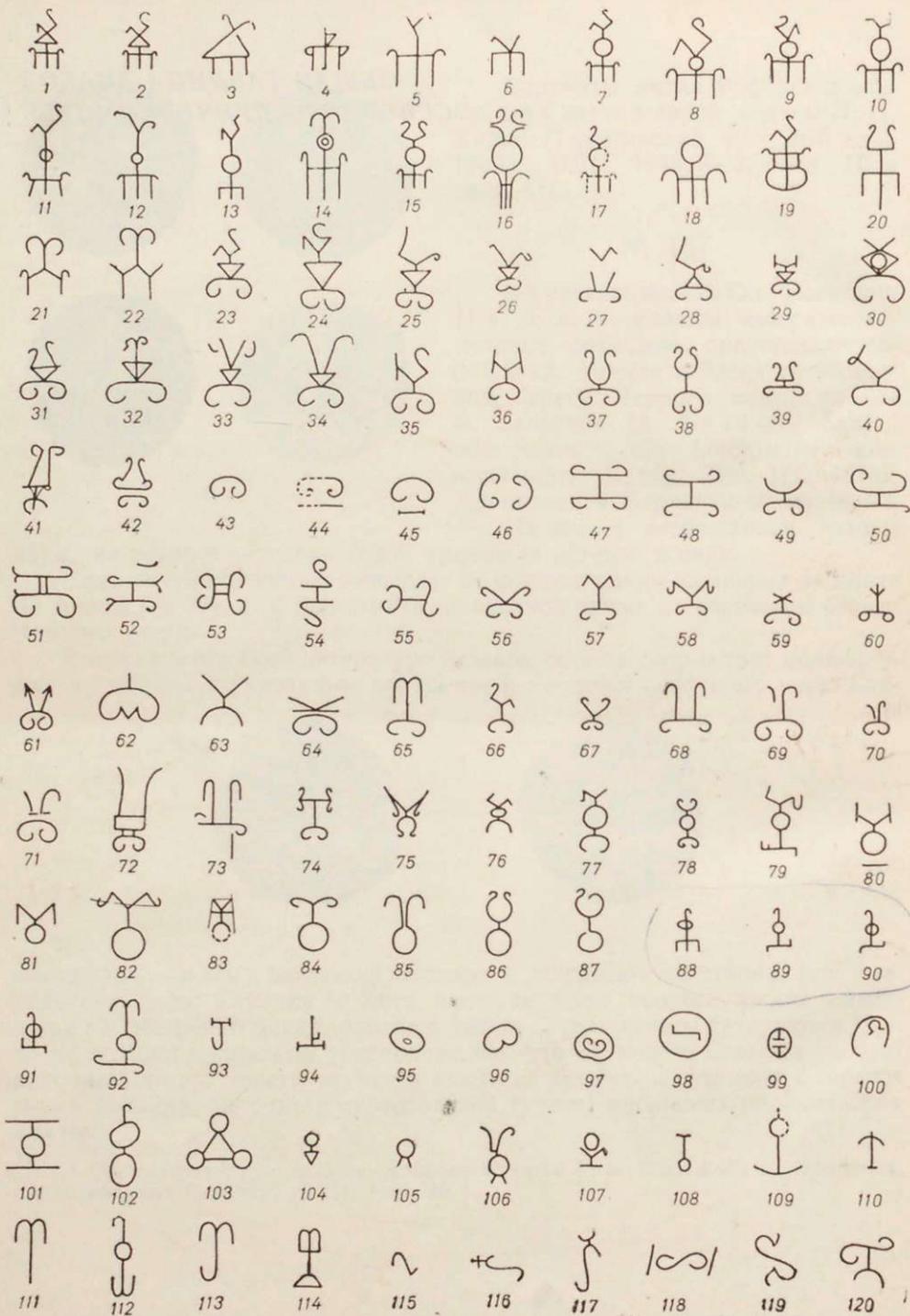

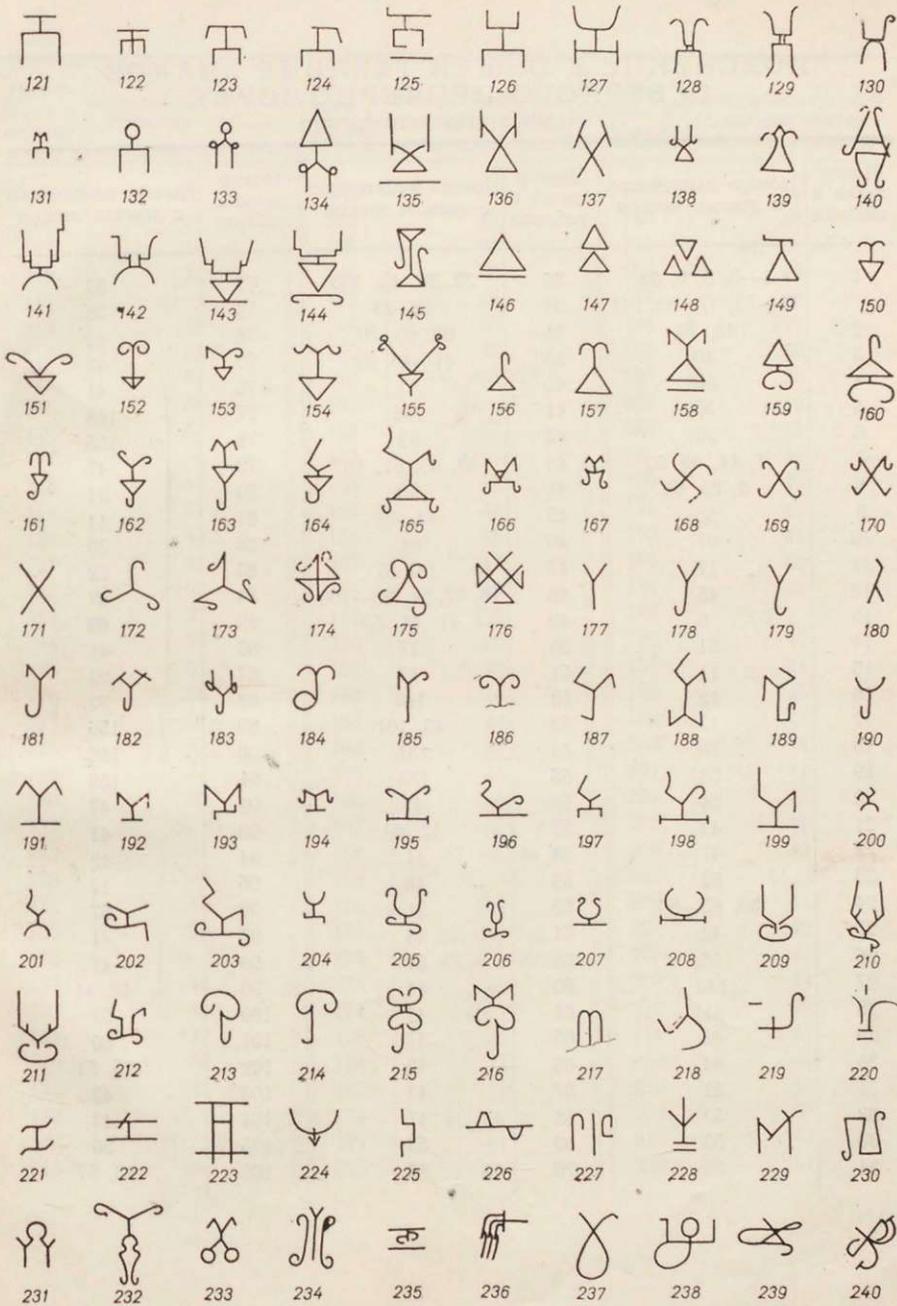
157

маку, захватившему власть на Боспоре в результате восстания, или колхидскому царю Саулаку¹. Хотя решение этого вопроса весьма важно и при рассмотрении знака, однако в любом случае монеты датируются II в. до н. э. Если правильно предположение, что на монете Савмака изображен знак, то эта монета окажется одним из ранних памятников с сарматскими знаками, не считая своеобразной группы кубанских керамических плиток.

¹ См. литературу по данному вопросу в статье К. В. Голенко, О монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1951, № 4.

ОБЩАЯ ТАБЛИЦА ЗНАКОВ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ПОЯСНЕНИЕ К ОБЩЕЙ ТАБЛИЦЕ ЗНАКОВ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(comparatio numerorum)

Номер знака в таблице	Номера памятников с данным знаком	Номер знака в таблице	Номера памятников с данным знаком	Номер знака в таблице	Номера памятников с данным знаком
1	1—3, 5, 6, 68, 71—75, 77—82, 144	36	32, 36, 43, 103	72	53
		37	18, 23	73	38
2	48, 76	38	63, 65, 70	74	42
3	40	39	41—43, 52	75	42
4	50	40	41	76	41
5	35	41	152	77	148
6	20	42	52	78	155
7	7, 44, 48, 52	43	42, 43, 61, 137	79	47
8	8, 89, 90	44	59	80	21
9	50	45	43, 46	81	44
10	67	46	64	82	30
11	17	47	14, 15	83	22
12	45	48	16, 47, 57, 98—100	84	47
13	9	49	41, 44, 55	85	69
14	51	50	17	86	41
15	11	51	17	87	23
16	12	52	102	88	33
17	13	53	45, 101	89	156
18	10	54	137	90	156
19	52	55	138	91	156
20	24	56	47	92	47
21	42	57	42, 60	93	41
22	47	58	41	94	42
23	52	59	48	95	17
24	50, 83—86	60	21	96	57
25	42	61	43	97	41
26	46	62	51	98	47
27	143	63	44	99	42, 44
28	41	64	43	100	57
29	43	65	47	101	60
30	44	66	42	102	25, 51
31	52	67	43	103	49
32	52	68	47	104	43
33	53	69	53	105	36
34	53	70	43	106	43, 57

Номер знака в таблице	Номера памятников с данным знаком	Номер знака в таблице	Номера памятников с данным знаком	Номер знака в таблице	Номера памятников с данным знаком
35	66	71	92	107	44
108	21	144	48	180	57
109	58	145	48	181	41, 42, 47
110	34	146	42	182	42
111	41, 42	147	44	183	42
112	38	148	60	184	134
113	47	149	42	185	60
114	51	150	34, 43, 129	186	59
115	58	151	41, 47	187	42
116	58	152	57	188	41
117	58	153	41, 42	189	42
118	47	154	47	190	43
119	51	155	41	191	43
120	43	156	46	192	44
121	31	157	47	193	42
122	157	158	41	194	48
123	97	159	135	195	23, 43
124	58	160	60	196	47
125	39	161	42	197	41
126	58	162	42	198	45
127	60	163	47	199	47
128	57	164	41	200	44
129	57	165	41	201	41
130	52	166	42	202	48
131	19, 41	167	43	203	42
132	31	168	57, 95, 96	204	42
133	45	169	93, 94	205	41, 47
134	45	170	107	206	43
135	29	171	27, 44, 142	207	42
136	56, 61	172	43, 57, 130	208	41
137	48	173	42	209	44
138	41	174	43, 51	210	44
139	132	175	43	211	45
140	52	176	47	212	42
141	47	177	18	213	43
142	42, 47	178	41, 49, 91	214	59
143	47, 48	179	91	215	43
216	56	225	57	234	147

Номер знака в таблице	Номера памятников с данным знаком	Номер знака в таблице	Номера памятников с данным знаком	Номер знака в таблице	Номера памятников с данным знаком
217	49	226	41	235	42
218	149	227	60	236	41
219	54	228	42	237	40
220	150	229	26	238	62
221	57	230	42, 60	239	61
222	42	231	42	240	45
223	62	232	42		
224	42	233	41		

БИБЛИОГРАФИЯ

- А н ф и м о в Н. В., Древние поселения Прикубанья, Краснодар, 1953.
- А р т а м о н о в М. И., Средневековые поселения на нижнем Дону, Л., 1935.
- Б а д е р О. Н., Древние изображения на потолках гротов в Приазовье, МИА, № 2, 1941.
- Б е н ь к о в с к и й П., О терракотовых повозочках из Керчи, ИАК, в. 9, 1904.
- Б р у н Ф., Донесение о поездке к устьям Буга и Днепра, ЗОО, т. V, 1863 (об ольвийских львах).
- Б у р а ч к о в П., О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России, ЗОО, т. IX, 1875.
- В я з ь м і т і н а М. І., Вивчення сарматів на території Української РСР, «Археологія», т. VIII, К., 1953.
- Г а й д у к е в и ч В. Ф., Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 427—430.
- Г а й д у к е в и ч В. Ф., Боспорский город Илурат, СА, XIII, 1950, стр. 196, рис. 9 (ткацкие грузила со знаками).
- Г а й д у к е в и ч В. Ф., К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях, МИА, № 25, 1952.
- Г о р о д ц о в В. А., Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, Труды ГИМ, в. 1, 1926.
- Г о р о д ц о в В. А., Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками, АИЗ, в. V, № 12, 1897.
- Д а н и л е н к о В. М., Про наскельні зображення Кам'яної Могили, «Археологія», т. IV, К., 1950.
- Е ф и м е н к о П. С., Юридические знаки, ЖМНП, ч. CLXXV и CLXXVI, 1874.
- З а х а р о в Н. А., Вновь найденная каменная плита со знаком из района Кубанских плавень, ЗСКОАИЭ, кн. I, в. 5-6, 1929.
- К н и п о в и ч Т. Н., Танаис, М.—Л., 1949, стр. 55 сл.
- К о з ы р е н к о И. И., Тамги на археологических памятниках Одесского государственного археологического музея. Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса, 1957.
- К о н с т а н т и н о в Н. А., Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья, альманах «Крым», № 7, 1951.
- К о н с т а н т и н о в Н. А., Черноморские загадочные знаки и глаголица, УЗЛГУ, серия филол. наук, в. 23, 1957.
- Л а т ы ш е в В. В., IosPE, тт. I, II, IV.
- Л а т ы ш е в В. В., Загадочные ольвийские надписи, ЗОО, т. XV, 1889.

- Латышев В. В., Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей..., ЗРАО, т. IV, 1890.
- Латышев В. В., Сборник греческих надписей христианских времен из южной России, СПб, 1896.
- Лихачев Д. А., Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, ВИ, 1951, № 12.
- Лоукотка Ч., Развитие письма, М., 1950.
- Луни Б. В., Фрагмент архаической керамики с Кизитиринского городища, орнаментированный свастическими знаками, ЗСКОАИЭ, кн. I, в. 1, 1927.
- Макаренко Н. Е., Археологические исследования 1907—1909 гг., ИАК, в. 41, 1911 (знаки на камнях Маяцкого городища).
- Маллицкий Н. Г., О связи тюркских тамг с орхонскими письменами, Протоколы Туркест. кружка любителей археол., г. III, 1897—1898.
- Малов С. Е., Памятники древнетюркской письменности, М., 1951.
- Марти Ю. Ю., Новые эпиграфические памятники Боспора, ИГАИМК, в. 104, 1935, № VI.
- Марти Ю. Ю., Неопубликованные археологические памятники Керченского музея, ВДИ, 1941, № 1.
- Мещанинов И. И., Загадочные знаки Причерноморья, ИГАИМК, в. 62, 1933.
- Мурзакевич И., Ольвийские древности, ЗОО, т. III, 1853.
- Небольсин П., Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, СПб, 1852.
- Орешников А. В., Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах, АИЗ, т. II, 1894.
- Орешников А. В., Классификация древнейших русских монет по родовым знакам, ИАН, отд. гум. наук, № 2, 1930.
- Пожидаев В. П., Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент УЗКНИИ, т. IV; Нальчик, 1948.
- Придик Е. М., Греческие заклятия и амулеты из южной России, ЖМНП ч. 326, 1899.
- Ростовцев М. И., Античная декоративная живопись на юге России, СПб, 1914.
- Рудинский М. Я., Каменная Могила, КСИА, в. 1, 1952.
- Рыбаков Б. А., Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв., СА, VI, 1940.
- Рыбаков Б. А., Древние русы, СА, XVII, 1953.
- Савельев А. И., Два лапидарных памятника, журн. «Древняя и новая Россия», 1875, № 4.
- Смирнов К. Ф., Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры, СА, XVII, 1953.
- Соколов Д. Н., О башкирских тамгах, Труды ОУАК, т. XIII, 1904.
- Соловьев Е. Т., О необходимости изучения знаков собственности..., Труды ВАС, М., 1887.
- Соломоник Э. И., О таврении скота в Северном Причерноморье (По поводу некоторых загадочных знаков), сб. «История и археология древнего Крыма», К., 1957.
- Соломоник Э. И., О двух загадочных знаках на стеле из Ольвии, КСИА, в. 6, 1956.
- Соломоник Е. И., Деякі пам'ятки Північного Причорномор'я із знаками, «Археологія», т. X, 1957.
- Спасский Г., О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и о сходстве некоторых из них с великорусскими, ЗРГО, кн. 12, 1857.
- Стефани Л. Э., Древности Босфора Киммерийского, СПб, 1854.
- Тиханова М. А., Культура западных областей Украины в первые века н. э., МИА, № 6, 1941, стр. 274 сл.
- Толстов С. П., Из предистории Руси, СЭ, VI-VII, 1947.

- Толстов С. П., Древний Хорезм, 1948, стр. 184 сл.
- Толстой И. И., Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М.—Л., 1953.
- Толстой И., Кондаков Н., Русские древности в памятниках искусства, в. II, СПб., 1889.
- Третьяков П. Н., Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 216.
- Формозов А. А., Сосуды срубной культуры с загадочными знаками, ВДИ, 1953, № 1.
- Харко Л. П., Тиритакский монетный клад 1946 г., ВДИ, 1949, № 2.
- Шаргородский М. П., Об юкагирских письменах, журн. «Землеведение», М., 1895, кн. II-III.
- Шилов В. П., Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г., СА, XXIII, 1955, стр. 248 сл.
- Шифнер А., Об этнографической важности знаков собственности, Уч. зап. Акад. наук, т. III, 1885.
- Шкорпил В. В., Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия, ИАК, в. 37, 1910.
- Штаерман Е. М., О «загадочных знаках» Северного Причерноморья, ВДИ, 1950, № 1.
- Штерн Э. Р., «Graffiti» на античных южнорусских сосудах, ЗОО, т. XX, 1897.
- Шульц П. Н., Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.), сб. «История и археология древнего Крыма», К., 1957.
- Эпштейн Е. М., К вопросу о времени происхождения русской письменности, УЗЛГУ, серия ист. наук, в. 15, 1948.
- Юргевич В., Ольвийская надпись, ЗОО, т. VIII, 1872.
- Юргевич В., Камень с загадочными знаками, хранящийся в музее Одесского общества истории и древностей, ЗОО, т. XV, 1889.
- A p t o n i e w i c z W., Żelazne oszczepy inkrustowane z Kamienicy, PA, t. I, zosz. 3-4, Poznań, 1920.
- A r n z t H., Die Runenschrift, ihre Geschichte und ihre Denkmäler, Halle, 1938.
- E b e r t M., Prähistorische Zeitschrift, т. I, Berlin, 1909, стр. 69 сл.
- F a u l m a n n K., Illustrierte Geschichte der Schrift, Wien, 1880.
- H ö m e y e r C. G., Die Haus- und Hofmarken, Berlin, 1870.
- J ä n i c h e n H., Bildzeichen der königlichen Heißeit bei den iranischen Völkern, Bonn, 1956.
- K i e s e r i t z k y G. und W a t z i n g e r C., Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909.
- K o s t r z e w s k i J., Pismo obrazkowe, znaki własności, czy symbole religijne?, PA, т. II-III, zosz. 3-4, Poznań, 1921.
- K r a u s e W., Runeninschriften im älteren Futhark, Halle, 1937.
- M i n n s E. H., Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 316 сл.
- М о р о з а н N., Semn ieroglific dintr' un kurgan din Basarabia, Chişinău, 1938.
- S c h u l t e n A., Ein unbekanntes Alphabet aus Spanien, Zeitschrift der Deutschen Morgenländ. Gesellsch., т. 78, 1924.
- S c h u c h h a r d t K., Vorgeschichte von Deutschland, 1928, стр. 274 сл.
- S m i s z k o M., Grot dziarty z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sanem, Wiadomości Archeologiczne, т. XIV, Warszawa, 1936.
- S t e i n e n K., Prähistorische Zeichen und Ornamente, Berlin, 1896.
- S t r u v e Th., Pontische Briefe, Rheinisches Museum für Philologie, т. 25, 1870.
- W e t z s t e i n., Ueber das Eigenthumszeichen nomadischer Völker, «Globus», т. XXXII, № 16, Braunsch., 1877.
- W e u l e K., Vom Kerbstock zum Alphabet, Stuttgart, 1921.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ НАХОДОК ПАМЯТНИКОВ СО ЗНАКАМИ

- Поволжье: № 93, 94, 117, 145.
Ганаис: № 1, 12, 13, 14, 15, 16, 38, 55, 56, 97, 120, 152.
Еланская станция (б. Донская обл.): № 137.
Давыдовка, село (около Воронежа): № 65.
Краснодар: № 96, 108, 109, 110, 111, 124, 126, 127, 128, 151.
Прикубанье: № 6, 54, 95, 113, 129, 130, 131, 133, 136, 138, 140, 146, 149.
Горгиппия: № 31, 156.
Фанагория: № 30.
Таманский полуостров: № 3, 4, 11.
Пантикапей: № 2, 9, 19, 21, 24, 25, 26, 28, 33, 44, 45, 46, 47, 51, 52, 66, 71, 72, 75 (?), 76, 77, 78, 80, 81, 84, 86, 89, 90, 91, 98, 101, 102, 135, 143, 144, 153.
Илурат: № 40.
Территория Боспорского царства (не уточнено): № 5, 7, 8, 10, 17, 18, 20, 27, 35, 37, 48, 49, 50, 67, 73, 99, 104, 148, 155.
Планерское (б. Коктебель), село (Крым): № 39.
Гурзуф (?): № 68.
Ак-Кая, пещеры около Белогорска (Крым): № 57, 58.
Красногорское (б. Нейзац), село (Крым): № 34, 92.
Неаполь скифский: № 53, 118.
«Красный», совхоз (около Симферополя): № 22.
Заветное, село (около Бахчисарая): № 122, 150.
Партизанское (б. Саблы), село (Крым): № 105.
Инкерман (Крым): № 88, 154.
Херсонес: № 62, 125.
Поднепровье: № 106, 114, 119, 141, 142, 147.
Кривой Рог: № 43.
Ольвия: № 29, 41, 42, 59, 60, 61, 63 (?), 64, 69, 70, 74 (?), 82 (?), 87 (?), 103, 107, 112, 121, 132, 154.
Малая Козырка, хутор (около Ольвии): № 36.
Задрость, село (Тернопольская обл.): № 23.
Тетчаны (Сев. Молдавия): № 32.
Место находки неизвестно: № 79, 83, 85, 100, 115, 116, 134.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СО ЗНАКАМИ

- Бахчисарайский историко-археологический музей: № 88, 122, 150.
Государственный исторический музей (Москва): № 44, 45, 78, 86, 94, 95, 96, 102, 117, 120, 123, 129, 130, 131, 136, 137, 138.
Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина (Москва): № 99, 118.
Государственный Эрмитаж (Ленинград): № 4, 13, 14, 29, 30, 41, 42, 59, 63, 66, 67, 69, 70, 71, 76, 80, 84, 89, 90, 91, 97, 103, 104, 111, 112, 124, 133, 135, 139, 140, 143, 146.
ИИМК АН СССР (Ленинград): № 60, 61, 145.
ИИМК АН СССР (Москва): № 93, 152.
Институт археологии АН УССР (Киев): № 147.
Керченский историко-археологический музей: № 2, 3, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 35, 40, 46, 47, 48, 49, 51, 148.
Киевский исторический музей: № 100, 107, 114, 119, 142.
Краснодарский историко-краеведческий музей: № 54, 108, 109, 110, 126, 127, 128, 151.
Крымский областной краеведческий музей (Симферополь): № 22, 79, 92, 105.
Музей антропологии и этнографии (Ленинград): № 149.
Новочеркасский музей: № 1.
Одесский археологический музей: № 15, 31, 38, 43, 85, 98, 116, 121, 125, 144.
Планерское (б. Коктебель): № 39.
Херсонесский археологический музей (Севастополь): № 62, 154.
Херсонский историко-краеведческий музей: № 36.
Metropolitan museum of art (Нью-Йорк): № 81 (по Рихтеру).
Museum für Kunst und Gewerbe (Гамбург): № 82, 87 (по Мерклину).
Museum für Völkerkunde (Берлин): № 68, 83 (по Эберту).
Местонахождение неизвестно: № 6, 12, 16, 23, 25, 26, 27, 28, 32, 37, 50, 55, 56, 64, 65, 72, 73, 74, 75, 77, 101, 106, 113, 115, 132, 134, 153.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АДЖ — М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, СПб, 1914.
- АИЗ — Археологические известия и заметки.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ВИ — Вопросы истории.
- ГИМ — Государственный исторический музей.
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина.
- ДБК — Древности Босфора Киммерийского.
- ДП — Древности Приднепровья.
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
- ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей.
- ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
- ЗРГО — Записки Русского географического общества.
- ЗСКОАИЭ — Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии.
- ИАК — Известия Археологической комиссии.
- ИАН — Известия Академии наук.
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии материальной культуры.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.
- ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
- КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК.
- КФАН — Крымский филиал Академии наук.
- МАК — Материалы по археологии Кавказа.
- МАР — Материалы по археологии России.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- ОАК — Отчет Археологической комиссии.
- ОАСА ИА — Отдел античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР.
- СА — Советская археология.
- СЭ — Советская этнография.
- Труды... АС — Труды... археологического съезда.
- Труды ОУАК — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.
- УЗКНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института.
- УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета.
- AA — Archäologischer Anzeiger
- IosPE—B. L a t y s c h e v, Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini.
- PA — Przegląd Archeologiczny.
- PZ — Prähistorische Zeitschrift.
- NIZ — Zeitschrift für Numismatik.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
--------------------	---

Часть I

О сарматских знаках

История исследований	9
О происхождении знаков	16
О формах знаков	19
Основные группы памятников со знаками	22

Часть II

Описание памятников со знаками

Единичные знаки на камнях (№ 1—40)	49
Множество беспорядочно расположенных знаков (№ 41—56)	87
Ряд знаков с относительно упорядоченным расположением (№ 57—62)	113
Знаки на ремесленных изделиях (№ 63—154)	125
Знаки на монетах (№ 155—157)	165
Общая таблица знаков Северного Причерноморья	167
Библиография	173
Указатель мест находок памятников со знаками	176
Указатель мест хранения памятников со знаками	177
Принятые сокращения	178

Соломоник Элла Исааковна
**Сарматские знаки Северного
Причерноморья**

*

Редактор издательства *В. Л. Зуц*
Художественный редактор *В. М. Тепляков*
Обложка художника *Б. В. Валунка*
Технический редактор *Н. П. Рахлина*
Корректоры *М. И. Сахарова, Н. С. Васильева*

*

БФ 03654. Зак. № 1109. Изд. № 5. Тираж 1000.
Формат бумаги 70×92¹/₁₆. Печ. физ. листов 11,25.
Учетно-издат. листов 10,87. Условно-печ. листов-
13,16. Подписано к печати 26/III 1959 г.
Цена 6 руб. 90 коп.

*

Типография Издательства АН УССР,
Киев, Репина, 2.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
108	10 сн.	(300),	(300,
124	рис. 62		перевернуть
148	рис. 107		перевернуть
178	1 сн.	NIZ	ZfN
1109			

ОПИСАНИЕ

Введение	1	1	1
Глава I	10	10	10
Глава II	20	20	20
Глава III	30	30	30
Глава IV	40	40	40
Глава V	50	50	50
Глава VI	60	60	60
Глава VII	70	70	70
Глава VIII	80	80	80
Глава IX	90	90	90
Глава X	100	100	100
Глава XI	110	110	110
Глава XII	120	120	120
Глава XIII	130	130	130
Глава XIV	140	140	140
Глава XV	150	150	150
Глава XVI	160	160	160
Глава XVII	170	170	170
Глава XVIII	180	180	180
Глава XIX	190	190	190
Глава XX	200	200	200
Глава XXI	210	210	210
Глава XXII	220	220	220
Глава XXIII	230	230	230
Глава XXIV	240	240	240
Глава XXV	250	250	250
Глава XXVI	260	260	260
Глава XXVII	270	270	270
Глава XXVIII	280	280	280
Глава XXIX	290	290	290
Глава XXX	300	300	300

out -)
WB₃ - 1

С. 100. 90 коп.

46649

2011146962